

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 12

**Москва
2000**

ББК 81
Я410

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:
д.п.н., проф. *Ю.Е. Прохоров*
д.ф.н., проф. *Ю.А. Сорокин*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с её безгонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном и/или электронном виде, включая размещение в Интернете

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – Вып. 12.
– 148 с.

ISBN 5-89209-585-1

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в 1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуск 11 – в 2000 г.

ББК 81
Я410

ISBN 5-89209-585-1

© Авторы статей, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ

- Фесенко Т. А.* Концептуальное моделирование
как метод изучения ментальной реальности человека5
- Базылев В. Н.* Феноменологическая эйдетическая дескрипция
эмоций: враждебность9
- Киреева Е. С.* Концепция множественной структуры личности
(субъектный модус в речевом поведении)13
- Пак Сон Гу (Республика Корея)* Фитонимы в русской и корейской
фразеологии20
- Бердникова Т. А.* О структуре и семантике фразеологических
единиц с компонентом-соматизмом
(на материале архангельских говоров)28
- Филимонова Е. Н.* Семантическая структура иноязычной лексемы
в русском языке (на примере корейской лексемы кисэн)35

ЛИНГВИСТИКА

- Красных В. В.* Лингво-когнитивный подход к коммуникации41
- Захаренко И. В.* О целесообразности использования термина
«прецедентное высказывание»46
- Саниева И., Давыдов В. М.* Ирония. История вопроса54
- Чупрына О. Г.* Лексическое представление прошлого — настоящего
— будущего в рамках модели «предшествование —
непредшествование» в древнеанглийском языке70
- Кизилова Т. Ю.* О специфике аллюзивных заглавий
литературных произведений74
- Гусева Н. И.* Ещё раз о норме (норма звучащей речи
английского языка в контексте международного общения)78

<i>Френкель О. В.</i> Просодическое оформление высказывания как способ социальной характеристики говорящего	88
<i>Караванов А. А.</i> Семантика глаголов однонаправленного движения с префиксом ПО- в свете теории Л. В. Щербы об эксперименте в языкознании	96
<i>Москалева М. М., Хуа Фун (Китай)</i> Заимствование как один из путей образования терминов (на примере русской и китайской военной лексики).....	105
<i>Мунгалов Д. В.</i> О некоторых особенностях испанского языка в США.....	109
ЛИНГВОПОЭТИКА	
<i>Чжон Тэ Он (Республика Корея)</i> Языковые средства создания комического в рассказах М. Зощенко	117
ЛИНГВОДИДАКТИКА	
<i>Михалкина И. В.</i> К вопросу о лингводидактических основах организации контроля при обучении русскому языку как иностранному	121
<i>Касько Н. Н.</i> Некоторые аспекты обучения нефилологов русскому произношению	128
<i>Супрун И. В.</i> К вопросу отбора учебного материала для обучения иностранцев профессиональному общению на русском языке	137
<i>Изотова А. А.</i> Идиоматическая фразеология в произведениях английской художественной литературы (программа спецкурса).....	143

ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ

Концептуальное моделирование как метод изучения ментальной реальности человека

© доктор филологических наук Т. А. Фесенко, 2000

По своей природе мысль человека предполагает, с одной стороны, независимый от нее материальный мир, отражаемый ею, а с другой — вербальные средства ее выражения. Естественный язык не обладает функцией порождения мысли; являясь средством выявления структуры мысли носителя языка, он, по сути, дает ключ к реконструкции сознания. Реальная действительность отражается в человеческом мозгу в процессе мышления как накопленное знание об этой действительности, репрезентируемое в материальных формах языка. Язык обеспечивает человеку переход на уровень оперирования формами мысли, которые эксплицируются в семантике вербальных форм. Мышление, таким образом, не просто существует в формах мысли, но реализуется в конкретных, эксплицирующих эти формы мысли вербальных формах. Одним из компонентов, опосредующих этот процесс, является, по нашему мнению, концепт.

Изучение соотношения мыслительных и языковых структур и их роли в познании действительности позволяет нам вслед за другими исследователями постулировать наличие “промежуточного языка мысли”, опосредующего связь мышления с естественным языком и определяемого нами как **“язык ментальных построений” (ЯМП)**, одним из структурных компонентов которого, как отмечалось выше, является концепт. ЯМП рассматривается нами как “промежуточный код” между УПК¹ (в терминологии Н. И. Жинкина) и реальной речью. ЯМП осуществляет “перекодировку” содержания смыслового кода (УПК) в вербальные знаки.

Концепт существует в ментальной реальности человека (его сознании) как совокупность знаний и информации об актуальном или вероятном положении дел в реальном мире в контексте эмоций, переживаний, ассоциаций и так далее. Осознание его как ментального образования позволяет не только реконструировать ментальный мир носителя концептуальной системы, мир его психики, но и воссоздать его этно-

¹ Универсальный предметный код.

культурный образ, его этноментальную характерологию, ибо концепт — это фрагмент этнокультурной среды в ментальном мире человека.

Бесспорно, что содержание базовых концептов значительно объемнее, чем содержание одноименных языковых сущностей, поскольку их осознание распространяется по всей идеографической сфере, включающей разноименные обозначения “родового” понятия. Наличие безусловной связи идеографически организованных языковых выражений с концептуальной системой позволяет нам рассматривать определенную вербальную идеографическую организацию как *репрезентацию концептуальной модели*, содержащей все знания и весь ценностный опыт, накопленные данным социумом.

Построение концептуальной модели является *селективным процессом*, обеспечивающим выбор информации, “истинной” для определенного фрагмента действительности, фактов и событий; при этом концептуальная модель как бы сохраняет мысль “открытой” предстоящим возможностям.

Семантическое содержание концептов интерпретируется нами в контексте форм мысли носителя языка как их этнокультурная репрезентация.

Практически любой концепт может быть переведен с одного языка на другой (с возможной редуциацией содержания) и репрезентирован в иной вербальной “упаковке”. Однако переводчик, выступая носителем того же вербального кода, что и автор сообщения, является одновременно носителем иной концептуальной системы, с помощью которой он должен трансформировать исходное мыслительное содержание сообщения. Например, образным выражением мира психики человека и его жизненных принципов служит немецкий концепт “*sesshaft*”, представленный в следующем вербальном варианте:

- Ich bin nicht sesshaft, werde es nie sein... (с. 25)²

В семантической основе концепта “*sesshaft*” лежат лексические единицы “*ansaessig*”, “*wohnhart*”, “*beheimatet*”, “*einheimisch*”, “*ingesessen*”, то есть “постоянно проживающий”, “местный”, “оседлый”, “натурализованный гражданин”. Неоседлый человек (nicht sesshaft) ведет кочевой образ жизни, не имеет постоянного места жительства, передвигается “с места на место со своим имуществом”.

“Кочеванье” является атрибутом многих видов профессиональной деятельности и, в частности, профессии клоуна. Выступая контекстно маркером “немецкой деловитости”, активного образа жизни и предприимчивости, “кочеванье”, как сопутствующий элемент конкретной профессиональной деятельности сопровождается положительными психо-

² Boell H. Ansichten eines Clowns. Berlin, 1968. (Пер. Л. Черной).

логическими и рационалистическими оценками, закрепленными в этническом сознании немцев. В переводном контексте концепт "sesshaft" вербализован следующими вариантами:

- Я непоседа и оседлым никогда не стану... (с.430).

- По натуре я бродяга , я никогда не стану человеком оседлым...

(с.23).

Семантическое значение концепта "непоседа" определяется набором таких интегральных признаков, как "неусидчивый", "неугомонный", "егозливый", "вертлявый", "беспокойный", "подвижный", "суетливый", "непослушный". Концепт "непоседа" имеет ассоциативную связь с образом ребенка-"егозы" и сопровождается в этом контексте положительными психологическими оценками.

Применительно к взрослому человеку образ "непоседа" рождает иные ассоциации, поскольку данная лингвокогнитивная модель предполагает наличие таких интегральных признаков, как "ребячливый", "беспечный", "инфантильный", "несерьезный", "легкомысленный", "беззаботный", "пустой", "поверхностный", "бездумный", "ветренный", "неосновательный", "дурашливый", "шалопутный", которые вызывают далеко не однозначные эмоции: насмешку, жалость, раздражение, сожаление, неприязнь, недоумение и другие, сопровождающиеся отрицательными психологическими и прагматическими оценками.

Семантическая основа второго вариантного концепта "бродяга" складывается из смысловых компонентов "неприкаянность", "бродяжничество", "бездомность", "бесцельность", "нищета", "скитание", "ненадежность". В практическом сознании концепт "бродяга" маркирован отрицательными утилитарными и рационалистическими оценками и не ассоциируется с профессиональной деятельностью, поскольку и немецкая, и русская лингвокогнитивная модель допускает существование "бродячих" артистов, то есть "странствующих", но не "бродяжничающих", то есть "обнищавших, бездомных людей, скитающихся без определенных занятий"³. Следовательно, смысловая наполненность и оценочная квалификация исходного концептуального инварианта "sesshaft" не нашли своего выражения в русских концептуальных вариантах "непоседа" и "бродяга".

Семантическое описание культурных концептов позволило выявить многочисленные случаи смысловой и оценочно-психологической несотнесенности переводных концептуальных вариантов с их инвариантными структурами или случаи их иной эмотивно-психологической и оценочной аранжировки, что позволило сделать вывод об определяющей роли концептуальных систем при трансформации исходного смы-

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1988. С. 51.

слового содержания, поскольку лингвокогнитивной основой понимания и оптимального перевода является **согласованность уровней концептуальных систем представителей тех или иных лингвокультурных миров**, в частности, автора ИТ и его переводчиков и **соотнесение “личностных картин мира”**. Таким образом, концепты и концептуальные структуры являются в контексте перевода *маркерами понимания “этнической специфики мышления” и этнокультурного образа носителя иной концептуальной системы.*

Проведенный нами концептуальный анализ позволил далее определить *значение концептуального моделирования как метода изучения не только этнокультурной, но и ментальной реальности* автора ИТ и его переводчиков как носителей разных концептуальных систем. Предпочтение, отдаваемое переводчиком тому или иному вербальному выражению, отражает ориентационную основу его отношения к реальной действительности, что обусловлено, по нашему мнению, не столько лингвистической, сколько его *этнокультурно маркированной ассоциативной компетенцией*, обеспечивающей этнокультурную выраженность концептуальных структур и их вербальных кодов, репрезентирующих этноментальные модели определенного лингвокультурного мира.

Феноменологическая эйдетическая дескрипция эмоций: враждебность

© доктор филологических наук В. Н. Базылев, 2000

Данная статья продолжает серию публикаций, содержащих феноменологическую эйдетическую дескрипцию эмоций. Выполненные в парадигме феноменологии, описательные компоненты в ходе последующей интерпретации призваны подвести нас к пониманию того, что же представляет собой эмоция как некий хаотический когнитивный процесс, овнешняемый в поведении индивида и коллектива. Наши предшествующие работы были посвящены таким эмоциям как “скука”, “гнев”, “радость”, “безмятежность” [1-4], а также формулированию теоретической – методологической и методической – базы исследовательского подхода-программы [5-7].

Враждебность как эмоция в качестве эйдетического феномена овнешняется в чувствах и потребностях индивида, что, в свою очередь, тесным образом взаимосвязано. Иерархия потребностей (“лестница Маслоу”) выстраивается следующим образом: витальные потребности прямо необходимые для сохранения жизни; потребности в безопасности, то есть в устранении угрозы существованию индивида; потребности в общении личном и социальном; потребности в признании со стороны близких и общества; потребности в самовыражении [8].

По мере индивидуального развития значение каждой последующей ступени в жизни человека возрастает. Неудовлетворённые потребности пробуждают эмоциональную сферу, порождая враждебность; причём существуют сложные взаимосвязи между обострением потребностей и отношением человека к окружающему его миру. В современном мире “лестница Маслоу” “обломана” на второй ступени: как правильно утверждал Габриэль Марсель, “основная проблема современности – отсутствие безопасности, отсутствие гарантий. Мир пребывает в состоянии радикальной небезопасности” [9]. Обострение потребности в безопасности выражается в чувстве тревоги и враждебности, не способствующих последовательному рациональному отношению к реальной действительности.

Когнитивно-эмоциональное психосоматическое состояние человека, определяемое культурой как “враждебность”, даёт следующую палитру стереотипов:

– в эмоциях: невысказанное возмущение; страх

Они взглянули друг на друга, глаза их встретились, и каждый сделал шаг назад. Враждебные чувства изобразились на их лицах (Лерм. Кн.

Лиг., VII).

– в сексуальном поведении, в этическом уровне: сексуальные патологии, садизм; отрицательная этика, бесчестность (без причины на то); псевдоэтическая деятельность как прикрытие извращенной этики

Кого я полюблю – тому хорошо жить на свете; а уж кого не полюблю, так не пеняй. Да, я враг тому человеку, уж лучше беги с глаз моих долой (А.Остр. Бедн. не порок, д. III, явл. 7).

– в контроле над окружающим миром: стремление разрушить себя, других людей и окружающий мир, стремление командовать, чтобы понести ущерб; коварство с целью контроля над людьми

Николай покраснел, и тотчас решительным шагом подошел к Вере и шепотом стал говорить ей, что ежели она посмеет сделать что-нибудь неприятное Соне, то он будет ее врагом на всю жизнь (Л.Толст. Война и мир, Печ. вар. (IX, 425).

– в действительной ценности для общества в сравнении с видимой ценностью: опасен, вся видимая ценность сводится на нет потенциальной возможностью причинения вреда другим

Бесцветные серые глаза [полковника] глядели враждебно (Купр. Поединок, VIII).

– в отношении к правде: искажение правды в угрозу антагонизму, изобретательное и злонамеренное искажение правды, искусное скрывание лжи

Классовый враг хитер, нагл и коварен — это всем хорошо известно. Он не сложил и никогда не сложит своего отравленного оружия. Мы не имеем поэтому права предаваться благодушию, маниловщине (Ворошилов. XX лет РККА... , 30).

– в уровне смелости: иногда — скрытие действия, в остальном — трусость

Перхунов и Метальников постоянно враждовали друг с другом и редко встречались (Салт. Пошех. стар., XXX).

– в особенностях речи: говорит угрозами, обесценивает других людей, связан с враждебными или угрожающими сообщениями; слушает мало, в основном об интригах, сплетнях, лжи, передает только злонамеренные сообщения

И довольно было этих слов, чтобы то не враждебное, но холодное отношение друг к другу, которого Левин так хотел избежать, опять установилось между братьями (Л. Толст. Анна Карен., ч. VIII, гл. 14).

Язык мой — враг мой (посл.).

[Старик] подолгу рассказывал сыну про каких-то своих врагов, жаловался на обиды, которые он будто бы терпел каждый день от соседей (Чех. Мужики, III).

– в уровне реальности: сомнения в собственной реальности, неза-

цищенность, сомнения в противоположной реальности

Кажись, о чем бы горевать? Живи в довольстве, безобидно! Да нет: я вздумал ревновать. Что делать? Враг попутал, видно (Пушк. Гусар).

– *в способности справляться с ответственностью, в подверженности гипнозу, в способности испытывать удовольствие в настоящем времени: капризность, безответственность; нахождение в постоянном легком трансе, иногда в исключительных состояниях испытывать некоторое удовольствие, веселость большей частью принужденная, настоящее удовольствие недоступно*

[Пелагея:] Ладит одно — хочу жить по-нынешнему, модами заниматься. Уж так думаю, что это враге его смущает! (А.Остр. Бедн. не порок, д. I, явл. 3).

– *в настойчивости достижения цели: настойчивость уничтожение врагов, ниже этого уровня конструктивной настойчивости не существует; колебание при достижении к цели; изменчивость*

Шесть лет тому назад я получил пощечину, и враг мой еще жив (Пушк. Выстрел, I).

– *в методе обращения с людьми: принижение других людей, сведение их к уровню, на котором их можно использовать, применение подлых и жестоких методов, гипноз, сплетни, стремление к скрытому контролю*

Общество, которое рассматривает человека только как оружие своего обогащения — противочеловечно, оно враждебно нам (М. Горький. Мать, ч. II, гл. 25).

– *в буквальности понимания сказанного, в ценности как друга: букввальное понимание, неприятие замечаний, опасная обуза*

Прошло несколько дней, и вражда между двумя соседями не унималась ... Новое обстоятельство уничтожило и последнюю надежду на примирение (Пушк. Дубр., I).

– *в понимании окружающих: презрение*

Властитель слабый и лукавый, Плешивый щеголь, враг труда, Нечаянно пригретый славой, Над нами царствовал тогда (Пушк. Е.О. X).

– *в состоянии принадлежащих вещей: неудовлетворительное, запущенное*

... старик, ворчит и ропщет; ему все не мило, все переменялось около него; тихо враждует он с прибрежными горами, лесами, лугами (Гог. Страшная месть, IV).

– *в понимании окружающих: нет настоящего понимания*

[Белогубов] Братец, вы на меня напрасно претензию имеете. Бросимте, братец, всю эту вражду (А.Остр. Дох. место, д. III, явл. 3).

– *в потенциале успеха и выживания: почти всегда неудача, плохой потенциал выживания, непродолжительная жизнь*

Бегут рассеянны враждебные народы:
Бегут без памяти, падут с коньми
с гор в воды (Сумар. Хорев., д. V, явл. 2).

Л и т е р а т у р а

1. *Базылев В. Н.* Феноменологическая эйдетическая дескрипция эмоций: спокойствие-безмятежность // *Язык. Сознание. Коммуникация.* Вып. 9. М., 1999. С. 59-67.
2. *Базылев В. Н.* Эйдетическая дескрипция эмоций: радость // *Филология и культура.* Тамбов, 1999. С. 54-61.
3. *Базылев В. Н.* Феноменология эмоций: гнев // *Язык. Сознание. Коммуникация.* Вып. 7. М., 1999. С. 71-84.
4. *Базылев В. Н.* “Скука”, концепт когнитивный и языковой // *Когнитивная лингвистика конца XX века.* Минск, 1997. С. 196-199.
5. *Базылев В. Н.* Коннотация: опыт интерпретации в аспекте процедурной семантики // *Исследование языковых единиц и грамматических категорий в речи.* Уфа, 1998. С. 153-161.
6. *Базылев В. Н.* Семантика эмоциональных состояний: вербальный уровень // *Семантика языковых единиц.* М., 1998. С. 4-5.
7. *Базылев В. Н.* Обособленные концепты русской культуры // *Реальность. Язык. Сознание.* Тамбов, 1999. С. 90-94.
8. *Брудный А. А.* Психологическая герменевтика. М., 1998. С.251.
9. *Marcel G.* Les hommes contre l’humain. Paris, 1951. P.33.

Концепция множественной структуры личности (субъектный модус в речевом поведении)

© кандидат филологических наук Е. С. Киреева, 2000

В последнее время интерес к исследованию феномена языковой/речевой личности становится доминирующим в гуманитарных науках. В лингвистике на рубеже веков наблюдается смена парадигм. Науку о языке интересует не только и не столько таксономия, сколько разработка интегративного подхода к описанию речевого общения и структуры языковой личности. Одним из возможных путей реализации указанного подхода является построения синтезирующей модели речевого поведения за счет включения в его алгоритм двух координат — ролевого и субъектного модусов [Киреева, 1999]. Несмотря на наметившиеся в последнее время попытки учета личностного фактора, прагмалингвистические исследования в основном ориентируются на изучение зависимости форм языкового выражения от таких переменных, как ситуация общения, принадлежность коммуникантов к социальной общности: пол, социальный статус, социальная роль (ролевой модус). Субъектному модусу в этом случае уделяется мало внимания, в то время как для понимания вербального и невербального поведения немаловажен учет ментальной "неоднозначности" индивида. В данной статье мы предлагаем рассмотреть одну из экстралингвистических составляющих — субъектный модус (или концепцию множественной структуры личности).

Еще Платон полагал, что душа тройственна. В первой (высшей) ее части представлен мир идей. Она же суть разум (*noetikon*), являющийся вместилищем достоинств и мудрости. Разум, словно возничий конями, управляет двумя другими слагаемыми нашей души — душой пылкой и душой алчущей. Возничий-разум пытается направить бег своей упряжки, другими словами, направить человеческую жизнь к познанию мира идей. Но путь к разуму, по Платону, преграждают, с одной стороны, алчность (*epithymetikon*), а с другой — эмоциональность, или пылкость (*thymoeides*). Платон считает, что разуму проще справиться с пылкостью, ибо она "более возвышенна", чем алчность. Случается, что пылкость вступает в конфликт не только с разумом, но и с низшей, третьей частью души — душой алчущей, которая является источником зла и душевных страданий и не подчиняется идеям и доводам разума.

По Аристотелю [Аристотель, 1983(а)], душа суть форма (*entelecheia*) и состоит из двух (в каждой выделяются еще две составляющие) слагаемых: разумного и неразумного. Разумная часть складывается из научной, или теоретико-познавательной (*epistemonikon*), части,

посредством которой созерцаются неизменные принципы бытия, и рассудительной/рассчитывающей (*logistikon*), благодаря последней осмысливаются изменчивые обстоятельства, взвешиваются мотивы и осуществляется правильный выбор образа действия, т. е. она может быть соотнесена с мотивационно-прагматическим уровнем в структуре языковой личности. Посредством функционирования этой части души осуществляется правильный (целеполагающий) для данной личности (речевой) поступок. Неразумная часть души также состоит из двух частей: подвластной влечениям (аффективной, страстной, стремящейся) и растительной (вегетативной). Компонентами души являются метаболизм, рост и размножение. От этой вегетативной части души не зависит совершение или не совершение поступка. Он оказывается добродетельным, если положителен и по внешнему (объективному) результату, и по внутреннему (нравственному) мотиву. Добродетель предполагает не только активную волевою деятельность сознательной личности, но также известное душевное состояние, необходимое для того, чтобы человек поступал "сознательно" и с таким намерением, которое делало бы совершаемое действие "целью самою по себе" (ср. рассуждения М. М. Бахтина о поступке). Аристотель видит добродетель в нахождении надлежащей середины (ср. "двуанусность" Взрослого) в поведении и чувствах. По словам Аристотеля, нелегко найти надлежащую середину в чувствах, поступках, поведении. Иными словами, разумной части души трудно противостоять неразумной. Мыслитель видит путь для нахождения разумной середины в следующем: "Мы должны следить за тем, к чему мы сами восприимчивы, ибо от природы все склонны к разному, а узнать к чему — можно по возникающему в нас удовольствию и страданию, и надо увлечь самих себя в противоположную сторону, потому что, далеко уводя себя от проступка, мы придем к середине..." [Аристотель, 1983(б):93]. Идеи, высказанные мыслителем, вполне ощутимы и в современных психологических теориях.

По мнению З. Фрейда, структуру личности можно представить в виде: **Я (Эго), Оно (Ид) и Сверх-Я (Супер-эго).**

Я человека, представляющее его разум, формируется в связи с процессами восприятия внешнего мира, а точнее, в связи с процессами, которые определяются З. Фрейдом как восприятие-сознание. По мысли З. Фрейда, **Я** человека "соответствует всем требованиям, предъявляемым к высшему началу в человеке" [Фрейд, 1989:439]. Таким образом, **Я** — это совесть, которая впитывает в себя заповеди и запреты, регулирующие жизнь человека как существа общественного, и осуществляет моральную цензуру его поступков и устремлений. Но основная функция этой составляющей состоит в управлении двумя "непокладистыми конями" (ср. взгляд Платона): **Оно** и **Сверх-Я. Оно** — это инстинктивный

слой личности, требующий незамедлительного и абсолютного удовлетворения своих потребностей. **Сверх-Я** — это комплекс моральных стандартов, этических принципов и других социальных норм. Кроме того, в **Сверх-Я** зафиксированы запреты, приказания и наставления, исходящие от родителей или других авторитетов в то время, когда человек наиболее восприимчив к их влиянию, т. е. в возрасте до двенадцати лет. **Супер-эго** — это эталон того, каким должен быть порядочный человек. Эта инстанция не более рациональна, чем **Ид**.

Я находится в роли посредника между двумя противоположными сторонами и стремится установить гармонию между ними, подчиняясь не принципу удовольствия, а принципу "реальности". Если **Я** примет решение или совершит действие в угоду **Оно**, но в противовес **Сверх-Я**, то испытывает наказание в виде чувства вины, стыда, укоров совести. **Сверх-Я** противостоит проникновению инстинктов в **Я**, и тогда энергия этих инстинктов сублимируется в иные формы деятельности, которые приемлемы для общества и человека (в творчество, в искусство, в речевое поведение [оговорки, шутки, обмолвки, свободные ассоциации]). Если энергия инстинктов не реализована, это приводит к неврозам, угнетенному настроению, неадекватному поведению.

В социальной психологии (символический интеракционизм) также выделяют три компонента: **I, me, self**. Первая инстанция — **И(Я)** — представляет собой импульсивное, активное, творческое начало личности. Второй компонент — **me (меня)** — представляет собой нормативное **Я**, осуществляющее внутренний контроль, основанный на учете ожиданий "значимых других" и, прежде всего, "обобщенного другого". Функция этой составляющей заключается в контроле и направлении импульсивного **Я** с целью успешного осуществления интеракции (социального взаимодействия). Третий компонент — **self** ("самость" человека) — совокупность импульсивного и нормативного **Я**. Личность понимается как активное творческое существо, способное оценивать и направлять собственные действия. По мнению интеракционистов, человек находится в постоянном изменении, суть которого составляет непрерывное взаимодействие между импульсивным **Я** и нормативным **Я**. Наличие импульсивного **Я** "предполагает индивида, активно противостоящего миру, а не заброшенного в него, требует воздействия, а не просто реагирования, заставляет индивида не только осознавать свои поступки, но и конструировать их" [Blumer, 1966:536].

Иными словами, наблюдается аналогия между трехкомпонентной структурой, предложенной интеракционистами, и моделью З. Фрейда: импульсивное **Я(И)** — подсознательное **Оно (Ид)**, нормативное **Я (me)** и **Сверх-Я (Супер-эго)**, понятие личности (**self**) и **Я (Эго)**. Но есть и различия в трактовке взаимоотношений между инстанциями. По З. Фрейду,

функцией **Сверх-Я** является подавление инстинктивного начала, а для интеракционистов цель **Сверх-Я** (нормативного **Я[me]**) состоит в управлении действиями личности, необходимыми для достижения цели в ходе социальной интеракции. Если личность, **Я([Эго])** у З. Фрейда — это поле вечной борьбы между **Оно** и **Сверх-Я**, то у интеракционистов — это поле сотрудничества. Главное внимание фрейдистов направлено на исследование внутренней напряженности, конфликтного состояния личности, тогда как интеракционисты исследуют поведенческие характеристики личности для достижения успешного сотрудничества данной личности с другими людьми.

Такой подход к интерпретации составляющих структуру личности, и, в частности, бессознательного, характерен и для Г. Юнга, который в отличие от З. Фрейда утверждал, что не только самое низкое, но и самое высокое в личности может быть бессознательным. Внутреннее содержание, которое человек приносит с собой в мир, не представляет для Г. Юнга комплекса темных, иррациональных и недобрых инстинктов, а носит мифологический характер. Структура личности, по Г. Юнгу, состоит из трех частей — коллективного бессознательного, индивидуального бессознательного и сознания. Если индивидуальное бессознательное и сознание являются личностными прижизненными приобретениями (в этом позиции Г. Юнга и З. Фрейда идентичны), то коллективное бессознательное является "памятью поколений", тем психологическим наследством, с которым ребенок появляется на свет. Г. Юнг писал: "Содержание коллективного бессознательного лишь в минимальной степени формируется личностью и в своей сущности вообще не является индивидуальным приобретением. Это — бессознательное — как воздух, которым дышат все и который не принадлежит никому" [Цит. по: Марцинковская, Ярошевский, 1995:188]. Уровень бессознательного коррелирует с III (мотивационно-прагматическим) уровнем в структуре языковой личности [Киреева, 1999], а одним из основных элементов заполнения данного уровня являются прецедентные тексты (ср. мифологический характер "коллективного бессознательного" Г. Юнга). Внутреннее содержание бессознательного не ограничивается только "коллективным опытом", значительная его часть формируется в ходе социализации личности, в результате которой человек приобретает и положительный, и отрицательный опыт.

Г. Юнг не был единственным ученым, который был близок к Аристотелю, признавая факт присутствия в человеческой психике положительного и негативного начала, но расходясь с ним в отстаивании "этического оптимизма". Аналогичным путем в объяснении структуры человеческой психики двигался трансактный анализ, основоположниками которого принято считать Э. Берна [Берн, 1992] и Т. Харриса

[Harris,1967]. В рамках данного направления рассматриваются два уровня, определяющие поведение человека — социальный и психологический, или, иначе говоря, два модуса — ролевой и субъектный.

Вместо фрейдовских инстанций речь идет о трех эго-состояниях: (1) состояния **Я**, дублирующие образы родителей; (2) состояния **Я**, автономно направленные на объективную оценку реальности; (3) состояния **Я**, действующие с момента их фиксации в раннем детстве и представляющие собой архаические пережитки. Эти состояния соответственно квалифицируются как **Родитель**, **Взрослый** и **Ребенок**.

В транзактном анализе также прослеживаются и фрейдовские реминисценции.

Супер-эго З. Фрейда может быть соотнесено с эго-состоянием **Родитель**. **Я**-родительское — это источник социальной преемственности: социальные установки, предрассудки, нормы, приобретаемые в ходе социализации, или эктериоризации. Это эго-состояние коррелирует с III (мотивационно-прагматическим) уровнем в структуре языковой личности ("культуросфера"). Психологическому **Родителю** приписывается оберегающее поведение, оказание покровительства и протекционизма. На его долю выпадает критика и "отеческие" замечания. Маркерами этого эго-состояния могут считаться безапелляционность и приказной тон. Таким образом, существуют два психологических **Родителя** — "позитивный" и "негативный": (1) "опекающий" **Родитель [P(+)]** советует, защищает, жалеет, заботится, прощает ошибки и обиды; (2) "недовольный", "карающий" **Родитель [P(-)]** указывает, приказывает, критикует, карает за непослушание.

С инстинктивным **Оно** З. Фрейда коррелирует эго-состояние **Ребенок**, в котором зафиксированы психические состояния, относящиеся к детству и указывающие на доверчивость, нежность, изобретательность ("послушный" **Ребенок [Pe(+)]**), а также обидчивость и капризность ("непослушный" **Ребенок [Pe(-)]**). **Ребенок** — это эмотивное начало в человеке: детски непосредственное отношение к миру (например, творческая увлеченность, наивность) и бунт (упрямство, непослушание, легкомыслие и т. п.). Это эго-состояние коррелирует с I (ассоциативно-семантическим) уровнем в структуре языковой личности.

Родитель со своими запретами и авторитарными наставлениями и **Ребенок** со своим упрямством, эгоизмом, творческим духом договориться не могут, и тогда возникает "кентаврический", "двуликий" **Взрослый** (соотносимый с фрейдовским **Эго**), являющийся источником реалистического поведения. Эго-состояние организовано и адаптивно. Его задача — рассудить, что приемлемо для человека в рекомендациях **Родителя** и что достойно внимания в желаниях **Ребенка**, и найти приемлемый для обеих сторон компромисс. Это эго-состояние может быть

соотнесено с II (лингво-когнитивным) уровнем в структуре языковой личности ("концептосфера").

Любое из вышеназванных эго-состояний факультативно или облигаторно живет в человеке: он чувствует, мыслит и действует либо в рамках **Родителя**, либо **Ребенка**, либо **Взрослого**. Но наиболее комфортно чувствует себя тот, кто осознает наличие всех трех составляющих, что позволяет легко переключаться с одной роли на другую, что, в свою очередь, дает ему возможность вести себя адекватно в различных ситуациях общения.

В транзактном анализе единицей общения считается транзакция, которая подразделяется на стимул и реакцию. Цель транзактного анализа — выяснить какое эго-состояние — **Родитель**, **Ребенок** или **Взрослый** — ответственно за транзактный стимул и отвечает за транзактные реакции (дополнительные, пересекающиеся, двойные/скрытые). Дополнительной считается такая транзакция, когда стимул вызывает ожидаемую реакцию (пока транзакции дополнительные, общение может/будет протекать бесконфликтно). При пересекающихся транзакциях стимул вызывает неадекватную реакцию (векторы стимула и реакции пересекаются) и коммуникация приобретает конфликтный характер или прерывается. Но наиболее сложными являются двойные/скрытые транзакции, требующие одновременного участия более чем двух состояний **Я**, хотя именно они служат основой для игр ("игра — набор транзакций, внешне выглядящих вполне правдоподобно, но обладающих скрытой мотивацией, это серия ходов, содержащих ловушку, какой-то подвох" [Берн, 1992:37]). Речевое и неречевое общение и является совокупностью игр, в которые играют неискушенные люди, "не отдавая себе в этом отчета, они порождают в процессе игры двойные транзакции. Именно такие игры образуют важнейший аспект общественных взаимоотношений" [Берн, 1992:38].

В рамках нашего исследования [Киреева, 1999] мы выявили следующее: уровни организации языковой личности (по Ю. Н. Караулову) коррелируют с трехуровневой структурой личности (по Э. Берну). А соотношение уровней организации структуры языковой личности с уровнями неязыковой личности (которая также включает три составляющие) может быть представлено следующим образом:

структура языковой личности	ассоциативно-семантический уровень	лингво-когнитивный уровень	мотивационно-прагматический уровень
структура личности (З. Фрейд)	Оно	Эго	Супер-эго
символический интеракционизм	I	self	me
трансактный анализ (Э. Берн)	Ребенок	Взрослый	Родитель

Л и т е р а т у р а

1. *Аристотель*. О душе // Аристотель. Соч. в 4-х т. — М.: Мысль. — т. 1, 1983[a]. — С. 371-448.
2. *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Соч. в 4-х т. — М.: Мысль. — т. 4, 1983[б]. — С. 53-293.
3. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. — Л.: Лениздат, 1992. — 400 с.
4. *Киреева Е. С.* Языковые средства реализации ролевого и субъектного модусов в диалоге (на материале американской художественной литературы): Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1999. — 187 с.
5. *Марцинковская Т. Д., Ярошевский М. Г.* Пятьдесят выдающихся психологов мира. — М.: Междунар. педагог. академия, 1995.- 193 с.
6. *Фрейд З.* Психология бессознательного. Сборник произведений. — М.: Просвещение, 1989. — 448 с.
7. *Blumer H.* Sociological implications of the thought of G.H. Mead // *American Journal of Sociology*. — 1966. — V. 71. — P. 517-549.
8. *Harris T. A.* I'm O.K. — You're O.K.- London: Pan Books, 1967.- 269 pp.

Фитонимы в русской и корейской фразеологии

© кандидат филологических наук Пак Сон Гу (Республика Корея), 2000

"Мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках..." (Щерба 1974, 64). Высказанная академиком Л. В. Щербой много лет назад эта мысль остается и сейчас очень актуальной в деле глубокого и всестороннего изучения национально-специфического в различных языковых системах и культурах.

Специфика национальных картин мира, по мнению Л. Быковой и Н. Сукаленко, "в первую очередь базируется на своеобразии эмпирической и символической Вселенной различных народов" (Быкова, Сукаленко 1996, 411). К первой, по их мнению, относятся природные и климатические условия, типичные виды хозяйственной деятельности, вторую составляют фольклор, мифология, художественная литература, искусство, культурные автоматизмы. Иначе говоря, расхождение национальных картин мира прежде всего связано с различием культур в широком смысле слова. Однако "фиксация культурных различий в значительной степени связана с языковыми знаками" (Быкова, Сукаленко 1996, 412), среди которых важную роль играют фразеологические единицы (далее ФЕ), устойчивые словосочетания (далее УС) и устойчивые сравнения.

В русском и корейском языках существует немало ФЕ и УС, в состав которых входят фитонимы (названия растений). В состав русских и корейских ФЕ входят названия деревьев и кустарников, цветов и трав, культурных и дикорастущих деревьев, съедобных и несъедобных растений и т. д.

В данной статье нами исследуется тематическая группа ФЕ и УС, имеющих в своем составе фитонимы и их дериваты.

Под фитонимами понимаем, как названия различных растений, так и плоды этих растений. Русские и корейские ФЕ и УС рассматриваются в сравнительно-сопоставительном аспекте, позволяющим установить моменты схождения и расхождения в области фразеологии двух структурных языков (русского и корейского). Для удобства исследования фитонимы, входящие в состав ФЕ и УС русского и корейского языков, разделим на несколько групп: 1) лес, лесонасаждения; 2) деревья; 3) цветы, травы, злаки и другие растения; 4) плоды.

Лес, лесонасаждения

В русской фразеологии существует немало ФЕ, в состав которых входят номинативные компоненты *лес, бор* (напр., **темный лес; смотреть в лес; кто в лес, кто по дрова; как в темном лесу; семь верст до небес (и все лесом); дремучий лес; откуда сыр-бор загорелся; с бору да с сосенки**). Это может объясняться тем, что большая часть равнинной территории Российской Федерации занята лиственными, хвойными и смешанными лесами. С геоморфологической точки зрения Корея характеризуется обилием холмов и гор, которые занимают почти 70% ее территории. Возможно, это и является причиной, почему в корейском языке полностью отсутствуют ФЕ и УС с компонентом *лес*.

Деревья.

Каждый народ запечатлевает в языке, наряду с другими фактами реальной жизни, явления природы, т. е. то, что ему близко и понятно. С этой точки зрения вполне объяснимо, что большинство ФЕ русского и корейского языков содержит название тех деревьев, которые растут на территории России и Республики Корея.

Закономерно присутствие в русских ФЕ и УС таких наименований, как *береза* (ФЕ **березовая каша; попробовать (накормить) березовой каши (кашей); пень березовый; УС стройная как березка** и др.), *осина* (ФЕ **дрожать как осиновый лист; вбить осиновый кол в могилу**). Обращает на себя внимание тот факт, что в корейском языке есть ФЕ **сасинаму тольдыт** (букв. "дрожать как осина"). В основе русских и корейских ФЕ лежат сходные образы. Хотя корейские и русские фразеологизмы частично различаются номинативными компонентами, русский *осиновый лист* и корейский *осина* принадлежат к одной лексико-семантической группе (ЛСГ) и вызывают у носителей как русского, так и корейского языков сходные ассоциативные образы: дерева и листьев этого дерева. Обе ФЕ идентичны по семантике: 'очень сильно дрожать от волнения, страха и т. п.' Эти ФЕ мы относим к межъязыковым частичным структурно-семантическим эквивалентам (см. об этом подробнее Пак Сон Гу 1996, 153–154). Подобных эквивалентов среди русских и корейских ФЕ, в состав которых входят фитонимы, незначительное количество. Это объясняется различными природно-климатическими условиями двух стран.

В русской фразеологии можно встретить ФЕ со следующими фитонимами: *ель* (ФЕ **елки-палки; елки зеленые, елочный (рождественский) дед; УС раздеться как новогодняя елка**); *липа* (ФЕ **ободрать как липку**); *дуб* (ФЕ **дать дуба; дубовая голова; УС дуб дубом**); *сосна* (ФЕ **с бору да с сосенки; заблудиться в трех соснах**).

Интересно отметить, что в корейском языке *сосна*, в отличие от русского языка, имеет символическое прочтение. В Корее сосна, как и бамбук, издавна считалась символом верности и постоянства: "С бамбуком и

сосной связан комплекс представлений о вечном, неизменном как свойстве мира и как свойстве человека" (Никитина 1994, 129).

"Ее волю, твердую, как металл и камень, можно сравнить лишь с зеленой *сосной*, изумрудным *бамбуком*..."¹ ("Верная Чхун Хян" 1990, 157).

В корейских средневековых повестях отмечены УС с фитонимом *ива* (напр., **не сломать зеленой ивы среди цветов** 'не знать женской любви'; **ива и роза при дороге** 'женщина легкого поведения'). Эти УС практически не употребляются в современной речи корейца, однако в тексте средневековых произведений они легко узнаваемы. В корейских произведениях часто встречается и клишированное сравнение женского стана с *ивой* ("**словно прекрасная гибкая ива**" — "Верная Чхун Хян" 1990, 26)². Хотя это дерево с гибкими ветвями и узкими листьями растет на территории России и является одним из любимейших персонажей русских народных песен, какие-либо ФЕ и УС с фитонимом *ива* в русском языке отсутствуют.

В корейском языке имеются ФЕ и УС со следующими наименованиями: *мандариновое дерево* (ФЕ **гюльхвауджи** (букв. "мандариновое дерево превращается в понцирус трехлисточковый") 'характер человека меняется'; *слива* (пословица **мэхвадо ханчхоль гукхвадо ханчхоль** (букв. "слива цветет в свое время, а хризантема в свое") 'всему свое время').

Дикая слива *мэхва* имеет в корейской литературе символическое прочтение. Это символ стойкости, способности сопротивляться невзгодам (см. об этом Никитина 1994, 229). С фитонимом дикая *слива* в русском языке также нет ни ФЕ, ни УС.

В Корее одним из популярных деревьев всегда был *одон* (китайский *утун*) – масличное дерево. *Одон* в корейской ментальности является символом долголетия. Наименование этого часто встречается в корейской поэзии.

С *одоном* связано много преданий, в частности, будто бы на них жили фениксы³.

"Зачем, скажи, *одон* широколистный, // Тебя сажают люди и растят" ("Бамбук в снегу" 1978, 107).

Персиковые деревья. ФЕ **мурынъдовон** (букв. "персиковые сады Улина" имеет китайское происхождение и является цитацией из литературной утопии китайского поэта Тао Цяня "До Хва Вон Ги" (букв. "Персиковый источник"). Герой утопии, некий рыбак, попал в рощу цветущих персиковых деревьев, за которой пролегал путь в чудесную страну,

¹ Пример заимствован у Е. Н. Филимоновой. См. [Филимонова 1999: 157].

² Пример заимствован из работы [Филимонова 1999: 45].

³ Феникс – мифическая священная птица, по преданию появлялась только в период добродетельного правления; эмблема гениальности, добродетели, верности.

где люди жили в достатке, не зная ни забот, ни печалей. ФЕ имеет значение 'хорошая, привольная жизнь, неиссякаемый материальный достаток, благополучие; идеальное место для жизни". ФЕ **мурындовон** является для носителя корейского языка символом красивого пейзажа, эталоном богатства, своего рода обетованной землей.

Итак, в русских и корейских ФЕ и УС используются наименования деревьев, характерные для русского и корейского регионов.

В состав русских ФЕ входят типично "русские" фитонимы: *береза, осина, дуб, ель, сосна, липа*.

В составе корейских ФЕ и УС встречаются деревья, характерные для корейского полуострова: *ива, дикая слива, одон, мандариновое дерево, персиковые деревья*.

Цветы, травы, злаки и др. растения.

В русской фразеологии не так много ФЕ и УС с наименованиями цветов: **божий одуванчик, глаза-васильки, как маков цвет, маковой росинки в рот не брать, маковой росинки во рту не было; срывать цветы удовольствия; тепличный цветок (растение)** и др.

Подобную картину можно наблюдать и в корейской фразеологии. Нами были отмечены лишь несколько ФЕ и УС с наименованиями цветов.

Например, **ива и роза при дороге** 'женщина легкого поведения'; **не сломать зеленой ивы среди цветов** 'не знать женской любви'.

УС **сломать ветку корицы/украсить цветком корицы** восходит к традиции, существовавшей в средневековой Корее, украшать шляпу коричневым цветком того, кто первый сдал экзамены на чин. Это УС уже устарело и встречается лишь в средневековых произведениях.

УС **ступать по лотосам** означает красивую походку. Источником подобных УС был некий эпизод из жизни красавиц древности. Правитель княжества Ци князь Дунь-хунь приказал вырезать из золота цветы лотоса и разбросать их по полу, а затем велел своей наложнице Пань Фэй пройти по ним. Глядя на нее, он приговаривал: "Каждый ее шаг рождает цветок лотоса".

В корейской средневековой литературе присутствует большое количество эталонных клишированных сравнений, компонентами которых являются разные виды цветов. Эти сравнения, большей частью заимствованные из китайского языка, переходили из повести в повесть, из стихотворения в стихотворение.

Корейские девушки, "**стройные как цветок**", были прекрасны, "**как лотосы**", с лицом "**как цветок персика**" или "**пион**" (в Корее *пион* считался царем цветов), с губами, напоминающими "**цветок лотоса в**

воде" или "бутона персика с каплями холодной росы на лепестках", волосами "словно лотосовые стебли" или "орхидеи"⁴.

Фитоним *орхидея* имеет символическое прочтение в традиционной корейской поэзии. Это символ красоты на земле.

В современном корейском языке эти сравнения не употребляются.

Итак, как видно из проведенного анализа, наименования цветов, встречающиеся в ФЕ, УС и устойчивых сравнениях русского и корейского языков практически не совпадают (исключение составляет *роза*).

Среди русских ФЕ немало фразеологизмов с родовым компонентом *трава*, например, **как трава; травой (быльем) поросло; тише воды, ниже травы; хоть трава не расти; трын-трава; тонкий как былинка**, а также видовыми наименованиями трав: *полынь* (**горький как полынь**), *белена* (**белены объелся**), *крапива* (**крапивное семя**).

В корейском языке тоже много ФЕ с компонентом *трава*: **чхороинсэн** (букв. "жизнь как роса на траве") 'легкая жизнь'; **чхоманчхагхо** (букв. "поймать тигра разбухшей травяной веревкой") 'ничего не подготовлено'; **чхомомогтымсу** (букв. "трава, дерево, птица и животное") 'все живые существа'.

Вызывает большой интерес происхождение УС **вязать травы** 'отблагодарить на том свете за услугу', пришедшее в корейский язык из китайского языка.

В основе этого УС лежит предание о человеке Вэй, который жил в Китае. Умирая, он выразил желание, чтобы его наложница вышла замуж. Когда он умер, его сын Вэй Кэ выполнил его желание, выдав наложницу замуж. Через несколько лет Вэй Кэ преследовал в схватке своего врага Доу Ху. Внезапно появился дух отца наложницы и стал связывать в пучки траву, росшую на пути бегства Доу Ху. Тот споткнулся и упал. Победа досталась Вэй Кэ.

В корейском языке также зарегистрирован фразеологизм с компонентом *полынь*: **сугдэбачхи дойда** (букв. "становиться суходольным полем, заросшим полынью") со значением 'большой беспорядок, разгром, опустошение'. В русском языке у него есть межъязыковой функционально-смысловый эквивалент **как будто Мамай прошел**. В корейском языке имеются ФЕ, в состав которых входят фитонимы, с которыми в русском языке нет ФЕ: **госари сон** (букв. "рука папоротника") 'маленькая ручонка (о детях)'; **миогкук могда** (букв. "есть суп из морской капусты") 'провалиться на экзаменах'; **сальэ нуи** (букв. "необрушенный рис в рисовой крупе"). Этот фразеологизм идентичен по семантике русскому **искать иголку в стогу сена; ягбаньэ гамчхо** (букв. "лакрица в аптеке") 'активно участвовать в любом деле'; **дэцоггатхын**

⁴ Все примеры заимствованы у Е. Н. Филимоновой. См. [Филимонова 1999: 33-51].

(букв. "как кусок бамбука" 'человек твердого характера'; **пхаджугджисэ** (букв. "как рубить бамбук вдоль ствола") 'без помех, без затруднений и осложнений (идти, протекать и т.п.) о жизни, событиях, делах и т. п.').

В корейской языковой ментальности бамбук – символ верности и постоянства.

Тростник. Устойчивое сравнение **гальдэгатхын хори** (букв. "талия как тростник") 'о стройной девушке, женщине' активно используется в современном корейском языке. *Ячмень.* **Борирыль тхада** (букв. "молотить ячмень" быть избитым палками; **борит гогэ** (букв. "перевал ячменя") 'тяжелое голодное время').

В Республике Корея и России выращиваются в основном разные плодовые культуры, поэтому ФЕ и УС русского и корейского языков имеют довольно значительные различия в лексическом составе и смысловой структуре.

В русских фразеологизмах используются названия, которые не встречаются в корейских. А в корейских ФЕ, в свою очередь, много наименований, не отмеченных в русских.

В русских ФЕ встречаются наименования следующих плодов:

плод (**запретный плод, вкушать плоды**); *каштан* (**таскать каштаны из огня**), *горох* (**чучело гороховое; как об стенку горох**); *орех* (**щелкать, как орехи; дать на орехи; разделать под орех**), *репа* (**проше пареной репы**); *изюм* (**(в ней) есть изюминка; не фунт изюму**); *хрен* (**хрен (его) знает; хрен с ним; какого хрена; ни хрена, на кой хрен; старый хрен**); *редька* (**хрен редьки не слаще; хуже горькой редьки**); *ягода* (**одного поля ягода**); *клюква* (**вот так клюква; развесистая клюква**); *малина* (**разлюли-малина**); *яблоко* (**яблоко раздора; яблоку негде упасть**); *помидор* (**красный как помидор**); *огурец* (**свежий как огурчик**); *картошка* (**не картошка; картошка в мундире**).

Как исключение в русской фразеологии присутствуют наименования: *лимон* (**выжатый лимон**), *апельсин* (**разбираться как свинья в апельсинах**), *фига* (*инжир*) (**фига с маслом**). Эти плоды не характерны для России, поэтому с ними в русском языке образовано не так много ФЕ.

Среди корейских выражений можно выделить ФЕ со следующими наименованиями плодов: *виноград* – **кэ мору могдыт** (букв. "словно собака ест виноград") '1. есть, не разбирая вкуса; 2. работать спустя рукава'; *хурма* – **гам годжанын исим** (букв. "добродушие в городе, где растет хурма") 'добродушие, добросердечность'; *жужуба* – **дэчхуси гатта** (букв. "как семечко жужубы" – 'крепьш (о человеке маленького роста)'), *желудь* – **дотхори кхидатхум** (букв. "спорить, который из желудей больше") 'спорить о ком-л., чем-л. одинаково не удовлетворяющем чем-л., не подходящем для чего-л.'; **кэбаб дотхори** (букв. "желудь

в собачьем корне") 'изолировать кого-л., оставить кого-л. в одиночестве'; *тыква* – *гульлоон хобаг* (букв. "прикатившаяся тыква") 'неожиданно получить богатство; разбогатеть'; *хобагсирыль када* (букв. "очищать семечко тыквы") 'втайне совершать неблагоприятные поступки'; (*гигджи анхын*) *хобагэ мальтхуг* (букв. "пробить колом (незрелые) тыквы") 'озорство'; *кунжутное семя* – *кэаль гатта* (букв. "как кунжутное семя") 'очень маленький'; *кэга содаджида* (букв. "кунжутное семя" сыплется") 'исключительно интересный, восхитительный'.

Следует отметить, что в русском языке ФЕ с наименованиями этих плодов нами не отмечены.

Некоторые русские и корейские ФЕ имеют точки соприкосновения в компонентном составе, т. е. во ФЕ используются одни и те же названия плодов, но структурно и семантически они очень далеки друг от друга. Например, в русском и корейском языках имеются ФЕ с номинативным компонентом *боб*. Русские ФЕ: **оставлять (остаться) на бобах; гадать на бобах; бобы разводить**.

В корейском языке существует гораздо больше ФЕ и пословиц с номинативным компонентом *боб* (конь), так как бобы издавна являются основной пищей корейцев: *гамульэ конь нада* (букв. "словно в засуху боб растет") 'очень редко'; *коньгаруга дойда* (букв. "становиться порошком из бобов") 'разбиться вдребезги'; *конхыро мэджурьль суодо* (букв. "даже сварить из бобов между") 'чтобы не случилось не верит'; *кхоннамуль гэсиль* (букв. "аудитория ростков соевых бобов") 'много учащихся в аудитории' и многие другие.

В корейском и русском языках зарегистрированы ФЕ с компонентами: *лук* — русск. **горе луковое**; корейск. *пхагимчхига дойда* (букв. "становится кимчи из лука") 'очень устать, переутомиться'; *морковь* — русск. **морковкино заговенье**; корейск. *ольгульи хоньдаьмуга дойда* (букв. "лицо становится морковкой") 'испытывать чувство стыда'; *гриб* — русск. **старый гриб**, корейск. *догбосот* (букв. "ядовитый гриб") 'опасная вещь (человек)'; *перец* — русск. **задать перцу**, корейск. *хыйнджугэ гочхугару* (букв. "в белой рисовой каше молотый красный перец") 'не подходить, не соответствовать кому-л., чему-л.'.

В русском и корейском языках отмечены ФЕ с компонентом *капуста* — русск. **в капусту изрубить**, корейск. *сисын бэчху джюльги гатта* (букв. "как вымытый стебель капусты") 'здоровый, хорошо выглядящий человек' (русский межъязыковой частичный эквивалент – **как огурчик**). Однако прототипом корейской ФЕ является листовая капуста – "китайский салат", а русской – кочанная капуста.

На примере русских и корейских ФЕ, имеющих в своем составе одинаковые номинативные компоненты, мы убедились в том, что каждый народ по-своему обрабатывает один и тот же лексический материал.

Итак, сопоставив ФЕ и УС двух разноструктурных языков (русского и корейского), имеющих в своем составе фитонимы, мы убедились в том, что эти выражения отличны по компонентному составу и образной основе. Каждый из двух разноструктурных языков использует свои наименования для создания ФЕ. Как показал анализ, среди этой части ФЕ нет полных эквивалентов. Даже имея в своем составе одинаковые номинативные компоненты, ФЕ не совпадают по семантике. Разница обусловлена национальной спецификой культуры, образа жизни, образного восприятия внешнего мира обоими народами.

Л и т е р а т у р а

1. *Быкова Л., Сукаленко Н.* Специфика национально-культурных символов // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska Lublin-Polonia Vol XIV/XV. Sectio FF Philologiae 1996/1997.* С. 411–425.
2. *Никитина М. И.* Корейская поэзия XVI–XIX вв. в жанре сиджо (Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время). СПб.: Петербург. Востоковедение, 1994.
3. *Пак Сон Гу.* Функционально-параметрическое описание фразеологических единиц (на материале фразеологизмов русского и корейского языков): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1996.
4. *Филимонова Е. Н.* Иноязычные лексические элементы в переводном тексте (на материале русских переводов с корейского): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999.
5. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука (Ленинградск. отд.), 1974.
6. *Бамбук в снегу.* Корейская лирика VIII–XIX веков. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1978.
7. *Верная Чхун Хян.* Корейские классические повести XVII–XIX веков. М.: Худож. литер., 1990.

О структуре и семантике фразеологических единиц с компонентом-соматизмом (на материале архангельских говоров)

© Т. А. Бердникова, 2000

В естественном языке определенные участки языковой действительности описываются с помощью и лексических и фразеологических единиц. Совокупность равнозначных по статусу, но разнооформленных по структуре языковых знаков, их полевое устройство дает основание для выделения лексико-фразеологического поля (ЛФП) как особой разновидности семантического поля (СП). Единицы ЛФП сосуществуют одновременно и совместно заполняют семантическое пространство, создавая яркий многоцветный сплав в пределах поля. При этом в силу простой языковой целесообразности они никогда не накладываются полностью друг на друга, а лишь соприкасаются или частично перекрывают друг друга. Как отмечает А.В.Кунин, “фразеологические единицы заполняют лакуны в лексической системе языка, которая не может полностью обеспечить наименование познанных человеком (новых) сторон действительности, и во многих случаях являются единственными обозначениями предметов, свойств, процессов, состояний, ситуаций и т. д. Следует иметь в виду, что и само наименование — не только процесс обозначения, но и процесс познания.” [1,5]

ЛФП соматизмов (от греч. soma — тело) состоит из лексических и фразеологических единиц (ФЕ)¹, описывающих одну и ту же семантическую область — “устройство” человеческого организма. Фразеологическая часть ЛФП соматизмов представлена более чем 3250 соматическими ФЕ², извлеченными методом сплошной выборки из картотеки Архангельского областного словаря (АОС), 1-10 вып. АОС (М., 1980-1999) и личных записей автора. На рассмотрении фразеологической части поля мы и сосредоточим свое внимание.

В силу происхождения своих единиц — на основе вторичной номинации — фразеологическая часть представляет собой совокупность особо организованных знаков. В современной лингвистической литературе фразеология нередко предстает как “номинативно-образная система языка, как особый способ постижения и осмысления действительности.” [2, 5] Ученые пишут о своеобразном “фразеологическом видении мира”, о существовании яркой, образной, эмоциональной “фразеологической картины мира”. При этом ФЕ понятийно соотносятся не со всем

¹ Фразеологическая единица (ФЕ).

² Под соматической фразеологической единицей (СФЕ) мы понимаем любую единицу фразеологизированного типа, один из компонентов которой является словом-соматизмом.

идеографически безбрежным морем лексики, а лишь с той ее частью, которая коннотативно окрашена, выражает отношение человека к действительности, а не просто называет ее. Фразеологизмы дополняют и обогащают номинативный инвентарь языка недостающими в нем оценочно-экспрессивными средствами, которые способны весьма подробно описать фрагмент внеязыковой действительности, что не осуществимо в рамках лексической номинации.

Фразеологические образования с компонентом-соматизмом — типичное явление во многих языках, что позволяет некоторым исследователям определять их как языковую универсалию. Весь массив таких образований неоднороден с точки зрения структуры и семантики.

На материале архангельских говоров выделено 193 группы, каждая из которых объединяет ФЕ с общим компонентом-соматизмом. Соматизм в составе ФЕ играет роль опорного, “сигнального” компонента, который вычленяет СФЕ из ряда других фразеологизмов, однако он далеко не всегда является семантически стержневым. В качестве опорного компонента в составе СФЕ могут выступать как общерусские, так и собственно диалектные слова. Выяснилось, что к фразеобразованию способны не все соматизмы.

В образовании СФЕ участвуют 102 общерусских слова, включая просторечно окрашенные, что составляет приблизительно 52% от общего числа соматизмов, участвующих во фразеобразовании — *башка, бок, бровь, брюхо, вздох, виски, волос, ворот, глаз, глотка, голова, голос, горб, горло, горсть, грудь, губа, дыхание, желудок, живот, жила, жир, жопа, загривок, задница, затылок, зоб, зуб, кисть, кишка, коготь, кожа, колено, корачки, коса, кость, кровь, кудри, кукишка, кулак, ладонь, лапа, лицо, лоб, лодыжка, локоть, мозги, морда, мышечка, мышца, нервы, нога, ноздря, нос, нутро, око, пазуха, палец, пасть, пах, перст, печень, плечо, плешь, подбородок, подмышка, пот, пояс, пузо, пуп, пуповина, пятка, ребро, рожка, рот, рука, сердце, слеза, слюна, сопля, спина, стопа, ступня, талия, тело, туловище, ус, уста, ухо, физиономия, харя, хребет, хрип, чело, челюсть, шар, шея, шиворот, щека, язык.*

59 слов (приблизительно 29%) являются собственно диалектными — *балда, бельш, бельмы, беремя, брюшонки, варя, гагра, гайно, гача, гузно, дыхало, закокоршки, закрюмки, закрошки, закорки, закукры, закучами, заплечи, запятки, зенки, золотники, калтык, кадка, козанки, кокова, кокры, коркушки, крешки, копылки, коровеньки, корешка, корохи, корочки, коркушки, куркры, кукиши, куличок, кумпол, курка, лытка, нырка, обоконки, панталыга, пёнышки, подколенка, пупона, пучина, сопелка, ссака, титка, тупушечки, хайло, хайка, холка, хохлы, чалбан, шаки, шарабан, шарашка.*

34 слова (приблизительно 17%) являются семантическими вариантами общерусских слов — *бобр, говор, горбушок, дух, душа, зрение, изнанка, кишка, колеса, копыта, котел, краска, ложечка, место, ме-*

шок, мясо, норка, носок, опушка, пена, передок, пузырь, пули, речь, рог, рубаха, рыло, след, соска, точило, туша, череп, цвет, шкура.

Способность соматизмов участвовать в образовании ФЕ можно отразить с помощью градационного распределения:

- 1) слова-соматизмы, неспособные к фразеобразованию;
- 2) слова-соматизмы, способные участвовать в образовании от 1 до 10 ФЕ (150 слов, или приблизительно 77% от общего количества соматизмов, способных к фразеобразованию). Эту группу образуют СФЕ с компонентами-соматизмами: а) не употребляющимися свободно в соматическом значении (например, *бельмы, варя, гайно, обоконки, пупона, куличок*); б) имеющими архаическую окраску (например, *черево, чело, уста*); в) сравнительно недавно вошедшими в диалект (например, *челюсть, талия*); г) представляющими собой заимствованные слова, преимущественного тюркского происхождения (например, *кумпол, шарабан, панталыга, чалбан, котел*);
- 3) слова-соматизмы со средним индексом образования ФЕ — от 11 до 25 (21 слово, или приблизительно 11%);
- 4) слова-соматизмы, с повышенным индексом образования ФЕ — свыше 26 (23 слова, или приблизительно 12%). В этой группе представлены практически все слова-соматизмы, необходимые для представления человека: *рука, голова, глаз, нога, палец, перст, зуб, язык, сердце, брюхо, живот, рот, кровь, кость, жопа, рыло, кожа, нос, ухо, горло, слеза, волос, лоб*.

Перейдем к рассмотрению СФЕ с точки зрения их семантики. Внутри корпуса СФЕ сформировано 13 семантических областей (СО)³, касающихся практически всех сторон человеческого бытия. СО — крупные группировки, и СФЕ, входящие в одну СО, объединяются на основе самого общего инвариантного значения. Внутри СО СФЕ объединяются во фразео-семантические группы и подгруппы на основе тождества или близости значений.

Семантическая классификация имеет антропоцентрический характер, что показано в схеме № 1: “Индивид” (Я), “Индивид в социуме” (Социум), “Индивид во Вселенной” (Космос).

³ Семантическая область — СО.

Схема № 1

Схема № 2

Семантические области:
 О — "Ощущения", П — "Пища", В — "Восприятие",
 М — "Ментальные процессы", З — "Здоровье",
 Ж — "Жизненные этапы", Ф- "Физическое состояние",
 Э — "Эмоции", Р — "Речь", Пв — "Поведение"

Схема № 2 более подробно демонстрирует отражение отдельных “кусочков действительности” во фразеологической картине мира, где человек предстает как живой организм, наделенный свойствами и характеристиками, в отношениях с другими людьми. СО “Жизненные этапы”, “Физическое состояние”, “Ощущения”, “Восприятие”, “Ментальные процессы”, “Пища” показывают человека как организм, обладающего такими качествами и свойствами, которые отличают его от всего остального живого мира. Собственное “Я” отражается в СО “Речь”, “Эмоции”, “Поведение”. С их помощью можно определить отношения индивида с другими представителями социума и социумом вообще. Все отношения строятся и протекают во времени и пространстве. СО “Пространство” и “Время” “цементируют” всю соматическую картину мира, антропоцентрический характер ее построения. Понятия количества и интенсивности действия так или иначе проявляются в выделенных СО, однако существует ряд ФЕ, в которых семы интенсивности и количества превалируют над остальными, что дает основание выделять их в самостоятельные семантические области.

Классификация по семантическим областям характеризуется открытостью ввиду характера построения, взаимопроникновением одной СО в другую, тесными связями между одними областями и ослабленными между другими. По замечанию Ю.Д. Апресяна, “разные системы и подсистемы человека в разной степени автономны и в разной мере взаимодействуют друг с другом. Чем проще система, тем она более автономна. Чем сложнее система, тем она менее автономна, т.е. тем больше число других систем, которые она активизирует или данными которых пользуется.” [3, 361]

В качестве иллюстрации предлагается рассмотрение небольшого фрагмента семантической классификации — фразео-семантической группы ‘страх, испуг’, входящей в СО “Эмоции”.

Состояние страха, испуга описывается с помощью “поведения” разных органов.

Душа предстает как такая субстанция, на которую страх, испуг воздействуют извне, как бы со всех сторон плотно облекая, обволакивая: *душу схватывает [у кого]*. При этом *душа замирает [у кого]*.

Во ФЕ *мороз по-за коже* ощущение страха, испуга описывается через сравнение с ощущением мороза. Интересно, что в отличие от литературного языка, это воздействие не внешнее — *по коже*, а внутреннее — *по-за коже*, что подчеркивает степень проявления чувства.

Во ФЕ *кожу содирать, кожу ободрало* представлен еще более сильный образ страха, ощущения которого подобно тому, как если бы с человека сдирали кожу.

Связь испуга с ощущением перемещения органов выражается во ФЕ с компонентами *глаз, лоб, сердце, душа, нога, колени, пятка*. Как правило, при ощущении чувства страха, испуга органы как бы перемещаются вниз: *сердце упало, глаза в пятках, душа в пятки ускакала, па-дать духом, башка в колени прокатилась*. Исключение составляют ФЕ *глаза скинуть* и *глаза на лоб полезли*, но это связано с тем, что перемещение органов существует в сознании говорящих как субъективное ощущение, в то время как перемещение глаз — реальное физическое действие. При наличии дополнительной семы интенсивности исходный образ перемещения трансформируется в ‘перемещение органов, приводящее к утрате’: *без души, душа вышла [у кого], ног нет [у кого], потерять ноги, кожа валом валится [у кого]*.

Ощущение страха, испуга приводит к тому, что орган как бы уменьшается в размерах, сжимается — *душа вся в горсти [у кого]*. Интересно, что по данным диалектной фразеологии уменьшению в размерах при страхе подвергается только душа.

Во ФЕ *сердце умирает [у кого]* ощущение сильного страха, испуга описывается через образ гибели органа.

Образ ‘волосы на голове как бы приподнимаются от страха’ характеризуется большим количеством вариантов как глагольного, так и адвербиального компонента: *волосы (волос, волосье) (встали, вставают, ставят, стали, ставят, ставятся, стают) дыбом (дубом, ежом, нужом, шишом, впрямь) [у кого]*.

Увеличение объема волос как следствие их “вставания от страха” отражено в таких ФЕ как волосы не вошли в платок [у кого], собрались (собрать) волосы в шапку [у кого], полна шапка (полон плат) волосья (волосьев) [у кого].

Чувство страха, испуга может быть связано с утратой способности ходить (*ноги подломились (подрезались, подложились) [у кого], пасть (упасть, валиться) с ног*), говорить (*язык присох [у кого]*) и ориентироваться в пространстве (*лбом двери открывать*). Рассмотренные ФЕ отражают метафорически переосмысленное поведение человека, испытывающего страх, испуг.

ВФ ФЕ *кожа дрожит [у кого], колени ходуном заходили [у кого], зубом колотить* отражает реальные внешние проявления состояния страха, испуга. Их семантика основана на метонимическом переосмыслении.

В отечественной лингвистике неоднократно предпринимались попытки классифицировать ФЕ с точки зрения их структуры или семантики, выделяя таким образом, лишь один из аспектов ФЕ. Анализ соматической фразеологии основан на взаимодействии структурного и семантического принципов. Такой подход позволяет представить ФЕ в син-

тагматическом и парадигматическом плане. В синтагматическом аспекте интерес представляет рассмотрение употребления слов-соматизмов в различных синтаксических конструкциях с различными частями речи; определение синтаксического статуса ФЕ; определение степени их семантической слитности. В парадигматическом отношении СФЕ являются уникальной экспериментальной базой для решения таких проблем, как разграничение вариантов и синонимов, определение компонентного состава ФЕ.

Л и т е р а т у р а

1. *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. М., 1986. С. 5.
2. Проблемы фразеологической семантики. СПб. 1996. С. 5.
3. *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные труды. Т. 2. М., 1995. С. 361.

Семантическая структура иноязычной лексемы в русском языке (на примере корейской лексемы **кисэн**)

© кандидат филологических наук Е. Н. Филимонова, 2000

Лексемы, обозначающие реалии социальной иерархии типа **кисэн**, интересны прежде всего тем, что им свойственно разграничение значения и коннотации (ср. русские слова типа *чиновник*, *сановник*, *бюрократ*, различные наименования женщин легкого поведения и т. п.). О коннотативных значениях слов написано немало работ: Апресян 1995, 156–177; Иорданская, Мельчук 1980, 191–210; Телия 1986 и др.

По мнению Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчука: “Лексическая коннотация лексической единицы L есть некоторая характеристика, которую L приписывает своему референту и которая не входит в ее толкование” (Иорданская, Мельчук 1980, 196).

Общеизвестно, что при заимствовании иноязычная лексема может потерять свои коннотативные связи, а в языке-рецепторе приобрести новые. Однако, что касается коннотативных связей экзотизмов-кореизмов, употребление которых ограничено рамками русских текстов переводов, русскоязычной специальной этнографической литературой, записками путешественников, то, как показали исследования, они сохраняются. Возможно, одной из причин этого является употребление их в тематически ограниченных русских текстах. Авторы русских текстов о Корее и корейцах, переводчики художественных произведений переносят в текст не только саму корейскую лексему, но и коннотации, присущие ей в языке-источнике. Так, корейская лексема **кисэн** в корейском языке может иметь как негативную коннотацию, когда речь идет об образе жизни, поведении **кисэн**, так и положительную, когда речь идет о красоте корейских **кисэн**. Как показали исследования, эти связи сохранились в русских текстах переводов (иллюстративные примеры представлены ниже).

Для русскоязычного читателя же кореизмы такого рода без пояснений переводчика представляют вполне нейтральные понятия, не связанные ни с чем знакомым из его культуры и поэтому не могущие вызвать ни положительного, ни отрицательного отношения. Какой задать тон корейской лексеме зависит всецело от автора русских текстов о Корее и корейцах, переводчиков художественных произведений. Именно автор или переводчик дает положительный или отрицательный “заряд” кореизму, тем самым формирует отношение к данной лексеме у русскоязыч-

ного читателя. Одни переводчики дают нейтральное пояснение, другими для пояснения используются русские лексемы, имеющие в русском языке негативную коннотацию (**кисэн** – *невички, девицы*).

Наиболее емкое, четкое толкование корейсизма **кисэн**, с нашей точки зрения, дано в комментариях к книге “Верная Чхунхян” (1990) (составитель Комментария – Д. Елисеев), в Примечании к сборнику “Бамбук в снегу” (1978) (составители Л. Концевич и М. Никитина), в Комментарий к сборнику “Повести страны зеленых гор” (1966) (составитель Б. Рифтин), в Примечаниях к роману Ким Ман Чжуна “Облачный сон девяти” (составитель Л. Меньшиков) и др.: **кисэн** – певички и танцовщицы в старой Корее; принадлежали к низшему сословию “подлых”.

Подобное толкование, как нам кажется, по краткости, емкости и четкости изложения приближается к энциклопедическому.

Внутриконтекстное толкование корейсизма **кисэн** в основном характерно для записок путешественников, этнографической литературы. Причем, интересно отметить, что в разных контекстах лексема **кисэн** может реализовать свои различные стороны, компоненты значения. Какую сторону значения подчеркнуть, какой оттенок выделить – зависит от позиции автора. Иногда такое одностороннее, однобокое толкование ситуативно обусловлено, чаще – нет.

Корейсизм **кисэн** может находиться как в препозиции, так и постпозиции по отношению к русскому пояснению, которое может быть в виде одной лексемы, словосочетания или довольно развернутого толкования.

Автор предисловия М. И. Никитина выделяет один из компонентов семантической структуры корейсизма, ставя его в постпозицию по отношению к однословному эквиваленту – *певички*. В постпозиции по отношению к корейсизму оказывается вторая часть толкования, раскрывающая социальное положение **кисэн**.

“Поэзия на родном языке приобретает невиданную популярность. Так, в жанре **сиджо**, особенно бурно расцветшем в XVI–XVIII вв., авторами выступают и государи, и певички-**кисэн**, парии сословного феодального общества” (“Бамбук в снегу” 1978, 78).

Далее М. И. Никитина на стр. 18 дает более развернутое толкование этого корейсизма. В семантический объем этого слова ею включается еще один компонент: *образованные и талантливые поэтессы*.

“К жанру **каё** восходит любовная тематика, получившая развитие в **сиджо** XVI–XVIII вв., когда литература обратилась к человеку вне “деловой” сферы. Особенно она культивировалась в творчестве **кисэн** – певички и танцовщиц, среди которых было немало образованных и талантливых поэтесс” (“Бамбук в снегу” 1978, 18).

Корейсизм **кисэн** находится в препозиции по отношению к русскому пояснению. В семантическом объеме корейсизма **кисэн** М. И. Никитиной

выделяются три компонента: *певицы, танцовщицы и образованные и талантливые поэтессы.*

В другом внутритекстовом пояснении на первое место ставится социальный статус **кисэн**, затем через дефис указывается их род занятий. Кореизм находится в постпозиции и отделен от пояснения скобками.

“В корейском обществе на особом положении находились лица, занимавшиеся семью так называемыми презренными профессиями. К ним относились служебные служители; шаманки (**мудань**); *государственные рабыни-танцовщицы (кисэнь)*” (Ионова 1982, 39).

Ю. В. Ионова выделяет еще один компонент в семантическом объеме кореизма **кисэн**: *красивая девушка.*

“Соревнования в стрельбе из лука были известны в Корее с давних времен. Ежегодно в Сеуле устраивались большие состязания... Затем самая красивая девушка (**кисэн**) исполняла для победителя танец” (Ионова 1987, 28).

Д. Д. Елисеев в Комментариях к книге Сон Хёна “Гроздь рассказов Ёнчже” (“Петербургское востоковедение” 1994, 90) добавляет новые компоненты к семантической структуре кореизма **кисэн** – *обученные с детства в специальных школах, молодые женщины, обычно из бедных семей.* Следует отметить, что пояснение к кореизму **кисэн** является наиболее полным, представляющим собой микротекст.

“**Кисэн** – обученные с детства в специальных школах молодые красивые женщины (обычно из бедных семей), в обязанность которых входило участие в различных обрядах и ритуалах, а также прислуживание и развлечение мужчин танцами, пением, беседами на различных праздниках и пирушках. Начиная с периода Корё, **кисэн** принадлежали Кёбану (впоследствии к Якбану и Санбану), отделению ритуальной и народной музыки в Музыкальной палате.”

Еще два компонента в семантическом объеме кореизма **кисэн** открывает Е. О. Паукер в своей книге “Корея” – *куртизанки и блестящие, интересные собеседницы.* В пояснении дано описание социального статуса, образа жизни и т. п. корейских **кисэн**.

“Куртизанки или **кисаны**, как их называют в Корее, стоят особняком, образуя отдельный класс. Они выделяются среди корейских женщин своей интеллигентностью и получают хорошее образование, так как должны быть блестящими интересными собеседницами. Их обязанности, обстановка и образ жизни те же, что и у японской гейши. Они состоят в ведении правительственного департамента, получают жалование из казны и обязаны присутствовать на всех официальных празднествах. **Кисэн** учат декламировать, петь и танцевать” (Паукер 1904, 33).

Как видно из вышеприведенного примера, кореизм поясняется при помощи укоренившегося в русском языке заимствования из француз-

ского языка – *куртизанки*, которое имеет значение в русском языке: ‘Женщина легкого поведения, имеющая покровителей в высшем обществе’ (Ожегов, Шведова 1992, 323). Поясняемая лексема **кисэн** стоит в постпозиции и отделяется от поясняющего *куртизанки* союзом **или**.

Русский однословный эквивалент может привносить в текст произведения пейоративную коннотацию.

“В Сонхвадане (здесь губернатор вел дела) глубокой ночью устраивалось прощальное пиршество в честь губернатора. доносились тошнотворные песенки **кисэн** (*деви□цы*)” (Ли Ен Гю 1979, 58).

В примере, представленном выше переводчиком (фамилия переводчика не указана), выбрана в качестве однословного эквивалента лексема *деви□цы*. С нашей точки зрения, лексема *деви□ца* не вполне нейтральное понятие, она коннотативно обусловлена. Употребление ее в качестве эквивалента корейзма **кисэн** передает отрицательный заряд всему отрывку из произведения.

Лексема *деви□ца* имеет значение – ‘девушка легкого поведения’ (см. ССРЛЯ 1993, Т.1, 97). Этому способствует употребление эпитета *тошнотворные* (песенки).

В качестве другого однолексемного эквивалента переводчица Т. Бугаева использует русскую лексему *невички*, которая в русском обыденном сознании может отождествляться с женщиной, развлекающей посетителей ресторана или кафе (обычно дешевых) и отличающейся сомнительным поведением.

“Впрочем, плясали мы все весьма усердно, а когда кончили, братья предложили ехать к **кисэн**” (Чон Сук Хи 1993, 217). В подстрочной сноске: **кисэн** – *невичка*.

Корейзм **кисэн** может толковаться при помощи другого однословного эквивалента – укоренившегося в русском языке заимствования из японского языка – *гейша*.

“Кругом было тихо. Но вдруг где-то недалеко послышались звуки барабана. Затем высокий женский голос запел песню. Наверное, это пела **кисэн**” (Хван Ген 1960, 27). В подстрочной сноске: **кисэн** – *гейша*.

Используя в качестве пояснения заимствование из другого языка, переводчица Л. В. Журавлева, очевидно, уповает на разносторонние знания русскоязычного читателя. Заимствование *гейша* имеет в русском языке значение: “В Японии – женщина, обученная музыке, танцам, умению вести светскую беседу и приглашаемая на роль гостеприимной хозяйки на приемы, банкеты и т. п.” (ССИС 1994, 139).

Для получения информации о семантике корейзма **кисэн** из лексикографических источников обратимся к словарям корейского языка.

“**Кисэн** – женская профессия в феодальной Корее: развлекать песнями и танцами гостей на пирах” (Самсонпан 1986, Т. 1, 265). “**Кисэн** –

женщина в старой Корее, прислуживавшая мужчинам на пирах и развлекавшая их пением и танцами” (БКРС 1976, Т. 1, 180).

Если собрать вместе все толкования корейсизма **кисэн**, то выясняется, что они не противоречат, а наоборот, дополняют друг друга, создавая полное представление о семантическом объеме лексемы, ее коннотативных связях в языке-источнике. Каждое из компонентов расширяет, углубляет семантическую структуру слова, делая ее более объемной.

Корейсизм **кисэн** можно встретить и в сравнительной конструкции, где красота и богатый наряд женщины сравнивается с красотой и богатством наряда **кисэн**. Однако в сравнении содержится все та же пейоративная коннотация, которая присутствовала в ряде вышеприведенных примеров.

“Богатое платье супруги Хынбу и явное довольство в доме привели его в бешенство, он прохрипел со злостью: – Хм, блистает, что твоя **кисэн** из губернской управы...” (“Братья Хынбу и Нольбу” 1990, 150).

Анализ семантической структуры лексемы **кисэн** подтверждает, что “любое толкование значения – лишь один из возможных вариантов его описания, далеко не единственный и не исчерпывающий всего содержания значения” (Стернин 1985, 13), что реальное содержание значения слова намного глубже, объемнее, богаче его лексикографического описания.

Л и т е р а т у р а

1. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 2.
2. *Иорданская Л. Н., Мельчук И. А.* Коннотация в лингвистической семантике // Wiener Slawistischer Almanach. 1980. Band 6. С. 191–210.
3. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та. 1985.
4. *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
5. *Бамбук в снегу.* Корейская лирика VIII–XIX веков. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1978 (перевод А. Жовтиса).
6. *Братья Хынбу и Нольбу* // Верная Чхунхян. Корейские классические повести XVII–XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. С. 113–190 (перевод А. Васильева).
7. *Верная Чхунхян.* Корейские классические повести XVII–XIX веков. М.: Худож. литер., 1990.
8. *Ионова Ю. В.* Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее (середина XIX – начало XX вв.). М.: Наука, Гл. ред. восточ. литер., 1982.
9. *Ионова Ю. В.* Формирование и характеристика корейского фонда Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого // Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ. Л.: Наука (Ленинградск. отд.), 1987. С. 8–31.
10. *Ким Ман Чжун.* Облачный сон девяти. Роман. Перевод с корейск. М.-Л.: Гос. изд-во худож. литер., 1961. (Перевод А. Артемовой, Г. Рачкова).
11. *Ли Ен Гю.* Гора Тэсон. Пхеньян: Изд-во литер. на ин. яз., 1979. (Переводчик не указан).

12. Паукер Е.О. Корея. Бесплатное приложение к журналу “Живописное обозрение”. СПб.: А. “Слово”, 1904.
13. *Петербургское востоковедение*. СПб.: Петербургск. востоковедение, 1994. Вып.5.
14. *Повести страны зеленых гор*. Перевод с корейск. М.: Гос. изд-во худож. литер., 1966. (Перевод Г. Рачкова, А. Артемовой и др.).
15. *Хван Ген*. Остров в огне. Рассказы. Перевод с корейск. М.: Военное изд-во Мин-ва обороны СССР, 1960 (Перевод Л. Журавлевой).
16. *Чон Сук Хи*. Эссе. СПб.: Центр Петербург. востоковедения, 1993 (Перевод А. Васильева, Г. Рачкова, В. Тихонова и др.).
17. *Большой русско-корейский словарь* в 2-х томах. М.: Русский язык, 1976 (БРКС).
18. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992.
19. *Современный словарь иностранных слов*. СПб.: Дуэт, Комета, 1994 (ССИС).
20. *Большой словарь корейского языка Самсонпан*. – Самсонпан 1986.

ЛИНГВИСТИКА

Лингво-когнитивный подход к коммуникации

© доктор филологических наук В. В. Красных, 2000

Лингво-когнитивный подход, как явствует из самого названия, предполагает анализ не только собственно-лингвистических, но и когнитивных аспектов коммуникации. Лингво-когнитивный подход позволяет выделять и анализировать два основных “плана” коммуникации: 1) *общелингвистический аспект* (релевантен для любой коммуникации, любого дискурса, любого КА, любого языка, на котором осуществляется общение); 2) *национально-детерминированный компонент* (актуален для национального дискурса, предопределяя национальную специфику последнего). Другими словами, данный подход позволяет, с одной стороны, анализировать *универсальное* в коммуникации, осуществлять комплексный анализ и структурировать коммуникацию с учетом всех факторов, влияющих на коммуникацию и обуславливающих ее протекание, а с другой — определять и исследовать *национальное* в коммуникации, выявлять и описывать национально-специфические составляющие коммуникации, т. е. дает возможность определить и исследовать феномены, которые отражают основные черты национального ментально-лингвального комплекса и, следовательно, обуславливают национальную специфику самой коммуникации.

Многие исследователи различных областей знаний рассматривают коммуникацию как взаимодействие, “интеракцию” и всячески подчеркивают ее социальный характер (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия, А. А. Брудный, Е. Ф. Тарасов, Г. В. Колшанский, Ю. А. Шрейдер, Е. А. Земская, К. К. Платонов, М. Л. Макаров, В. Харгунг, V. E. Cronen, J. Shotter, K. J. Gergen и др.). Коммуникация включена в социальные отношения общающихся, это — две неразрывные стороны речевого взаимодействия; в связи с этим вспомним интеракционную модель коммуникации D. Schiffrin или модель с полюсами-субъектами в виде передающего и принимающего, которую, по словам Ю. М. Лотмана, усовершенствовал Р. О. Якобсон.

С нашей точки зрения, *человеческая коммуникация* есть процесс взаимодействия двух и более языковых личностей с целью передачи / получения / обмена информацией, т. е. того или иного воздействия

на собеседника, необходимого для осуществления совместной деятельности.

В качестве субъекта коммуникации выступает *человек говорящий*, предстающий в каждый момент своей речевой деятельности одновременно в трех ипостасях, как совокупность “личностных” феноменов — как личность 1) языковая, 2) речевая и 3) коммуникативная. *Человек говорящий* определяется как личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность (охватывающая как порождение, так и восприятие речевых произведений); *языковая личность* — как личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая определенной совокупностью знаний и представлений; *речевая личность* — как личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических); *коммуникативная личность* — как конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации.

Как уже неоднократно писалось (см. работы Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко и автора настоящей статьи), каждый человек говорящий обладает *индивидуальным когнитивным пространством* (ИКП), набором *коллективных когнитивных пространств* (ККП) тех социумов, в которые он входит, и *когнитивной базой* (КБ) того национально-лингвокультурного сообщества, членом которого он является. ИКП, ККП и КБ непосредственно влияют на процесс коммуникации. На национальном уровне пространство представлено “национальным культурным пространством”, понимаемое как информационно-эмоциональное (“этническое”) поле, как совокупность всех индивидуальных и коллективных когнитивных пространств, как все многообразие реально существующих и потенциально возможных знаний и представлений носителей национального ментально-лингвального комплекса.

КП-ва и КБ формируются когнитивными структурами, понимаемыми как содержательная форма кодирования и хранения информации. Среди когнитивных структур выделяются феноменологические (ФКС) и лингвистические когнитивные структуры (ЛКС). Когнитивные структуры в целом достаточно сложно изучать “в чистом виде”, поскольку они предстают в опосредованном виде — в виде структур-“посредников” (особенно актуально это для ФКС). Когнитивные структуры лежат в основе компетенции человека говорящего, и нам представляется возможным установить определенные соотношения между типом когнитивных структур и видом компетенции. Так, языковая и речевая компетенции со всей очевидностью формируются в первую очередь лингвистическими когнитивными структурами, предметная компетенция —

феноменологическими, культурная и коммуникативная — и теми, и другими. ЛКС самым непосредственным образом участвуют в формировании языковой картины мира, “материалом” формирования (концептуальной, образной) картины мира служат в первую очередь ФКС. Последние имеют (или могут иметь) вербальную “оболочку”, т. е. выступают в паре с лингвистическими.

Пресуппозиция понимается нами как зона пересечения когнитивных пространств коммуникантов. Она актуализируется в процессе коммуникации, релевантна “здесь” и “сейчас”. Анализ конкретного материала обусловил необходимость выделения трех типов пресуппозиции, каждый из которых соотносим с определенным типом когнитивного пространства: 1) микропресуппозиция (соотносится с ИКП); 2) социумная, константная пресуппозиция (соотносится с ККП); 3) макропресуппозиция (соотносится с КБ). Микропресуппозиция имеет место всегда, не зависит от наличия / отсутствия у коммуникантов общей КБ или ККП, включает в себя (1) знание конситуации, представления о ней; (2) знание контекста, т. е. понимание всех смыслов, релевантных для акта коммуникации; (3) понимание речи, если таковая имеет место. Проблемы в общении возникают в первую очередь тогда, когда нет макропресуппозиции и/или социумной (константной) пресуппозиции, что имеет место при межкультурном и/или межсоциумном общении.

Коммуникация, как любой процесс, разворачивающийся во времени и пространстве, поддается структурированию. Основной единицей коммуникации является коммуникативный акт (КА), понимаемый как функционально цельный фрагмент коммуникации, ядром которого является текст (монолог, диалог или полилог). Каждый КА имеет две структурные составляющие: ситуацию (фрагмент объективно существующей реальности, частью которой может быть и вербальный акт) и дискурс (вербализованная речемыслительная деятельность, представляющая как совокупность процесса и результата, обладающая собственно-лингвистическим и лингво-когнитивным планами). В каждом КА выделяются четыре компонента и, следовательно, четыре аспекта: 1) экстралингвистический аспект связан с конситуацией; 2) семантический аспект определяется контекстом, последний есть имплицитно или эксплицитно выраженные смыслы, реально существующие, являющиеся частью ситуации, отражающиеся в дискурсе и актуальные для данного КА; 3) когнитивный аспект непосредственно связан с пресуппозицией (в нашем понимании данного термина); 4) собственно-лингвистический аспект обуславливается речью, т. е. продуктом непосредственного речепроизводства, тем, что продуцируют коммуниканты (см. схему).

Схема. Структура КА.

Вспомним, что “полюсы” коммуникативной модели, о которой писал Н. Г. Комлев, представлены *сознанием* говорящего (на “входе”) и *сознанием* слушающего (на “выходе”). Сознание же (языковое сознание) как феномен всегда тесно связано с культурой, оно национально-, культурозависимо (в отличие от культуронезависимого интеллекта как способности и мышления как процесса, которым проявляется и сознание, и интеллект).

Лингво-когнитивный подход к коммуникации позволяет выявлять, анализировать и структурировать то, что имеет непосредственное отношение к национальным особенностям сознания, а именно: макрокогнитивный пласт коммуникации, представленный на схеме контекстом и пресуппозицией, и когнитивный план дискурса. Национальная специфика ментально-лингвального комплекса структурируется с помощью такой единицы, как фрейм-структура сознания, которая есть когнитивная единица, формируемая клише/штампами сознания и представляющая собой “пучок” предсказуемых валентных связей (слотов), векторов направленных ассоциаций. Ассоциативные связи могут быть свободными и предсказуемыми. В основе предсказуемой ассоциативной связи лежит некоторый когнитивный феномен — культурный предмет. За предсказуемой ассоциативной связью всегда стоит фрейм-структура сознания. Фрейм-структуры формируются когнитивными структурами (как атомы “складываются” в молекулы, так “атомарные” когнитивные структуры, создавая некоторые конфигурации, формируют “молекулярные” фрейм-структуры). В виде фрейм-структур сознания в сознании хранятся прецедентные феномены и стереотипы-представления.

Прецедентные феномены (ПФ): прецедентная ситуация (ПС), прецедентный текст (ПТ), прецедентное имя (ПИ) и прецедентное высказывание (ПВ) — могут иметь статус социумно-, национально- или универсально-прецедентных. ПФ определенным образом соотносятся с понятиями эталона и канона: ПС, ПТ и ПИ выступают как эталон, ПВ

могут функционировать и как эталон, и как канон. Прецедентные феномены, каждый из которых имеет ядро и периферию, составляют определенную систему (основной фрагмент когнитивной базы), которая также имеет центр и периферию. Центр системы составляют ядра одних ПФ, ее периферию — ядра других. Периферия же ПФ входит не в когнитивную базу, но в когнитивные и культурное пространства. Другими словами, ядро ПФ “кристаллизуется” в виде фрейм-структуры сознания, а периферия репрезентирует его культурно значимый фрейм и, входя в коллективные когнитивные пространства, является элементом национального культурного пространства.

Стереотип-представление понимается как структура ментально-лингвального комплекса, которая формируется инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих “концепт” (образ, представление) феномена, стоящего за данной единицей, в национально-культурной маркированности данного “концепта” (образа, представления) при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей. Национальный концепт, по нашему определению, есть самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея “предмета” в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью.

Стереотипы-представления необходимо отграничивать от стереотипов поведения. Среди стереотипов-представлений разграничиваются стереотипы-образы и стереотипы-ситуации. Принципиальное отличие стереотипов от прецедентных феноменов заключается в том, что за ПФ всегда стоит некий конкретный, единичный феномен, за стереотипом же стоит абстрактный, собирательный образ. Кроме этого, ПФ могут храниться в сознании как только феноменологические когнитивные структуры, как только лингвистические КС или как ФКС и ЛКС. Стереотип же представлен в сознании феноменологическими КС, “окруженными” лингвистическими КС.

Таким образом, именно лингво-когнитивный подход к коммуникации позволяет анализировать всю совокупность факторов, которые влияют на процесс общения, а также систему феноменов, отражающих национальную специфику ментально-лингвального комплекса, с одной стороны, а с другой — предопределяющих национально-культурную специфику самой коммуникации.

О целесообразности использования термина «прецедентное высказывание»

© И. В. Захаренко, 2000

В наших предыдущих работах нами предпринимались попытки систематизировать некоторым образом феномены, называемые прецедентными высказываниями, рассмотреть их с точки зрения лингвокогнитивного и функционального аспектов. [8; 12; 14; 15; 19]. Названные единицы (к ним принадлежат “крылатые слова”, цитаты из разного рода текстов; мы включаем в их состав и пословицы) традиционно относятся к фразеологии в широком понимании, следовательно, может возникнуть мысль об “избыточности” данного понятия. В связи с этим в настоящей статье позволим себе высказать некоторые теоретические положения, касающиеся обоснования термина “прецедентное высказывание”.

Напомним, что в нашем понимании *прецедентное высказывание* (ПВ) – это репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПВ входит в когнитивную базу¹ данного лингво-культурного сообщества и неоднократно воспроизводится в речи носителей русского языка [19].

1. Нам представляется целесообразным для понимания сущности прецедентного высказывания рассмотреть собственно “высказывание” как составляющую исследуемого феномена. Термин “высказывание” имеет разнообразные толкования в лингвистической литературе. Семантическое “наполнение” данного понятия зависит от разных методов анализа и теоретических подходов исследователей. При структурном подходе к высказываниям относят речевые образования, не укладывающиеся в обычную схему предложения (реплики в диалоге и др.). При содержательном подходе включается модально-коммуникативный аспект, проявляющийся, прежде всего в интонации и актуальном членении предложения. При функциональном подходе высказывание определяется как речевая единица, которая может быть равновеликой предложению, но рассматривается в речи, в непосредственном соотнесении с

¹ Когнитивная база представляет собой структурированную совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке, формируется *инвариантами* существующих и возможных представлений о феноменах, хранящихся в ней в минимизированном, редуцированном виде. [19].

ситуацией. Отметим, что последнее понимание “высказывания”, восходящее к точке зрения В. Матезиуса и его последователей и принципиально отличающееся от понимания высказывания в логике высказываний, где оно рассматривается только с позиции истинности или ложности, наиболее близко нам. Иначе говоря, высказывание представляет собой “функциональную единицу”, анализ которой призван показать, “как она связана с ситуацией, какими средствами и как эта последняя описывается” [6: с.352]. Высказывание – это знак ситуации², и, подобно всякому другому знаку, характеризуется значением — отношением к референту (ситуации), и смыслом — способом представления референта в знаке. Отличительными свойствами высказывания, которые связаны с характером обозначаемого, являются *предикативность* – “комплекс актуализационных категорий (модальность, время, лицо), определяющих высказывание относительно действительности” [5: с. 5], — и *целостность* высказывания как знака³: “высказывание не складывается из слов с их значением, а, скорее, наоборот, слова с их значением получают свое реальное существование только в рамках высказывания” [16: с. 137]. Другими словами, части высказывания не остаются неизменными, но приобретают новые качества, которыми вне целого они обладают лишь потенциально, т. е. высказывание находится на уровне интеграции всех различных уровней, выделяемых в процессе анализа языка, на уровне заверщенного семиотического акта [6]. Высказывание связано с пресуппозицией – совокупностью предварительных знаний собеседников о предмете речи – и с модализацией – выражением в высказывании в разной степени оценки ситуации говорящим.

Отметим, что вышеприведенные особенности высказывания “работают” и при рассмотрении высказывания как составляющей термина “прецедентное высказывание”. Протест может вызвать тезис о непредикативности ПВ. Однако мы считаем возможным сохранить слово “высказывание” в составе термина по нескольким причинам. Во-первых, наше исследование показало, что при предлагаемом нами подходе нет существенной разницы в функционировании “предикативных” и “непредикативных” высказываний: ПВ как первой, так и второй группы соотносятся с той или иной ситуацией речи, актуализируя либо прецедентный текст, либо прецедентную ситуацию. Например:

(1) *Гадкий утенок* по имени Челси (статья о дочери Клинтон).

² Существуют различные определения термина “ситуация” (см., напр., [1; 4; 6]), остановиться на которых нам не представляется возможным в рамках настоящей статьи. В нашем понимании ситуация – фрагмент объективно существующей действительности.

³ Некоторые исследователи предлагают считать знаком слово, а высказывание называют “сверх-знаком” (термин А. Моля) или “сложным знаком”. Ср.: “с точки зрения реального функционирования языка знаком в языке следует считать высказывание” [6: с. 355].

- (2) Чеченское *окно в Европу* (статья о санитарном кордоне вокруг Чечни, через который удается прорваться богатым боевикам).
- (3) *Тираны мира, трепещите* (заголовок статьи о новом средстве борьбы с тараканами).

Во-вторых, большая часть “непредикативных” ПВ (в основном, это единицы, “пришедшие” из Библии, из текстов древних мифов; некоторые фразеологи называют их именными фраземами⁴ – напр., *вавилонское столпотворение, иерихонская труба, сизифов труд, троянский конь* и под.) относится нами к так называемым “переходным” прецедентным высказываниям. Это значит, что ПВ полностью утрачивают связь с “породившими” их текстом или прецедентной ситуацией, как правило, вследствие переосмысления на базе метафоры и “при совпадении по форме со структурными типами фразеологии языка” [21: с. 128] и переходят в состав фразеологизмов. В этом случае они обозначают явления, предметы, соотносясь с понятием – “результатом абстрагированного восприятия элементов ситуации” [6: с. 354] — и обладают знаковой функцией, аналогичной знаковой функции слова⁵.

Специфика ПВ как прецедентного феномена заключается в том, что оно имеет “фиксированную” структуру (постоянный состав элементов), не порождается заново в каждом акте коммуникации, но воспроизводится “в готовом виде” в отличие от обычного высказывания со “свободной” структурой. Иначе говоря, обладает свойством клишированности, а именно “воспринимается глобально как существующее в готовом виде конструктивное и семантическое целое, воспроизводимое без существенных изменений в соответствующих коммуникативных ситуациях” [26: с. 36]⁶. Кроме того, использование прецедентного высказывания всегда “отсылает” к фоновым знаниям, формирующим когнитивный уровень сознания и существующих в “форме многочисленных логических импликаций и пресуппозиций” [20: с. 26], о чем мы скажем ниже, перейдя к рассмотрению собственно феномена, называемого данным термином.

2. Термин “прецедентное высказывание”, предложенный В.Г. Костомаровым и Н.Д. Бурвиковой, в их понимании охватывает единицы, полученные в результате текстовой редукции. Прецедентные высказывания могут представлять собой: (1) заголовок, начальную или

⁴ См., напр., [23].

⁵ Следует заметить, что “прецедентность” такой единицы может продолжаться осознаваться носителями языка, это зависит от степени знания коммуникантами того или иного прецедентного феномена, потому представленную группу единиц мы предлагаем называть “переходными” прецедентными высказываниями.

⁶ В оригинальном тексте данная цитата применяется по отношению к пословицам и афоризмам, которые в нашей концепции относятся к прецедентным высказываниям.

конечную фразу, как правило, стихотворного текста-источника, они “способны жить самостоятельной жизнью со значением, отнюдь не равным их собственному значению, но ассоциируемым с содержанием, символизирующим всю книгу, фильм, спектакль [17: с. 74]; (2) цитату из прозаического текста-источника, если они обладают критерием универсальности, проявляющимся в категории обобщенности или (3) конкретное высказывание, опирающееся на конкретную ситуацию, нам чаще известен его автор [17: п. 74]. Другими словами, за основу при определении понятия ПВ берется критерий свертывания текста до отдельного слова, словосочетания или фразы, которые “аккумулируют прецедентность этого текста”, являясь его символом (1), или отрываются от текста-источника в силу универсальности своего содержания (2), или опираются на конкретную ситуацию, имея исторического автора (3).

Данный подход соотносим с точкой зрения А. А. Потебни о “сгущении мысли”, при котором смысл целого текста находит свое выражение в одном изречении [24: с. 91], а также с целым рядом исследований, касающихся “крылатых выражений”. Так, В. В. Виноградов пишет о литературной цитате, которая действует “на фоне представления того целого, из которого она извлечена. В этом случае цитата как бы замещает или концентрирует сложный образ, воплощенный в художественном произведении” [3: с. 231-232]. Подобную мысль о конденсации в “крылатых выражениях” сложных образов высказывают Н. С. Ашукин и М. Г. Ашукина в предисловии к сборнику крылатых слов: “представляя собой лаконические формулировки идей и представлений, конденсируя сложные образы, они вызывают в нашем сознании ряд ассоциаций” [2: с. 5]. С. И. Ожегов, рассуждая о значении крылатых слов как особой выразительной категории в речи, пишет о том, что “каждое выражение обладает индивидуальностью и смысловой насыщенностью, неотделимой от ассоциаций с контекстом произведения, с исторической эпохой, породившей выражение, с печатью “авторства” [21: с. 126].

На наш взгляд, сама дефиниция ПВ, предложенная в [17], имплицитно содержит то существенное и главное, что дифференцирует данную единицу как прецедентное высказывание. Имеется в виду, что за прецедентным высказыванием всегда стоит прецедентный феномен — прецедентный текст и/или прецедентная ситуация⁷, играющие важную

⁷ Термин “прецедентный текст” принадлежит Ю.Н. Караулову. Под прецедентной ситуацией мы понимаем некую “идеальную” ситуацию, имевшую место или в реальной действительности, или в “виртуальной реальности созданного человеком искусства” [18: с. 54] и связанную с набором определенных коннотаций. О прецедентных феноменах, в том числе и о прецедентной ситуации см. статьи участников научного семинара “Текст и коммуникация” [7; 19].

роль в формировании смысла высказывания, что показывает анализ функционирования ПВ в средствах массовой информации и в непосредственной коммуникации [8; 15]. При этом прецедентное высказывание далеко не всегда “аккумулирует прецедентность текста”, но его использование в речи, как правило, предполагает “отсылку” или к прецедентному тексту, или к прецедентной ситуации в том смысле, что без нее либо не будет понят смысл высказывания, либо не “прочитаются” связанные с прецедентным феноменом коннотации⁸. Другими словами, все эти единицы обладают двуплановостью. Данный подход позволяет относить к разряду ПВ не только крылатые выражения в традиционном понимании этого термина, но и цитаты из популярных художественных фильмов, из рекламы, “цитаты” из современного (например, молодежного) фольклора, а также (с некоторыми оговорками) пословицы и поговорки⁹. Специфика ПВ наиболее ярко прослеживается в рамках активно используемого в современной лингвистике подхода, связанного с построением моделей типа “Смысл ⇔ Текст”, т. е. “с моделированием способности носителя языка преобразовывать подлежащий выражению смысл в соответствующий ему текст...и, обратно, извлекать из текста содержащийся в нем смысл” [10: с. 136]. Другими словами, описание ПВ мыслится как установление соответствия между “глубинным”, семантическим представлением и самым “поверхностным” (орфографическим или фонетическим) представлением” [10: с. 136]¹⁰. Обращение к

⁸ Ср. с мыслью Н. И. Жинкина о мере “скважности текста” (дискретности перехода от одного смысла к другому, которая является комплексной характеристикой текста и выражает отношение языковой информации к неязыковой), величина которой определяется взаимопониманием партнеров коммуникации [цит. по 20: с. 33].

⁹ Мы прекрасно осознаем специфику данных единиц как особых жанров фольклора, выражающих ценностные суждения и прескрипции, “значение которых формируется именно в фольклорно-оценочной среде, так как их денотация – не денотация к миру, а повод для отнесения к системе ценностей” [25: с. 74]. Однако, рассматривая их как прецедентные высказывания, мы имеем в виду, что пословицы восходят к прецедентным ситуациям и выступают как маркеры этих ситуаций. Учитывая вышесказанное, предлагаем относить пословицы к фольклорным прецедентным высказываниям (подробнее см. [12]). Кроме того, существует группа ПВ, оторвавшихся от первоисточника. Их функционирование приближается к пословичному употреблению в речи и роднит ПВ такого типа с собственно пословицами (Ср. с утверждениями А. Потебни о “сжатии” до пословицы любого поэтического произведения, например, комедии, эпоса, романа [24: с. 89] и с точкой зрения С. Г. Займовского на крылатое выражение как “на пословицу или поговорку литературно-образованных кругов” [11: с. 16].

¹⁰ Интересной представляется мысль американского фольклориста А. Дандиса о поверхностных и глубинных структурах по отношению к исследованию пословицы, которая в определенной степени применима и к другим типам прецедентных высказываний: “Поиски Н. Хомским “глубинной структуры” в противовес “поверхностной структуре” по своему духу сходны с фрейдовским противопоставлением “бессознательного” и “сознательного” и с юнговским стремлением к “архетипу”. То же можно сказать и о попытках К. Леви-Стросса выделить парадигматическую структуру, которая лежит в основе различ-

“глубинному уровню” ПВ всегда предполагает обращение к “породившему” его тексту или прецедентной ситуации. Это отражается в самой структуре прецедентного высказывания.

Прецедентное высказывание, будучи прецедентным феноменом, может обладать тремя уровнями значений: 1) *поверхностным*; 2) *глубинным значением* и 3) *системным смыслом*, представляющим собой “сумму” глубинного значения (при наличии такового) высказывания и знания прецедентного феномена (прецедентного текста, прецедентной ситуации) и связанных с ним коннотаций. При этом смысл может присутствовать в системе:

(а) имплицитно и проявляться лишь в функционировании в виде коннотаций:

(4) *В бой идут одни старики* (о правительстве Е. Примакова)

(5) *В моей смерти прошу винить КПСС* (исповедь историка) и (б) эксплицитно, т.е. оказывать важнейшее и первоочередное значение в формировании функционального смысла высказывания:

(6) “Муж заподозрил жену в неверности. Сначала застрелил предполагаемого любовника, а потом поджег дом, в котором спала благоверная. Новая вариация на тему: *молилась ли ты на ночь?*” (отрывок из криминальной хроники). Реальная ситуация соотносится с прецедентной ситуацией (из текста трагедии Шекспира), означающим которой и является приведенное ПВ; все это позволяет понять уместность данного высказывания в ситуации общения и в то же время оценить его “экспрессивность”.

(7) *Собаки Баскервилья* (статья Е. Новодворской об отношении к коммунистам).

Таким образом, при функционировании ПВ важным оказывается не столько понимание его значения, сколько знание экстралингвистических, когнитивных факторов, стоящих за данной единицей (т.е. системного смысла высказывания), что позволяет относить прецедентное высказывание к феноменам лингво-когнитивным.

В заключение добавим, что именно “прецедентность” в нашем понимании позволяет рассматривать некоторые единицы, традиционно относящиеся к области фразеологии (например, пословицы, крылатые выражения) как прецедентные высказывания и отграничивать их от

ных синтагматических структур. Фактически, и Хомский, и Юнг, и Леви-Стросс заняты поисками Всеобщего, в какой бы форме оно не проявлялось – в форме ли “глубинной структуры”, “архетипа” или “бинарно-оппозиционной” парадигмы” [9: с.16]. Данное положение можно рассматривать как попытку исследования лингвистических единиц в соотносительности с “языком культуры”, чем активно сейчас занимаются, например, В. Н. Телия [25], Д. Б. Гудков [7], В. В. Красных [18], и автор настоящей статьи [13].

собственно фразеологизмов¹¹. Сопоставление прецедентных высказываний и фразеологизмов (в узком смысле) по разным параметрам (например, в лингвистическом, логико-семиотическом, функциональном аспектах) свидетельствует, на наш взгляд, о различии этих феноменов. Рассмотрению данного вопроса мы надеемся посвятить наши последующие статьи.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
2. Аиукин Н. С., Аиукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1987.
3. Виноградов В. В. О задачах истории русского литературного языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 1945. Вып. 3.
4. Всеволодова М. В. Коммуникативные механизмы синонимии // РЯЗР, 1989, № 4.
5. Всеволодова М. В., Шуфень Го. Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. М., 1999.
6. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.
7. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.
8. Гудков Д. Б., Красных В. В., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997, № 4.
9. Дандис А. О структуре пословицы // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст).
10. Жолковский А. К. К описанию выразительной структуры паремий (разбор одной сомалийской пословицы) // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст).
11. Займовский С. Г. Крылатое слово. Справочник цитаты и афоризма. М., Л., 1930.
12. Захаренко И. В. Некоторые особенности фольклорных прецедентных высказываний // Функциональные исследования. Сб. статей по лингвистике. М., 1997.
13. Захаренко И. В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. М., 1997. Вып. 1.
14. Захаренко И. В., Красных В. В. Лингво-когнитивные аспекты функционирования прецедентных высказываний // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997.
15. Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. М., 1997. Вып. 1.
16. Колианский Г. В. Контекстная семантика. М., 1980.
17. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Как тексты становятся прецедентными // РЯЗР. 1994, №1.
18. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998.
19. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и пре-

¹¹ Ср. с точкой зрения В.Н.Телия, предложившей ограничивать раздел паремнологии, а также афоризмы, сентенции, слова, воспринимаемые как “цитации” от собственно лингвистических разделов фразеологии, включающих идиомы, фразеологические сочетания, речевые штампы и различного рода клише [25].

- цедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997, № 3.
20. *Крюков А. Н.* Фоновые знания и языковая коммуникация // Этнопсихоллингвистика. М., 1988.
 21. *Ожегов С. И.* О крылатых словах (По поводу книги Н. С. и М. Г. Ашукиных “Крылатые слова”) // ВЯ. 1957, № 2.
 22. *Пермяков Г. Л.* От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М., 1970.
 23. *Петров В. К.* О некоторых свойствах крылатых выражений в современном русском литературном языке (на материале именных фразем) // Вопросы истории и теории русского языка. Вып. 3. Тула, 1970.
 24. *Потебня А. А.* Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1930.
 25. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
 26. *Черкасский М. А.* Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы) // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст).
 27. *Шварцкопф Б. С.* Основные параметры описания крылатых выражений современного русского литературного языка // Фразеография в Машинном фонде русского языка. М., 1990.

Ирония. История вопроса

© И. Саниева, В. Давыдов, 2000

Практически любое обсуждение художественной литературы оказывается невозможным без понимания таких терминов как ирония, энантиосемия, контрадикт и т.п. В той или иной мере явления, обозначаемые соответствующими терминами, присутствуют фактически в любой книге, принадлежащей к художественной литературе. Более того, эти явления встречаются и в других видах литературы, которые по вполне понятным причинам не входят в данную работу.

Много внимания в некоторых работах уделяется противопоставлению “эксплицитного” и “имплицитного” выражения иронии (видимо, не без влияния соответствующей английской лексики : explicit — implicit, implied, implication и т.п.). В книге М. В. Давыдова “Звуковые парадоксы английского языка и их функциональная специфика”(1), действительно, подчеркивается принципиальность такого деления, его важность, хотя сам автор пользуется другой терминологией : прямо выраженная ирония и косвенно выраженная ирония. Несмотря на самую непосредственную связь этих видов выражения иронии, их, разумеется, нужно различать : вся книга М. В. Давыдова посвящена проблемам косвенно выраженной иронии, когда в самих словах, выражениях или фразах, казалось бы, нет ничего иронического (и здесь основную роль играет контекст и интонация), прямо выраженная ирония (и здесь мы просто цитируем “Звуковые парадоксы”) — это “создание, так сказать, “на ходу” (можно предположить, что М. В. Давыдов этим выражением хотел подчеркнуть неожиданность и непредсказуемость соответствующего словесного описания) того или иного комического образа средствами лексики или же использование готовых иронических выражений, в частности, специальных иронических словечек как, например, “прыткий”, “аппетитец”, “вздохатель” и т.д.”

ИРОНИЯ определяется в “Словаре лингвистических терминов” О. С. Ахмановой как “Троп, состоящий в употреблении слова в смысле обратном буквальному с целью тонкой или скрытой насмешки, нарочито облеченной в форму положительной характеристики или восхваления”. Там же приводятся примеры: Посмотрите, каков Самсон! (о слабом, хилом человеке), “Откуда, умная, бредешь ты голова?” (в обращении к ослу).(2)

В данном определении говорится о “смысле слова”, т.е. (см. снова тот же словарь) о «**содержании (значении), которое слово (выражение, оборот речи и т.п.) получает в данном контексте употребления,**

в данной речевой ситуации (ситуации общения)»; ситуация общения, называемая также **контекстом ситуации**, противопоставляется собственно лингвистическому контексту, непосредственному языковому окружению слова, которое во многих случаях не выполняет достаточно определенной дифференциальной функции”. (Мы специально заостряем внимание читателя на возможном расхождении содержания терминов “**значение**” и “**смысл**”, поскольку оно потребует нам при дальнейшем обсуждении нашей проблемы.)

Обратимся теперь к определению “иронии”, взятому из “Стилистики современного английского языка” известного стилиста И. В. Арнольд.

“Выражение насмешки путем употребления слова в значении прямо противоположном его основному значению, и с прямо противоположными **коннотациями** (эмпфаза наша — *И.С., В.Д.*), притворное восхваление, за которым в действительности стоит порицание, называется иронией. Противоположность коннотации состоит в перемене оценочного компонента **положительного на отрицательный, ласковой эмоции на издевку**, в употреблении слов с **возвышенной и поэтической** окраской по отношению к предметам **тривиальным и пошлым**, чтобы показать их ничтожество”. (3)

Посмотрим теперь, как определил “иронию” известный русский стилист И. Р. Гальперин :

“Irony is a stylistic device based on the simultaneous realisation of two logical **meanings** — dictionary and contextual, but the two meanings stand in opposition to each other. ...

Irony must not be confused with humour. Although they have very much in common. **Humour always causes laughter** (К сожалению, все зависит от того, что понимать под словами «юмор» и «смех». *И.С., В.Д.*). What is funny must come as a sudden clash of the positive and the negative. In this respect irony can be likened to humour. But the function of irony is not confined to producing a humorous effect. ...It rather expresses a feeling of irritation, displeasure, pity or regret.» (4)

Как видим, у двух первых авторов **смысл** и **значение** — это не одно и то же и оба понятия принципиально важны для обсуждения проблем иронии; у И. Р. Гальперина соответствующее противопоставление, по-видимому, приравнивается к **контекстному значению** и **словарному значению**, а, если оба значения (что бывает нередко) зафиксированы в словаре, то как быть тогда с “ значением, которое появляется только в данном контексте”, можно ли в этом случае говорить об **иронии** (?). Кроме того, на авансцене появляется новое понятие “юмора”, “которое нельзя смешивать с иронией”. Поскольку помимо **юмора** существует и **шутка** , и **сатира**, то возникает довольно неприятный вопрос, а мо-

жет ли быть решена ли проблема иронии без привлечения более **глобальной проблемы комического** (или комизма)?

Ведь писал же Р. Юренев в “Механике комического” (“Искусство кино”, 1964, № 1), что смех бывает самый разный: радостный и грустный, добрый и гневный, умный и глупый, гордый и задушевный, снисходительный и заискивающий, презрительный и испуганный, оскорбительный и ободряющий, наглый и робкий, дружественный и враждебный, иронический и простосердечный, саркастический и наивный, торжествующий и оправдательный, бесстыдный и смущенный. Можно еще и увеличить этот перечень: животный, веселый, печальный, нервный, истерический, издевательский, физиологический. Может быть даже унылый смех!” Тут есть над чем задуматься!

Пример унылой иронии приводится, например, на первых страницах “Звуковых парадоксов английского языка и их функциональной специфики” М. В. Давыдова . Словесное одобрение Сэрмом Питером (ремарка в сторону : “/Yes, a good de/fence, /truly.) изощренного злословия лэди Тизл — это, конечно, же пограничный случай иронии : вся интонация “печального раздумья” свидетельствует, фактически, об осуждении поведения лэди Тизл. Но нельзя исключить и такой возможности, что Сэр Питер рад хотя бы “косвенным” образом высказать свое подлинное отношение к происходящему.(5)

Само слово “ирония”, введенное в оборот, известно ещё со времен классической литературы, как греческой, так и римской. Оно составляло часть стилистических фигур классической риторики.

Нельзя не заметить, что система стилистических фигур выдержала проверку временем и с небольшими изменениями используется и по сей день как в литературоведении, так и в лингвистике. Вместе с тем развитие методов исследования этих двух наук не могло, естественно, не повлиять, на использование классических классификаций и, в частности, бурное развитие звукозаписывающей и звукоанализирующей аппаратуры не могло быть проигнорировано специалистами, которые занимаются анализом звучащей речи.

Следует сразу же отметить, что термин “ирония” подвергался неоднократно подробному обсуждению, и, если ограничиться даже только филологией, то он включает теперь в себя столько значений, что по определению Отто Риббека он непрерывно меняет свою природу, отражая диалектику формы и содержания художественной литературы (proteusartig).

Что же касается термина “энантиосемия”, то он был впервые введен Винцентом Шерцлем, профессором Воронежского университета в 1883 г. Хотя Шерцль всячески извиняется за некоторую неуклюжесть этого термина, смысл его сводится к **прямоу противопоставлению**

значений одного и того же слова. (6) В качестве примеров Шерцль приводит довольно много слов, мы же ограничимся указанием на то, что английское слово “own” может означать как наличие собственности (I own a book or two of this writer), с одной стороны, так и отсутствие (хотя бы и временное) этой собственности (Yesterday I owned him one of my books). Аналогичная ситуация наблюдается и в случае русского глагола “одолжить”: “Я одолжил ему крупную сумму денег” и в то же время “Я одолжил у него крупную сумму денег”, т.е. или дать деньги займы или, напротив, взять деньги займы.

Шерцль, разумеется, был не единственным ученым, обратившим внимание на такое странное совмещение противоположных значений в одном слове. В наше время этим вопросом достаточно подробно интересовались такие ученые как Л.А. Булаховский, В. И. Прохорова, Л.И. Климова и др. Хотя следует сразу же признать, что не все они пользовались термином “энантиосемия”, а чаще говорили об “антонимичных значениях” одного и того же слова, они не могли не отметить появление противоположного смысла (значения) **под влиянием речевой интонации.**

“В ряде случаев, — пишет Л. А. Булаховский, — наблюдается как слова, обозначавшие первоначально уверенность, точность, с течением времени начинают обозначать ослабление первоначального смысла и становятся носителями значений вероятности, приблизительности, неуверенности. На это указывает, например, история слова “наверное”, которое теперь значит “вероятно”, “может быть”. (7)

В диссертации Л.И. Климовой “Антонимичные значения полисемантических слов в современном русском языке” она обращает внимание на связанность в реальной жизни процессов, обозначаемых соответствующими словами, указывает на диалектический характер происходящих в жизни явлений. (8)

Обращаясь к “Словарю омонимов русского языка” О.С. Ахмановой мы обнаруживаем, что антонимичные значения, в русском языке не такое уж редкое явление. (9)

Но обратимся теперь к классическому определению иронии: у Цицерона “**aliud dicere ac sentias**”, у Квинтилиана “**laudis adsimulatione detrahere et vituperationis laudare**”, т.е. мы вроде бы хвалим кого-то, а на самом деле порицаем, о чем можно догадаться из контекста ситуации, по тону говорящего или соответствующей жестикуляции.

В книге об иронии Г.Г. Сэджвик «Of Irony», пользуется словом “**притворство**”, которое “в случае насмешки или обмана кого-то представляет говорящему удовольствие”, именно благодаря тому, что изображаемое приравнивается к реальности. То что человек говорит — это

всего лишь видимость, настоящее же значение — реальность — скрыто от собеседника.”(10)

Хотелось бы, однако подчеркнуть, что притворство вряд ли можно приравнять к иронии. Строго говоря, “притворство” направлено на сокрытие реальных чувств. Здесь тоже есть определенного рода противоречие, но далеко не всегда говорящий скрывает свои чувства, потому что он хочет посмеяться над своим собеседником. На это обратили внимание М.В. Давыдов и С.С. Смоленская в статье “Парадоксы содержания-намерения иронических высказываний.”(11) Так, например, в следующей сцене разговора дочери с её отцом:

Blanche (hypocritically): Of course not, papa. I shouldn't thought of such a thing.

Sartorius: That's all.(12)

Авторское замечание “hypocritically (притворно)” адресуется читателю. Притворство Бланш не имеет никакого отношения (если принимать во внимание всю пьесу в целом) к намерению посмеяться над отцом, вполне возможно оно было вызвано просто её испугом. Даже если её интонация не была вполне искренней и, таким образом, противоречила её словам, то об иронии здесь все равно говорить не приходится.

Забегая несколько вперед, отметим, что противоречие между интонацией и словами — это типичный для иронических ситуаций случай. **Повторим, однако, что если насмешки нет, то нет и иронии.** Приведем еще один пример притворства, где об иронии нет и речи.

A sound from Fleur distracted his attention.

“Look! The people who were in the Gallery with us.”

“What people?” muttered Soames who knew perfectly well.

(John Galsworthy. The Forsyte Saga. To Let. Part II, ch. I)

Сомс притворяется, что не узнает людей, но не потому что, хочет посмеяться над ними или же над Флер, а по соображениям совсем другого порядка.

Следует также подчеркнуть, что уже у Аристотеля просматривается различие между, так сказать, положительной формой иронии (т.е. смысл сказанного представляет собой похвалу) и отрицательной формой (подробнее на эту тему см.: М. В. Давыдов. «Звуковые парадоксы английского языка и их функциональная специфика», где говорится о минусовой и плюсовой энантиосемии), когда говорящий занимается самоуничижением (“Где нам, дуракам, чай пить?”), но на самом деле так не думает, т. е. минусовое содержание нужно менять на плюсовое

(положительное). Именно такая форма иронии была характерна для речей Сократа .

Пытаясь определить суть иронии обратимся сначала к уже имеющимся определениям, уделяя внимание одновременно и тому, что их объединяет, и тому, что их разъединяет, поскольку практически каждое определение вносит что-то новое по сравнению с другими.

Следует сразу же сказать, что определение Сэдживика является, пожалуй, чересчур общим : **“Обычное содержание иронии заключается в сознательной неадекватности речи”**. (13)

Если под неадекватностью имеется в виду намеренное несоответствие содержания высказывания тем или иным фактам, чувствам, намерениям, то по сути это определение не вносит ничего нового по сравнению с уже упоминавшимися классическими определениями и является достаточно расплывчатым. Любой отход от принципа однозначного соответствия «обозначающего (signifiant)» и «обозначаемого (signifie)» можно было бы назвать иронией, что, на наш взгляд, неправомерно расширяет интересующее нас понятие.

Что касается Муэкэ, то его определение : **“Искусство иронии заключается в искусстве сказать что-то, не сказав этого”**(14), интересно уже самой постановкой вопроса об иронии как об **особом специфическом способе производства речи**, которое приравнивается к **искусству**.

“Не сказав этого”, видимо, относится к отсутствию иронии в словах и основной акцент делается на другие параметры речевой ситуации. Однако против такого зауженного понимания иронии говорят некоторые факты речи, когда ирония выражается уже в самих словах, в их особом производстве, приносящем ироническую окраску. Вряд ли можно сомневаться в том, что такие слова как “прыткий”, “аппетитец”, “вздохатель” и многие другие были созданы именно для того, чтобы выражать иронию. Поэтому и определение Муэкэ не может удовлетворить нас полностью.

Большое внимание уделял изучению иронии известный лингвист Р. Фаулер и поэтому посмотрим, как он пытался определить данное явление.

В отличие от Муэкэ Фаулер попытался свести все многообразие видов иронии к двум категориям: 1)**ситуативно обусловленные** и 2)**словесно выраженные**. Фаулер указывает и на то, что **“значительное число случаев иронии связано с такими фигурами речи как meiosis, enantiosemy, euphemism и т.п.”**

В книге “The King’s English” ирония определяется следующим образом: **“Буквальное значение высказывания не соответствует тому, что действительно хочет сказать говорящий”**(15).

Это, конечно, более узкое понимание иронии, если сравнить его с тем, что было только что сказано выше, но оно шире, если сводить иронию только к энантиосемии или антифразису.

Некоторые же определения Р. Фаулера звучат достаточно “научно” и лаконично, но трудны для перевода. Например:

“Irony is thus an art of indirection and juxtaposition”. (Dictionary of Modern Critical Terms ed. by R. Fowler). Можно лишь предположить, что под “indirection” Р. Фаулер понимает “увод” слушающего (или читающего) от прямого значения слов, т.е. собеседник оказывается в определенной мере “misguided”, а словом “juxtaposition” он хочет привлечь внимание к сопоставлению несопоставимого.

Н. Фрай и некоторые другие авторы считают необходимым обратить внимание на иронию как движущую силу сценического действия: **“Бесчисленное количество оттенков иронии предоставляется возможным поделить на 1. словесные, 2. драматические и 3. Ситуативно обусловленные** (по-видимому имеются в виду иронические коллизии в обычной жизни).

Определение А. Р. Томсона, на наш взгляд, совершенно справедливо привлекает внимание к наличию особого чувства: **“Иронию можно рассматривать или как особое сочетание явлений окружающего мира, или как особое чувство, которое возникает у нас при виде соответствующего сочетания в окружающем мире. Ироническое противоречие обладает особым свойством вызвать в душе человека специфическую эмоциональную реакцию.”** У Томсона “драматическая ирония” рассматривается как ирония происходящих событий, что, конечно, выводит это определение за рамки сцены. При перечислении возможных видов иронии Томсон добавляет **иронический характер персонажа** независимо от того является ли персонаж действующим лицом в художественном произведении или на сцене.

Любопытно отметить, что при определении словесной иронии, словари, как правило, выходят за рамки энантиосемии.

Так, например, Еланд, Джоунз и Истон определяют словесную иронию как **“фигуру речи, с помощью которой человек говорит одно, а подразумевает другое** (заметим, другое — это не противоположное). Бэксон и Ганг рассматривают иронию как стилистическую фигуру **“с помощью которой писатель выражает противоречащее очевидному, обычному”**. “Противоречащее” вовсе не означает “противоположное”.

Барнет, Берман и Бурто пишут о присутствии в словесной иронии **“контраста между тем, что утверждается и насмешливо предполагается”**. Речь опять-таки не идет о противоположном значении, хотя, конечно, встречаются и такого рода определения как, например, у Шоу:

“Фигура речи, при которой буквальное значение слова или высказывания прямо противоположно тому, которое хотят выразить”. Другими словами, такое определение ничем не отличается от ранее приведенного определения эпитимии.

Итак, хотя противоложное значение и составляет основу иронии, как можно судить исходя из многих примеров, этим проблема определения иронии не исчерпывается. Все авторы, однако, говорят о наличии противоречия между смыслом буквальным и подразумеваемым. Чрезвычайно важно замечание о наличии специфической эмоциональной реакции, т.е. **насмешки**. Важно и замечание о том, что ирония находится на грани искусства — это положение также явно нуждается в расшифровке. Весьма существенным является и замечание относительно выражения иронии с помощью других стилистических фигур, на чем нам хотелось бы остановиться более подробно несколько ниже.

Как видим, формы иронии могут быть различны и, как отмечал Д.С. Муэке в книге “Путеводитель по иронии”, ироническими могут быть события, описываемые в том или ином произведении, ирония может характеризовать как самого говорящего (или пишущего), она может быть направлена против слушателя (или читателя). Неудивительно, что автор “Путеводителя по иронии” начинает свою книгу следующими словами: “Попытки ухватить иронию напоминают попытки собрать туман как можно больше, но как это сделать?” Если верить Д.С. Муэке, то такие писатели как Софокл и Чосер, Шекспир и Кафка, Свифт и Томас Манн — типичные иронисты. Если для Сократа ирония является принципом умственной деятельности, а для Квинтилиана это в основном риторическая фигура, то для Карла Зольгера ирония это вообще принцип любого искусства.

О том, что под иронией понимаются различные явления, говорит хотя бы тот факт, что ирония может быть трагичной, комичной, философской, драматической, риторической, космической. Часто говорят об иронии ситуации, иронии судьбы, иронического персонажа и т.д. и т. п. Можно говорить об иронии характерной для того или иного писателя, того или иного периода литературы и т.п. Таким образом, говоря об иронии, имеют в виду то отношение к чему-либо, то качество объекта, то средства, с помощью которых дается описание, то конечную цель произведения.

Совершенно ясно, что все перечисленные факторы являются в конечном итоге компонентами речевой ситуации: это и говорящий (или пишущий), и слушатель (читатель), это и предмет содержания разговора, его форма и его целевая установка, т.е. все те компоненты, которые непременно должны приниматься во внимание исследователем, если он

хочет получить достаточно объективную картину того или иного речевого явления.

Каковы бы ни были трудности определения иронии, представляется возможным и необходимым сопоставить иронию с другими стилистическими приёмами, где также присутствует противоречие между сказанным (обычным, общепринятым) смыслом и тем, что реально имеется в виду. Если до сих пор мы говорили о подразумеваемом обратном смысле (в случае иронии) то противоречие между сказанным и подразумеваемым может носить и другой характер.

Возьмем, к примеру, метафору или сравнение. В этом случае читатель также должен реконструировать в уме некоторые положения, которые не выражены словесно, но которые как бы сами собой предполагаются. Общеизвестное высказывание Шекспира: “Весь мир театр, и люди в нем актеры” вовсе не означает, что Шекспир действительно приравнивает конкретные сценические действия ко всем происходящим в мире событиям, что он как бы ставит знак равенства между окружающим нас миром и сценой. Совершенно понятно, что театральное действие является лишь частью всего происходящего в мире. Однако, по мысли Шекспира, поведение людей напоминает поведение актеров и, собственно говоря, строгой грани между метафорой и сравнением (“Весь мир напоминает театр”, “мир как театр”) провести невозможно.

То, что мы не должны понимать Шекспира буквально, явствует, в частности, из продолжения этого известного монолога Жака из пьесы “Как вам это понравится”:

All the world is a stage,
And all the men and women merely players:
They have their exits and their entrances;
And one man in his time plays many parts,
His acts being seven ages. At first the infant,
Mewling and puking in the nurse's arms.
And the whining school-boy, with his satchel,
And shining morning face, creeping like snail
Unwillingly to school. And then the lover,
Sighing like furnace, with a woeful ballad
Made to his mistress' eyebrow. Then a soldier,
Full of strange oaths, and bearded like the pard,
Jealous in honour, sudden and quick in quarrel,
Seeking the bubble reputation
Even in canon's mouth. And then the justice,
In fair round belly with good capon lin'd
With eyes severe, and beard of formal cut,
Full of wise saws and modern instances;

And so he plays his part. The sixth age shifts
Into the lean and slipper'd pantaloon
With spectacles on nose and pouch on side
His youthful hose well saved a world too wide
For his shrunk shank; and his big manly voice,
Turning again toward childish treble, pipes
And whistles in his sound. Last scene of all,
That ends his strange eventful history,
Is second childishness and mere oblivion
Sans teeth, sans eyes, sans taste, sans everything

Шекспир в немногих словах описывает все главные периоды жизни человека, улавливая как бы сходство этих периодов с теми или иными ампула в театре. Любопытно, что Муэке, приводящий этот пример, считает, что данная метафора лишена иронического смысла и является, так сказать, квинтэссенцией когнитивного подхода к лучшему познанию окружающего нас мира.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что и содержание монолога, и предлагаемые многими актерами его звуковые интерпретации (имеющиеся в нашем распоряжении) наводят нас на противоположную мысль: что автор не согласен с персонажем, и, следовательно, сказанное нельзя принимать за чистую монету.

Что же касается различного рода каламбуров, то они могут или выражать иронию, или не выражать её в зависимости от ситуации.

В книге Сэджвика мы находим примеры классических аллегорий, которые были одновременно и примерами иронии.

Пример такой аллегии уже приводился нами в определении иронии О.С. Ахмановой: “Каков Самсон!” Подлинный смысл этого высказывания закрыт для тех, кто не знает истории о Самсоне и Далиле.

Строго говоря, прием meiosis (understatement) не обязательно должен быть связан с выражением иронии, хотя такие авторы как Х. Л. Елонд и Н. Грай фактически приравнивают этот прием или фигуру речи к иронии. В книге, посвященной литературным терминам Х.Л. Елонд прямо говорит, что “understatement это повседневная форма выражения иронии.” В книге же Н. Фрая “Введение в литературоведение” “understatement” определяется следующим образом: “Ироническое преуменьшение факта с целью его подчеркивания”. И действительно, если взять такой пример как “He has a shilling or two”, то здесь делается достаточно прозрачный намек на то, что человек достаточно богат и все зависит от отношения говорящего к данному человеку, от используемой им интонации. Если кто-то прибедняется, то приведенное выражение может получить разоблачительный смысл, и в этом случае данный прием действительно можно считать выражением иронии со стороны гово-

рящего. Но если мы возьмем известный пример из книги Микиша “How to be an Alien” о форме признания в любви характерной для английских юношей: “I don’t mind you, you know” вместо привычного “I love you”, то вряд ли в этом случае стоит говорить о наличии иронии. Таким образом, преуменьшение (understatement) может иметь своей целью как выражение иронии, так и какие-то другие цели.

При определении гиперболы о такой тесной связи с иронией, какая была только что продемонстрирована в отношении “understatement”, авторы говорить обычно избегают. Приведем в этой связи пример из Шекспира.

“Here’s the smell of the blood
still: all the perfumes of Arabia
will not sweeten this little hand”.

(W. Shakespeare. Macbeth).

Вряд ли в данной ситуации можно говорить о наличии иронии. Вместе с тем несомненным является и то, что в отдельных случаях гипербола создаётся именно с целью насмешки. Так например, в нижеследующем отрывке из книги Ч. Диккенса “Домби и Сын” автор явно подсмеивается над непомерными притязаниями Домби:

“The Earth was made for Dombey and Son to trade in, and the sun and moon were made to give them light. Rivers and seas were formed to float their ships, rainbows gave them promise of fair weather; winds blew for or against their enterprises; stars and planets circled in their orbits, to preserve inviolate a system of which they were the centre”.

Довольно часто с иронией связываются эвфемизмы. Многие случаи эвфемизмов стали своего рода клише в современном английском языке и никоим образом не связаны с выражением иронии. Но если мы, например, встречаем у Диккенса (какой книге?) “He has the sun very strong in his eyes”, то данная фраза, конечно же, является намеком на алкогольное опьянение.

В своей книге “Звуковые парадоксы” М. В. Давыдов подробно останавливается именно на том аспекте иронических высказываний, который до самого последнего времени был изучен в наименьшей степени, т.е. — интонации, хотя ее значительная роль признавалась многими и в некоторых случаях делались довольно интересные наблюдения.

Рассмотрев значительное количество примеров иронии, М. В. Давыдов приходит к выводу о том, что можно было бы установить следующие виды соотношения между словесными высказываниями и интонацией:

1. Значение интонации противоречит значению слов, но называть интонацию иронической было бы неверно.

Так например, “Sir Peter: /Yes, a good de/fence, /truly. (R. Sheridan. The School for Scandal).

Фраза сэра Питера состоит из трёх синтагм, которые все произносятся с восходящими контурами. Диапазон высказывания в целом высокий, громкость же оказывается заметно ниже обычной (нейтральной). Для всей фразы характерен замедленный темп. Качество голоса нейтральное, но в отдельных случаях слышится ноющий тембр. Таким образом, определяя значение интонации в целом, можно было бы сказать, что это интонация печального раздумья, но тогда, естественно, возникает вопрос, почему используется такая интонация, если словесное содержание всей фразы следует рассматривать как позитивную (мелиоративную) оценку (одобрение). Именно противоречие такого рода между интонацией и словами наводит нас на мысль, что высказывание сэра Питера выражает иронию.

Следует подчеркнуть, однако, что подобное расхождение между содержанием интонации и содержанием словесного высказывания ни в коем случае нельзя считать непременным признаком энантиосемии или иронии.

2. Содержание интонации таково, что оно, по сути дела, отрицает содержание словесного высказывания или отдельного слова. Эта интонация-намеки и насмешливо-презрительная интонация. Эти интонации встречаются настолько часто в иронических высказываниях, что позволяет рассматривать их как функционально-иронические: их функция сводится к отрицанию словесного высказывания. В книге “Звуковые парадоксы” дается целый ряд соответствующих высказываний, но мы ограничимся только двумя примерами. Так например, в книге “Собственник” Джона Голсуорси встречается следующая ситуация:

“Bosinney came up looking exhausted, like a man after hard physical exercise; the sweat stood in drops on his brow, and Soames’ smile seemed to say: “You’ve had a trying time, my friend!... “? He asked “We thought you despised such frivolity!” What are you doing in the Park? (The Man of Property. Part II, ch. XI, Bosinney on Parole).

Оба подчеркнутые предложения произносятся с иронической интонацией намека: узкое ротовое отверстие, темп замедлен, сильно выражена назальность, громкость в обоих случаях понижена, но, естественно, во внутренней речи она будет понижена больше по сравнению с последующей прямой речью Сомса. В первом предложении реальное подразумеваемое содержание может выражать все, что угодно, но не сочувствие Босинни. Вопрос же, который затем следует, вовсе не является простым вопросом, на который Сомс хотел бы получить ответ. Он прекрасно знает откуда возвращается Босинни и единственной его це-

лью является смутить последнего, дать понять ему, что цель его прогулок вовсе не является секретом для Сомса. Таким образом, вопрос Сомса фактически является утверждением, что Сомс прекрасно осведомлен об амурных похождениях Босинни. Можно, следовательно, было бы говорить об энантисемии типа предложения.

Ироническая презрительная интонация с явно выраженным энантисемическим намерением звучит в следующем примере:

“Fleur smiled. “Ah! Yes Nora Curfew! She lives for everybody but herself, doesn’t she? “She does”, said Michael, rather sharply. (The Silver Spoon. Part II, ch. X Photography)

Флёр ревниво относится к тому, что Майкл уважает Нору. И снова мы сталкиваемся с таким случаем, когда словесно выраженный вопрос на самом деле таковым не является: Флер, конечно же не верит самоотверженности Норы и поэтому обычный вопрос в этом случае был бы беспредметен. Задавая вопрос Майклу, она лишь тем самым поддразнивает его (ситуация поддразнивания имеет много общего с иронией, поскольку и в том и в другом случае говорящий подсмеивается над своим собеседником, впрочем этот вопрос нигде серьёзно не обсуждался). Характерными интонационными признаками, указывающими на реальное отношение Флер к Норе являются во-первых, статичность или манерность её улыбки, появление хриплости в голосе (creek) и наличие целого ряда глоттальных смычных.

Во всяком случае, Майкл прекрасно улавливает язвительность тона Флер, о чём свидетельствует ремарка автора “довольно резко”.

3. Содержание просодии как бы раздваивается, в то время как одни признаки просодии передают явно позитивный, положительный смысл, другие признаки вступают в противоречие с ними, свидетельствуя о деланности, фальшивости выражаемого чувства. Интонация, таким образом, становится сама энантисемической и, следовательно, можно было бы говорить, что мы имеем дело в данном случае с просодическим парадоксом или голосовой полифонией.

“Do you suppose yourself top dog in this house?” — “Yes, Soames!” — “Oh! Then you can go back to Frame tomorrow.” Annete’s eyebrows rose quizzically.

“I would wait a little longer, my friend; you are still too young.” (The White Monkey. Part II, ch. I The Mark Falls)

Довольно прозрачный намек: “Ты все еще слишком молод” расшифровывается довольно просто, Аннет не собирается покидать Сомса, пока он не умрет и не оставит ей своё состояние, но до этих слов выска-

зывание Аннет может показаться даже **дружественным** (хотя и в достаточной мере неопределенным). В исполнении актера такие признаки как пониженная громкость, медленно нисходящая шкала с сглаженными падениями на словах “longer” и “friend” и сам факт присутствия улыбки, казалось бы, поддерживает вежливость, выраженную словесно, но улыбка является статичной (и здесь, естественно, приходит на память выражение “показать зубы”) и, по-видимому, какие-то другие лукавые жесты противоречат буквальной интерпретации вежливости высказывания, скорее можно было бы говорить о елейном или псевдолирическом тоне высказывания.

Приведем еще один пример, на этот раз псевдоэлегического тембра:

“Indeed! Said Mac Gown. “Wait till he launches this precious Foggartism they talk of dreary rot! I’ll eat him!” — “Poor little Michael!” (The Silver Spoon. Part I, ch XIII. Inception of the Case).

Восклицание “ Poor little Michael ” произносится, конечно же, с иронической интонацией: это вовсе не выражение жалости по поводу Майкла, но ирония, адресованная Мак-Гауну, которого героиня постоянно высмеивает: в этом случае о фальшивости использования интонации свидетельствует не только чрезмерно выраженный ноющий тембр, но и лабиализация и скопление глотальных смычных. Если ноющий тембр на пониженной громкости ещё мог бы быть интерпретирован как выражение подлинного сожаления (др. словами элегического тембра, то отмеченные выше признаки противоречат этому: если кого-либо и придется жалеть, то это Мак-Гауна, а вовсе не Майкла, который физически гораздо сильнее Мак-Гауна.

4. Нельзя не упомянуть и о таких случаях иронии, когда используемую интонацию трудно отличить от вполне искренней. Этот случай некоторые исследователи определяют как использование минусового тембра, например:

“Ah!” said Bosinney sarcastically. “Your wife! She doesn’t like the cold? I’ll see to that; she *shant* be cold”. (The Man of Property. Part I, ch.VIII. Plans of the House.)

То, что говорит Босинни вовсе не является его действительным желанием объяснить Сомсу, что его жене не угрожает холод. На самом деле он высмеивает Сомса, но делает это очень осторожно. В его интонации нет ничего явно ироничного, он как бы действует по принципу: “попробуй поймай!” С этой точки зрения слово “sarcastically” предназначено для читателя, с тем, чтобы тот мог правильно интерпретировать ситуацию.

Вполне вероятно, что Босинни как бы перебарщивает с выражением своего беспокойства, т.е. выражение удивления происходит в слишком высоком диапазоне, а успокаивающие фразы Босинни звучат чуть ли не трагически (т.е. наблюдается явный преувеличение лабиализации, глоттализации и придыхательности).

Еще один пример, где даже очень внимательный слушатель не смог бы заподозрить говорящего в иронии без знания контекста ситуации:

“George Forsyte’s lofty bulk had halted before them. “Hallo, Soames!” he said: “Just met Profond and your wife. You’ll catch’em if you put on pace. Did you ever go to see old Timothy?” (To Let. Part II, Ch. XI. Timothy Prophesies).

Джордж знает о связи жены Сомса и архитектора, но он не собирается открыто играть на двойном значении слова “catch” (‘catch them at it’ or ‘catch them out’ ~ “застать на месте преступления”). Он говорит быстро, интонация вполне нейтральная или даже безразличная, более того, он резко меняет тему разговора, поскольку намёк сделан и это его забавляет. Он не собирается выяснять отношения с Сомсом, вся прелесть игры данного слова заключается для него в том, что он делает этот намек как бы совершенно случайно.

Из того, что было сказано выше уже становится ясным, что понятие энантиосемии, т.е. выражение противоположного значения может характеризовать не только слово, но и целое высказывание типа предложения и даже интонацию. Последний факт настолько **нетривиален**, что он потребовал специального рассмотрения полифонии интонации.

В добавление к тому, что уже было сказано выше, необходимо теперь остановиться на том, что противоречие между интонацией и словесным высказыванием не всегда приводит нас к энантиосемии. Так например, возможно лишь **ослабленное** содержание словесного высказывания, если произнести, например, фразу: “**Quite a pleasure!**” с высоким нисходящим тоном и нейтральным тембром, то даже улыбка совершенно не обязательна, чтобы данное высказывание было воспринято как выражение подлинной радости или готовности что-либо сделать. Однако же, если данную фразу произнести с низким восходящим тоном, не изменяя нейтрального тембра, то выражение радости приобретает спокойный, нейтральный, а иногда и безразличный характер. В этом случае мы будем иметь дело с чисто формальной вежливостью.

Намерение говорящего не меняется на противоположное. Однако, если ту же фразу произнести с презрительной интонацией, то в этом случае мы вновь будем иметь пример энантиосемии, или иронии. Таким образом между полярными случаями, т.е. совпадением смысла интона-

ции и смысла высказывания, с одной стороны и их несовместимостью, противоположностью, с другой, повидимому, можно обнаружить целый ряд переходных случаев.

Примечания

1. *Давыдов М. В.* Звуковые парадоксы английского языка и их функциональная специфика. М., 1984.
2. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М. 1966. С.185.
3. *Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка. С.86.
4. *Galperin I.R.* Stylistics. М., 1977. С.146 -147.
5. *Давыдов М.В.* Там же.С.21
6. *Шерцль В.* О словах с противоположными значениями или о так называемой энантиосемии. Филологические записки. Вып.5-6, Воронеж, 1883. С.1
7. *Булаховский Л.А.* Введение в языкознание. М.,1954. С.75
8. *Климова Л.И.* Антонимичные значения полисемантических слов в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук, Л., 1975.
9. *Ахманова О.С.* Словарь омонимов русского языка. М., 1976
10. Примеры были заимствованы из: *Давыдов М.В., Смоленская С.С.* Значение слова в языке и речи. М., 1985 .
11. *Давыдов М.В., Смоленская С.С.* Парадоксы содержания-намерения иронических высказываний // Теория и практика изучения современного английского языка. М., 1985.
12. *Sedgewick Arthur.* On Some Forms of Irony. Cornhill, 1907.
13. *Muecke D. C.* The Compass of Irony. London, 1969.
14. *Fowler H. W.* The King's English .Oxford University Press, 1930.

Лексическое представление прошлого — настоящего — будущего в рамках модели «предшествование — непередшествование» в древнеанглийском языке

© кандидат филологических наук О. Г. Чупрына, 2000

Содержание таких древнеанглийских лексических единиц, как (on) geardagum, (on) fyrndagum, fruma, feorƿ по существу было отражением общего восприятия времени как вместилища событий¹. Смысл прошлого, заложенный в нем, оказывался сцепленным в языковом сознании с узнаваемыми глобальными событиями. Концепт этих слов раскрывался в устойчивых языковых ассоциациях и был тем шире, чем разностороннее оказывались данные ассоциации. Прошлое не было абстрагировано от событий, которые память языкового коллектива представляла как реально произошедшие. События были суть прошлое, поэтому существовали явные контекстные ограничения употребления вышеприведенных слов, диктуемые характером восприятия и языкового описания этих событий.

Наряду с подобным языковым оформлением представлений о прошлом в древнеанглийском существовал иной способ языковой категоризации приобретенного опыта времени, соотносившийся с моделью "предшествование — непередшествование" или реляционной моделью, согласно которой время воспринималось как соположение действий и событий относительно друг друга или какого-то одного события. Еще до того, как в сознании англосаксов сформировалось абстрактное представление о времени как фоне, на котором протекают события, и воплотилось в соответствующую единицу языка, пришло понимание того, что действия и события могут располагаться во времени так же или почти так же, как объекты в пространстве. То есть *перед* чем-то, *за* чем-то и т.д. Само это представление было достаточно высокой степени абстракции, поскольку не касалось ни характера, ни степени значимости событий, ни оценки их со стороны социума. Как следствие, слова, выявлявшие в языке модель "предшествование — непередшествование", были концептуально ненагружены, их содержание сводилось к узкому темпоральному значению "раньше; до" — "позже; затем", и существовали они в языке вне зависимости от какой-либо культурно-языковой парадигмы. Концептуально нагруженные и концептуально свободные единицы языка отображали разные формы мировосприятия и являли собой разные способы языковой категоризации разностороннего опыта време-

¹ См. Чупрына О. Г. Temporum opinio в древнем языке и сознании // ВЯ, 1999, № 5.

ни. Абсолютно необходимым условием их употребления в речи было эксплицитное или имплицитное обозначение точки относительного отсчета. Функция этих слов была не только синтаксической — установление обстоятельственных отношений. В пределах текста или отдельного замкнутого по смыслу и сюжетному развитию его отрезка подобные слова были призваны расположить действия относительно друг друга в ретро- или проспективе.

Оппозиция "раньше — позже" исходно была представлена в древнеанглийском основной парой наречий **ær**² "раньше" (готск. *aír*, др.-в.-нем. *er*, др.-исл. *ar*) — **sifþan** "позже" < *sið þam* (готск. *seifus*, äð.-â.-îâi. *sit* "поздний", др.сканд *sið* "поздно") с исходным временным значением. Наречие *ær* помещало действие в прошлое и указывало на то, что оно предшествовало другому действию или состоянию либо в прошлом, либо в настоящем. Событие, условно принимаемое за точку сравнения, требовало развернутого своего представления в тексте, причем его описание, как правило, следовало до описания предшествовавшего ему события. Так, в "Беовульфе" о появлении младенца у датского берега говорится до того, как сообщается о несчастьях, которые даны терпели во времена безвластья.

"Ðam eafra wæs æfter cenned || geog in geardum, þone god sende || folce to frofre: fyrendearfe ongeat, || þæt hie ær drugon aldor(le)as[t]e|| lange hwile (12-16) — в недолгом времени / сын престола, / наследник родился, / посланный Богом / людям на радость / и в утешение, / ибо Он видел / их гибель и скорби / в век безначалия." (Пер. В. Тихомирова).

В "Церковной истории" произошла полная замена *fyrn*-производных производными от *ær* или словосочетаниями с ним. Противники, получающие свою силу от сатаны, обозначены "*ærgan gewinnan*" (84), о тех, кто виновен в первогрехе в раю, сказано "*ærestan men*" (74), языческая вера обозначена как "*ærgan unclænness*" (110), букв. "старинная греховность", вместо *fyrndagum* встречаем "*þam ærgan tidum*" (72).

Уместно заметить, что производные от сравнительной степени **er* (герм. полож. ст. **airi*, готск. *airis* "рано, ранний") засвидетельствованы только в западногерманских языках (др.-в.-нем. *erigo* "прежний, первый", *eristboran* "перворожденный, рожденный в начале"), что говорит об их более позднем, по сравнению с **fyrn*-производными, появлении. Возможно, в силу их относительной новизны слова этого ряда не обладали признаком этической оценки, и их содержание определялось только временным признаком "предшествования — неПредшествования".

² В работе не используются диакритические знаки долготы-краткости.

Наречие **forð** также принадлежало к тем средствам, которые устанавливали отношения непредшествования. Особенность семантики этого слова заключалась в том, что с его помощью устанавливалось отношение непредшествования между настоящим и будущим.

Отношение предшествования между прошлым и настоящим устанавливалось, как правило, в прямой речи. Настоящее обозначалось либо при помощи наречия *nu* "сейчас, теперь", либо подразумевалось как вся речевая ситуация, передаваемая в прямой речи. Отношение непредшествования действий в прошлом устанавливалось при помощи наречия **sifþan**, при этом событие — точка сопоставления — также получало развернутое обозначение. За нашествием Гренделя на Хеорот следует новое состояние: "heold hune **syðþan** ||fyr ond fæstor, se þæ. feonde æt-wand (142-143) — с тех пор (позже) держались его (Хеорота) дальше и в более безопасном месте, этого дьявола обходили".

При описании прошлого события ретро- и проспективные временные отношения могли быть установлены с помощью наречной конструкции "æg ... sifþan", которая употреблялась преимущественно с отрицанием. Например, в "Беовульфе": "Ne wæs þæt forma siþ, || þæt he Hroþgares ham gesohte || næfre he on aldordagum ær || **ne sifþan** || heardran hæle[scipes] healdegnas fand (16-719) — не в первый раз наведывался он в дом Хродгара. Никогда раньше в своей жизни, ни позже не находил он героя более сильного мужеством".

Наречие **forð** также принадлежало к тем средствам, которые устанавливали отношения непредшествования. Особенность семантики этого слова заключалась в том, что с его помощью устанавливалось отношение непредшествования между настоящим и будущим.

В переводе "Церковной истории англосаксов" языковое оформление представлений о времени, включая представления о прошлом, настоящем и будущем, зависело от нескольких факторов. При работе с латинским текстом "Церковной истории" переводчику пришлось столкнуться с абстрактным представлением о времени и соответствующим словом латинского языка, вобравшем его в своей семантике. Отсюда — поиски наиболее приемлемого для данной ситуации слова или словосочетания в родном языке. Лексические единицы, обозначающие прошлое — *geardagum*, *fyrndagum*, были малоприспособны для перевода, поскольку каждая из них соотносилась с дифференцированным понятием времени. Необходима была мотивированная единица, не связанная с субстанциональными представлениями о прошлом и обладавшая "живой" внутренней формой. Приемлемыми обозначениями прошлого, настоящего и будущего оказались такие, которые опирались на приобретенное в опыте понимание времени как соположения действий, поступков и событий относительно друг друга. Были использованы наречия, указывавшие на

направление или положение в пространстве — fore, forð, ānd, æfter, to и причастия и отглагольные существительные от глаголов движения, а также суффикс прилагательного — weard "повернутый (к), расположенный".

Отсюда такие обозначения прошлого и будущего в "Церковной истории", как (þe) foregange < fore "перед, впереди" + gange "ход, уход" и (þe) æfterfylige (fylgian "следовать") : "Hwæt þær foregange oððe hwæt þær æfterfylige, we ne sunnun (136) — ни что в прошлом, ни что потом (в будущем), мы не знаем".

Внутренняя форма обозначений прошлого, настоящего и будущего в "Церковной истории" предопределена восприятием времени по аналогии с движением или нахождением в пространстве, но их важнейшая понятийная особенность состояла в том, что их семантическая мотивированность основывалась на признаке "человеческого присутствия". Положение в пространстве или определенное направление движения в нем рассматривалось относительно человека, его взгляда или лица. Поэтому значение языкового комплекса, сообщавшего о настоящем, складывалось из значения префикса ānd, выражавшего смысл соположения, и суффикса прилагательного -weard "развернутый, повернутый к" — andweardan (прилаг.) (tid) (Bd 4,108; Alfr 37, 49), āndwardnysse (существ.) (Bd 26; Alfr 31). Иными словами, настоящее воспринималось как развернутое перед лицом человека (ср. готск. andwairþi (wairþan "становиться") "присутствие" и "лицо"). Будущее понимали как разворачивающееся к человеку или направленное на него — (þe) toward(an) (Bd 130; Alfr 19). Вполне может быть, что латино-христианской парадигме отбор языковых средств с — weard для передачи смысла настоящего и будущего осуществился в результате вычленения соответствующих прилагательных из оппозиции устойчивых сочетаний, относившихся к сфере христианских воззрений на земную жизнь и жизнь после смерти: "þis andwearde lif manna" (Bd 134) "нынешняя (земная) жизнь людей", "Se ðe on andwerdum life (Alfr 45) "в земной жизни" — towardan lif (Bd 130), towardan worulde (Bl.Hml 15) "предстоящая жизнь", "будущий мир".

О специфике аллюзивных заглавий литературных произведений

© кандидат филологических наук Т. Ю. Кизилова, 2000

Вопрос об аллюзивных цитатах, функционирующих в качестве заглавий литературно-художественных произведений, представляет особый интерес, потому что цитата в этом случае не только несет сильную эмоциональную нагрузку, ей принадлежит ведущая композиционная роль. Сохраняя обособленность, позиционную выделенность заглавия, цитата становится стержнем всего произведения.

Оставляя за собой роль ключевого, тематического слова, заголовков сопрягает воедино все элементы содержания и формы произведения в единстве его полифонического звучания. Полифония цитатных заглавий, кроме того, основывается на «диалогических» отношениях данного текста с источником: сопрягаются не просто разные языковые элементы, но и разные мировоззрения.

Многомерность аллюзивных заглавий имеет двойственную природу: она основывается как на внутритекстовых связях языковых элементов, так и на интратекстовых отношениях (взаимодействие «своего» и «чужого» слова).

Как уже было отмечено, заглавие должно представлять художественный вывод, содержание-намерение произведения в компактной, лаконичной форме. Поэтому вполне естественно ожидать, что «знаком» текста (в случае опоры его создателя на «чужое слово») будет лишь фрагмент цитаты (усеченная цитата).

Нам представляется, что при анализе заглавий цитатного типа параметр точности цитирования должен быть конкретизирован уточнением того, как 'преломляется' в новом тексте процитированная часть источника. Такое сопоставление может оказаться весьма продуктивным при выявлении того, что объединяет и что разъединяет рассматриваемые произведения, и, следовательно, способствует более глубокому проникновению в сущность аллюзивного процесса. При этом цитата может находиться в самых различных отношениях с контекстом принимающего произведения. В одном случае мы встретимся с пародийной установкой, в другом — с сатирической, в третьем — с сознательной ориентацией на определенную художественную систему. Но всегда художественный эффект использования цитаты связан с определенным отношением к процитированному.

Исходя из сказанного, рассмотрим заглавие романа «The Painted Veil» Сомерсета Моэма.

Адекватно понять авторскую интенцию в романе «The Painted Veil» («Разрисованный занавес») помогает и предпосланный эпиграф из сонета П.Б. Шелли: «...The painted veil which those who live call life». Именно строки сонета лингвистически эксплицируют суть метафорических отношений, возникающих между заглавием и текстом. Но, сходясь с Шелли в восприятии жизни как разрисованного занавеса, С. Моэм создает свою «вариацию» на чужую тему, изначально оглашенную заглавием. Говоря словами В.В. Виноградова, автор проецирует заглавие и композицию своего романа на экран другого литературного стиля, полемизируя с ним. Поэтому отношения содержания «The Painted Veil» с другой культурной традицией можно определить как диалогические. Цитата, вынесенная в эпиграф и заглавие, приобретает двойственный характер: включаясь в текст, она одновременно отталкивается от него. Это отталкивание намечается уже в способе введения «чужого слова» в авторский текст. Отказ от повелительной формы глагола (lift not...) и замена ее многоточием оставляет возможность для многозначной интерпретации авторской позиции, признающей лишь иллюзорность человеческих надежд и тревог.

В связи с рассмотрением взаимоотношений «заглавие-эпиграф - текст», целесообразным представляется рассмотрение того, как «преломляется» в принимающем тексте непроцитированная часть источника. При обращении к сонету Шелли нетрудно обнаружить, что он строится по принципу развернутой метафоры, уподоблению жизни с ее тревогами и надеждами разрисованному занавесу:

Lift not the painted veil which those who live
 Call Life: though unreal shapes be pictured there,
 And it but mimic all we would believe
 With colours idly spread, behind lurk Fear
 And Hope twin Destinies; who ever weave
 Their shadows, o'er the chasm, sightless and drear.

Опорным образом сонета становится образ разрисованного занавеса (the painted veil), его 'поддерживают' метафорические словосочетания 'unreal shapes', 'colours idly spread', 'weave shadows'; олицетворения 'lurk Fear and Hope'.

Преходящий характер житейской суеты и амбиций является ведущей темой романа и связан, прежде всего, с миссис Гарстин, матерью Китти Фейн. Слова 'dreams', 'hopes', 'ambition' становятся ключевыми при описании этого персонажа.

«But it was on her daughters that she set her hopes. By arranging good marriages for them she expected to make up for all the disappointment of her career. There were two, Kitty and Doris.»

В тексте романа можно найти и другой «осколок» образной системы сонета, его своеобразный прозаический вариант. Метафора «who ever weave their shadows» (of the painted veils) конкретизируется в романе довольно ядовитыми замечаниями о том, ценой каких усилий миссис Гарстин осуществляет свою мечту продвинуться в обществе:

On her side she set herself to cultivate the people who might be useful. She flattered the solicitors who would send her husband briefs and was familiar with their wives. She was obsequious to the judges and their ladies. She made much of promising politicians[...] She had schemed and intrigued all her life and never had she desired anything but what was base and unworthy.

Последний отрывок позволяет довершить некоторую параллель между поэтическими образами сонета и лексическими средствами описания миссис Гарстин:

роман	сонет
lurk Hope	ambition intrigues
dreams	efforts petty aims
to weave shadow	to scheme to intrigue

Отметим, что ни словосочетание «the painted veil», ни опорное слово «veil», в иноказательных целях заимствованное для заглавия, не воспроизводятся в тексте С. Моэма. Однако, в романе встречаются случаи употребления существительного «curtain», семантически близкого слову «veil».

В одном из них интересующая нас лексическая единица реализует свое прямое, номинативное значение, указывая на деталь окружающего героев предметного быта (занавес паланкина, скрываясь за который, Китти давала волю слезам):

«At night in the inns... she dug her teeth in the pillow so that no sound might escape her. But in the day-time, protected by the curtains of her chair, she allowed herself to give way.»

Второй случай употребления слова «curtain» интересен тем, что лексически соотносимая с заглавием лексическая единица выделяет важный сюжетно-композиционный момент повествования: эпидемия холеры, уносящая сотни людских жизней, бескорыстная самоотверженность монахинь помогли Китти сорвать завесу иллюзий и предрассудков, низведя до незначительного все человеческие страсти и суету.

«It seemed to her that, perhaps unconsciously, he had adopted the Chinese view that the Europeans were barbarian and their life a folly: in China alone was it so led that a sensible man might discern in it a sort of reality. Here was food for reflexion: Kitty had never heard the Chinese spoken of as anything but decadent, dirty and unspeakable. It was as though the corner of a curtain were lifted for a moment, and she caught a glimpse of a world rich with a colour and significance she had not dreamt of.»

Во втором контексте слово «curtain» реализует переносное значение, употребляясь в составе деформированной идиомы «to lift the curtain over smth», приподнять завесу над чем-то. Одновременно здесь можно видеть продолжение диалога с Шелли (lift not the painted veil). Происходит своеобразная ‘коррекция’ исходного образа (замена слова ‘veil’ на ‘curtain’), имплицитно возникает сравнение жизни с театром. Цитата входит в текст формально измененной: происходит замена опорного слова-образа и отказ от отрицательной формы глагола (lift not the painted veil — the corner of a curtain were lifted for a moment). Полемизируя с Шелли, С. Моэм не только отбрасывает отрицательный императив (lift not) и заставляет центрального персонажа приподнять занавес (were lifted for a moment). В романе происходит имплицитное обыгрывание религиозных ассоциаций исходного образа ‘veil’: на некоторое время автор заставляет героиню присоединиться к монахиням и найти успокоение от мелких страстей в спасении умирающих людей, т.е. «to take the veil» (принять монашество). Можно утверждать, что в противовес сонету (lift not the painted veil) в романе С. Моэма звучит призыв «take the veil».

Обобщая сказанное, хотелось бы отметить, что анализ аллюзивного заглавия целесообразно проводить, основываясь на следующих операциях:

1. установление источника аллюзии (цитаты);
2. нахождение соответствий между текстом-источником и принимающим текстом;
3. взаимодействие различных значений и употреблений аллюзивного заглавия по мере его развертывания в тексте;
4. постепенная наполняемость заглавия обобщенным смыслом, требующим учета вертикального контекста произведения.

Ещё раз о норме (норма звучащей речи английского языка в контексте международного общения)

© Н. И. Гусева, 2000

1. ВВЕДЕНИЕ. Данная работа посвящена изучению нормы английского произношения в связи с преподаванием английского языка как иностранного в российской средней и высшей школе.

Актуальность рассматриваемой проблемы заключается в том, что в современном мире английский язык функционирует уже не как средство общения между носителями языка и теми, для кого он не является родным, а как своего рода *лингва франка*, то есть язык общения между теми людьми, для которых английский язык не является родным, когда они не имеют в своем распоряжении общего родного языка. Тем не менее, методика преподавания английского языка в большинстве случаев осталась прежней: цель такого преподавания – научить учащихся понимать носителей языка (и быть понимаемыми ими), как правило – носителей RP¹ (Received Pronunciation или британской нормы английского произношения). Очевидно, что для успешного общения с другими носителями языка, для которых английский не является родным, учащимся необходима специальная подготовка. Отсюда и **задача данной работы** – попытаться определить подход к преподаванию английского как языка международного общения

АНГЛИЙСКИЙ КАК ЯЗЫК МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ

Причина необходимости изучения проблемы понимания между носителями языка, для которых английский не является родным, заключается в сосуществовании двух явлений.

ВО-ПЕРВЫХ, мы наблюдаем рост общего числа говорящих на английском языке как иностранном параллельно с дальнейшим распространением английского языка как иностранного на новых территориях.

¹ Поскольку русский перевод английских терминов, обозначающих британские социальные диалекты, как правило, не передает их сущности, а в некоторых случаях даже дает о них искаженное представление, как, например в данном случае (**Received Pronunciation** – Общепринятое произношение), здесь и далее в статье мы будем использовать английскую терминологию, см. *А.Л. Трахтеров*. Английская фонетическая терминология. Москва, 1962.

Возникающие в связи с этим варианты английского характеризуются переносом особенностей произношения родных языков той или иной страны на английское произношение. Эти особенности могут сильно отличаться друг от друга. В этой связи необходимо подчеркнуть, что различия между вариантами английского как языка международного общения принадлежат к области именно устной речи. Примером, наглядно демонстрирующим данное положение, могут послужить статистические исследования, проведенные в Великобритании в 1984 году: преподаватели английского языка легко могли определить родной язык учащихся многонациональных классов опираясь на их произношение; письменная же речь учащихся не давала возможности определить их родной язык.

ВО-ВТОРЫХ, в то время когда, казалось бы, чрезвычайно важно было приложить все усилия для сохранения статуса RP как образца, объединяющего различные варианты произношения, эта так называемая “престижная модель” подверглась жесточайшей критике со стороны преподавателей – причем как носителей языка, так и тех, для кого английский не является родным. Противники RP называют несколько причин, почему этот вариант не может рассматриваться как подходящий для иностранных учащихся образец: на нем говорит незначительное меньшинство носителей языка (около 3% населения Великобритании), а это значит, что учащиеся навряд ли встретят носителя данного варианта в процессе общения на международном уровне; это не самый простой вариант для изучения и понимания иностранцами; и, наконец, престиж данного варианта как языка образованных людей и выпускников частных школ в наши дни не имеет былого значения. К этому следует добавить, что RP с течением времени изменяется, в данный момент сближаясь с так называемым **Estuary English**², а потому он утрачивает и наиболее часто указываемое его сторонниками достоинство – определенность, доскональную изученность.

Между тем, мы не должны забывать и о точке зрения самих учащихся. В то время как большинство из них придают большое значение изучению произношения и многие стараются посетить Великобританию, дабы услышать “настоящий английский”, много и таких, которые не хотят избавляться от иностранного акцента – им достаточно быть

² Подробное освещение этого вопроса в данной работе представляется неуместным. Читатель может ознакомиться с данной проблемой в следующей статье: Долгина Е. А. Диалекты британского варианта современного английского языка в социолингвистическом освещении // Функциональные исследования. Москва, 1996. [Вып. 1].

понятыми и понимать речь собеседника в контексте международного общения. Установлено, что хотя учащиеся школ часто придают произношению больше значения, чем (увы!) это делают их учителя, они все же предпочитают “говорить понятно” приобретению “чистого произношения” носителя языка.

Тем не менее, различные варианты английского языка как иностранного должны заключать в себе определенную долю взаимного сходства – в противном случае понимание и, следовательно, эффективное международное общение между носителями различных вариантов английского как иностранного будет просто невозможным. Невозможным будет и функционирование английского как языка международного общения.

Кроме того, проблема еще более усложняется, если мы принимаем во внимание сторону восприятия *на слух (аудирования)*: очевидно, что носители английского как иностранного сталкиваются с большим количеством сложностей в восприятии и понимании отклонений от нормы произношения, чем те, для кого этот язык является родным.

Существуют три причины этого явления.

Во-первых, отклонения от нормы произношения имеют тенденцию “расходиться от образца в разных направлениях” (Брэдфорд, 1982), так что учащиеся, говорящие на различных родных языках, делают самые различные фонетические “ошибки”. Различные варианты произношения одного и того же звука требуют от учащегося дополнительных интеллектуальных затрат при обработке информации: сначала ему нужно определить, как бы звучал тот или иной “отклоняющийся от нормы” звук в образцовом произношении, а затем -- как бы он сам произнес этот звук, опираясь на собственную “норму” (в современной англистике эта дополнительная стадия обработки информации получила название *синтетического анализа*).

Во-вторых, иностранный учащийся обычно не имеет достаточной практики восприятия и понимания различных вариантов произношения (вариантов английского как иностранного). В классе он учится понимать варианты произношения носителей языка (чаще всего британского варианта английского), а в повседневном общении иностранный учащийся имеет куда меньше возможностей развить навыки понимания других вариантов английского, чем носители языка, которые приобретают их с самого детства путешествуя, слушая радиопрограммы и так далее.

В-третьих, в то время как при интерпретации той или иной языковой реалии носителям языка часто помогает контекст – как лингвистический, так и экстралингвистический – иностранные учащиеся склонны опираться именно на “фонетическую информацию”. Отклонения от нормы произношения – особенно на сегментном уровне – гораздо чаще мешают при восприятии информации тем, для кого английский язык не является родным, чем носителям языка. Модная среди составителей пособий по произношению тенденция уделять больше места суперсегментным аспектам за счет сегментных, представляется необоснованной и неразумной с точки зрения преподавания английского как языка международного общения.

2. “ОХ УЖ ЭТА НОРМА!” ИЛИ “АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПОДХОД” К ПРЕПОДАВАНИЮ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ЯЗЫКА МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ

*“В наши дни задача найти некую универсальную **норму** произношения английского языка превратилась в своего рода навязчивую идею англистики”,* — так пишет в статье “Pronunciation. Changing Pronunciation Priorities for Successful Communication in International Contexts” Дженифер Дженкинс³. И очень многие с ней согласны. Очень многие британские лингвисты, и некоторые представители других лингвистических школ, находящиеся под их влиянием. Для большинства же российских лингвистов это утверждение по меньшей мере непонятно. Понятие нормы давно известно из языковой и нормализаторской практики, а в 20 веке оно получило не только широкое распространение, твердое теоретическое обоснование, но и стало своего рода фундаментом для преподавания произношения. Оно так долго изучалось такими величинами в лингвистике как Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, А.А. Леонтьев, С.И. Ожегов (и многими другими), что опровергать его, признать “навязчивой идеей” и не более представляется большинству соотечественников просто невыносимым. Да и нужно ли это делать? Да, преподаватель, действительно интересующийся положением и развитием своего предмета в мире, знакомится с огромным количеством публикаций на тему произношения и его преподавания в наши дни; большинство материалов – это работы британских лингвистов. Однако русская лингвистическая традиция диктует иной подход к проблеме преподавания (как уже было сказано, этот подход неразрывно связан с понятием **нормы**), и возникает путаница: новые прогрессивные тенденции и открытия, кото-

³ См. IATEFL News Letter. 1999.

рые преподаватель черпает в работах своих британских коллег никак не увязываются с привычной ему методикой работы, а потому эти самые тенденции и открытия так и остаются в “пассиве” — мы знаем о них, упоминаем и описываем их в своих статьях, но дальше дело, как правило, не идет. Вопрос **нормы** считается одной из наиболее описанных и исследованных областей, но мы считаем необходимым еще раз обратиться к нему, дабы окончательно расставить все точки над “и”: представляется необходимым “примирить”, наконец, британскую и русскую лингвистические традиции (в отношении проблемы **нормы**), так как без этого просто невозможно говорить о каком-либо подходе к преподаванию английского произношения в российской школе.

Еще раз процитируем Дженифер Дженкинс: *“Произношение тесно связано с чувством национального своеобразия, и учащиеся, достигшие высокого уровня знания языка, тем не менее часто сознательно оставляют черты своего родного произношения в произношении английском, что можно только поприветствовать.”*⁴ Такую же мысль высказал профессор Дэвид Кристал на конференции IATEFL, проходившей в Москве, в МГУ им. Ломоносова в 1997 году. Подобная точка зрения представляется нам своего рода порождением колониальной психологии англичан, отрицать существование которой было бы просто лицемерием. Еще одним подтверждением этому может послужить составление аудиоматериалов к столь популярному в Москве учебнику “Headway”: многие говорящие являются носителями очень сильного регионального акцента. Не нужно быть лингвистом-профессионалом, чтобы признать тот факт, что понимать таких “ораторов” крайне сложно. Псевдодемократия британских лингвистов ничем не поможет лингвисту-иностранцу: для нас важно не социальное спокойствие британцев, а коммуникативная компетенция, обеспечение которой является основной целью преподавания английского языка в школе.

Разрабатывая новые теории преподавания языка, британские лингвисты решают прежде всего *свои* проблемы: так, например, конструирование **Estuary English** исходит из необходимости примирить существующие в обществе различные “нормы” произношения⁵: целью и результатом этого конструирования является формирование так называемой “золотой середины”, то есть такой разновидности английского языка, который, имея статус литературного, удовлетворял бы требованиям различных социальных групп. Что может извлечь для себя из этой теории российский лингвист? Учитывая, что во главу угла мы ставим ком-

⁴ См. там же.

⁵ См. названную статью Е. А. Долгиной.

муникативную компетенцию, а не демократизацию общественного мнения, мы можем принять Estuary English как образец того, что различные варианты произношения **могут** быть объединены, а значит, мы можем попробовать соединить какие-то другие варианты произношения, исходя уже из **наших** нужд.

Примирение британской и русской лингвистических традиций несомненно возможно, тем более – как будет показано далее – расхождение в теории не так уж велики. Разработки британских лингвистов несомненно полезны российскому преподавателю, но подходить к ним необходимо **критически**; соотносить их со своими нуждами и активно использовать, а не описывать и откладывать “на потом, когда все само собой установится и образуется”. Мы не можем себе позволить пассивного ожидания того момента, когда норма английского языка как языка международного общения установится сама.

Что же такое **норма**?

В “Лингвистическом Энциклопедическом Словаре”⁶ мы находим следующее определение: *“Языковая норма – совокупность устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации. Норма как совокупность стабильных и унифицированных средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом, является специфическим признаком литературного языка определенного периода.*

...Норма является одновременно и лингвистической и социально-исторической категорией. Социальный аспект нормы проявляется не только в отборе и фиксации языковых явлений, но и в системе оценок: правильно/неправильно, уместно/неуместно...

...Нормативность представляется в языке в двояком плане: норма это и совокупность реально использующихся в языке явлений, и совокупность тенденций отбора и правил использования языковых средств.

*...Норма – это не только стабильный и унифицированный, но и значительно дифференцированный комплекс языковых средств, предполагающий сохранение целого ряда **вариантов**. Вариативность языковых средств обеспечивает функционально-стилистическую дифференциацию литературного языка.*

...Норма неоднородна по составу: ядро литературной нормы составляют стилистически нейтральные, и следовательно, наиболее

⁶ Лингвистический Энциклопедический Словарь. М., 1990.

широко употребляемые языковые явления, периферию – функционально и территориально маркированные, но использующиеся тем не менее в рамках литературной нормы явления.”

Как видно из приведенных цитат, понятия о норме, принятое в российской лингвистической традиции, вовсе не противоречит современным теориям британских лингвистов, а только способствует их пониманию.

Согласно теориям отечественных лингвистов, то или иное языковое явление признается нормативным, если оно: 1) соответствует структуре языка; 2) регулярно воспроизводится в процессе коммуникации; 3) пользуется общественным одобрением и признанием, наиболее эксплицитной формой которого является **кодификация**.

На основе этих трех признаков возможно выделение языковых явлений, общих для всех признанных в настоящий момент вариантов нормы английского произношения.

Прежде всего необходимо определить *общую основу (ядро) английской фонологии*. Необходимо определить, что общего между всеми вариантами произношения английского языка, что позволяет носителям языка эффективно общаться с носителями иного варианта произношения, не испытывая при этом трудностей в понимании. Такая *общая основа* была описана в работе Дженнер “Преподавание произношения: общая основа” в 1989 году. Задача составления такого ядра – определить, какие аспекты английского произношения являются первичными с точки зрения преподавания английского как языка международного общения. Таким образом, выделяется 8 областей устранения ошибок произношения:

I. СЕГМЕНТНЫЙ УРОВЕНЬ:

1. Качество гласных;
2. Качество дифтонгов;
3. Структура слога и подмена согласных (за исключением [θ] и [ð]);
4. Упрощение группы согласных;

II. СУПРАСЕГМЕНТНЫЙ УРОВЕНЬ:

5. Словесное ударение;
6. Самостоятельные части речи и слабая форма слов;
7. Тоновая группа (деление на синтагмы);
8. Логическое/контрастивное ударение;

Пункты 1 и 2 не требуют особого комментария, так как смысло-различительная функция гласных очевидна, и необходимость соблюдения оппозиции напряженности – ненапряженности в английском языке

не подвергается сомнению. Однако степень напряженности – ненапряженности различна и в отдельных “исконных” вариантах английского языка, и с точки зрения проблемы понимания особой важности не представляет.

3. Многие английские согласные часто подменяются носителями английского языка как иностранного, что приводит к образованию совершенно других слов (например, корейское paint вместо faint, японское she вместо see), что, в свою очередь, создает проблему понимания и усложняет (если вообще не делает невозможным) процесс международного общения. Носители языка часто обходят эту проблему при помощи **контекста**, в то время как для иностранных учащихся проблема может оказаться просто неразрешимой. Более того, подмена согласных часто приводит к возникновению и вовсе несуществующих слов, что сразу поймет носитель языка, а вот тот, для кого английский не является родным, может еще долго искать эквивалент несуществующему слову в образцовой и в собственной норме произношения.

На первый взгляд, исключение [θ] и [ð] может показаться странным, но эти два звука “регулярно” подменяются [s]/[z], [f]/[v] или [t]/[d] практически во всех вариантах английского как иностранного, и потому проблемы понимания в контексте международного общения не возникает. Интересно, что единственный случай непонимания был “в обратном направлении”: правильно произнесенные [s] и [t] были восприняты как [θ].

4. Во многих языках существуют гораздо более строгие ограничения на сочетания согласных, чем в английском. Вдобавок, в большинстве языков преобладают слоги структуры CV (согласный + гласный), или вообще возможны только такие слоги. Учащиеся просто обходят эту “проблему”: они либо используют эпентетические вставки (добавление гласных), что в целом не мешает процессу понимания; либо удаляют “лишний” согласный, что ведет к весьма значительным проблемам понимания – особенно в международном контексте.

5. Недавние исследования показали, что носители языка определяют значение слова на основе его ритмической структуры, сначала выделяя ударный слог и затем находя возможное лексическое значение, отбрасывая возможные варианты в связи с тем, что их неударная часть не соответствует выделенному ударному слогу. Некорректное словесное ударение часто приводит к нарушениям и *логическо-*

го/контрастивного ударения, что, в свою очередь, приводит к нарушению смысла высказывания в целом.

6. Следует отметить, что языки со слоговым ударением (syllable-timed) и с *акцентным ударением* (stress-timed) должны рассматриваться как части одного континуума, а не как два различных полюса. Тем не менее, нельзя не признать, что в английском языке несамостоятельные слова действительно редуцируются гораздо больше, чем во многих других языках, и тенденция многих иностранных учащихся не редуцировать несамостоятельные слова в потоке речи представляет проблему понимания в общении с носителями языка, а не в контексте международного общения. С точки зрения международного общения обучение слабым формам не представляется необходимым.

7. Носители английского языка как иностранного часто не могут корректно поделить английское высказывание на синтагмы (тоновые группы), чаще всего по той причине, что в их родном языке паузами отделяются более длинные отрезки речи. Это приводит к использованию пауз в самых неожиданных местах высказывания, что создает впечатление недостаточного владения языком. Кроме того, участникам международного общения требуется больше времени на обработку информации, что делает процесс общения менее эффективным.

8. Во многих языках система логического ударения – если вообще может проводиться какое-либо сравнение – в корне отличается от английской системы: логическое ударение падает на последнее слово или группу слов. Перенос системы логического ударения из родного языка носителем английского как иностранного приводит к тому, что выделяются неважные с точки зрения информативности части высказывания, такие как местоимения или предлоги. В сочетании с другими типичными произносительными ошибками (в особенности – с подменой согласных или уменьшением их количества) такое использование логического ударения может существенно препятствовать процессу эффективного общения на международном уровне.

Вышеописанные “области устранения ошибок произношения” являются ключевыми с точки зрения преподавания английского как языка международного общения: учитывая эти особенности представляется возможным конструирование удобного для нас – преподавателей английского языка как иностранного – варианта произношения – своей **нормы**, ядро которой составляют языковые явления, полностью соответствующие структуре языка и не препятствующие процессу

коммуникации на международном уровне. Однако стоит отметить, что мы считаем неправомерным давать какой либо готовый “рецепт”: “...ни один автор в качестве отдельного лица не может и не имеет права взять на себя функции “законодателя”, предписывающего нормы произношения”⁷; выработка такой – соответствующей нашим интересам – нормы является одной из задач дальнейших исследований российских лингвистов и преподавателей.

⁷ Слова Р. И. Аванесова из «Предисловия» к 4-му изданию его книги «Русское литературное произношение». М., 1968.

Просодическое оформление высказывания как способ социальной характеристики говорящего

© О. В. Френкель, 2000

Данная работа посвящена изучению социальных характеристик говорящего и их просодического (в частности, интонационного) оформления в речи.

В качестве материала для исследования была избрана запись экранизации пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион» — кинофильм «Моя прекрасная леди», который пользуется популярностью как в нашей стране, так и за рубежом. Выбор именно этого произведения объясняется тем, что проблема, затронутая автором в этой пьесе, (а именно, изменения в речи человека в процессе его обучения, усвоения им культурных, духовных и интеллектуальных ценностей, 'образовывания', 'окультуривания') представляет интерес с точки зрения преподавания языка.

Сюжет пьесы Шоу, восходящий к древнему мифу о скульпторе Пигмалионе, который влюбился в собственное творение, является 'вечным' сюжетом. Действительно, читая "Пигмалион", филологи и преподаватели языка приходят к более отчетливому осознанию того, что, формируя чью-то речь, они формируют тем самым и личность говорящего, поскольку речь является отражением особенностей природы человека.

Написав в 1912 году "Пигмалион", Бернард Шоу назвал свою пьесу экспериментом, демонстрирующим то, насколько практическая фонетика, обучение определенным типам произношения, способны разрушить классовую систему Британии, во многом определяемую именно особенностями речи ее представителей. В 1990 году Би Би Си выпустила радиопередачу, в ходе которой было показано, что классовый барьер во многом все еще является звуковым барьером, что достаточно лишь нескольких гласных и согласных, чтобы определить, в какой школе учился говорящий, и из какой социальной прослойки он происходит. Эти признаки не всегда являются достоверными, однако в большинстве своем передают в высшей степени точную информацию о говорящем.

Если верить британским лингвистам, языковая реальность в Великобритании такова: то, с каким выговором говорит человек (каков его акцент), может повлиять на суждение окружающих о его уме и интеллекте, на доверие окружающих к этому человеку, на то, поверят ли ему

или нет, если он окажется отвечающим на суде, и даже на то, как с ним будет обращаться и как будет его лечить его лечащий врач.

Для русских эта проблема нерелевантна, так как, в отличие от англичан, мы не ставим под сомнение наличие нормы в языке. Так, в системе русского языка существуют четкие оппозиции: литературный – нелитературный язык, грамматически правильная – грамматически неправильная речь, и т.д. В английском же языке вопрос о том, что же следует считать нормой, так и остается нерешенным. Их языковая действительность получается лингвистически плюралистичной (так называемый “акцентный плюрализм”). И, как результат этого социального явления, разные слои общества еще крепче держатся за свой выговор как за часть своей индивидуальности. Можно сказать, что любовь англичан к традициям проявляется и в отношении к языку: в приверженности к своему акценту, стилю речи.

Данная проблема представляется исключительно важной для изучения английского языка как иностранного. В связи с “акцентным плюрализмом”, многообразием вариантов произношения перед изучающим язык встает вопрос: каким нормам соответствовать, какой из вариантов выбрать в качестве примера для подражания? Приняв за образец определенный вариант, иностранец часто просто не вписывается в среду изучаемого языка, в связи с несоответствием выбранного им варианта нормам, принятым в данной среде.

Эти особенности языковой действительности Британии отражены в сюжете выбранной нами для анализа пьесе Б. Шоу “Пигмалион”.

Музыкальная версия “Пигмалиона” – мюзикл А.Дж. Лернера “Моя прекрасная леди”, впервые представленная на суд зрителей в Театре Марка Хеллингера в Нью-Йорке, стала “...величайшей мелодрамой в истории театра”.

Нужно отметить, что, когда изучаются социолингвистически или социокультурно детерминированные различия в просодической функции речи разных персонажей, исследования усложняются тем, что при анализе звучащего драматургического материала необходимо также принимать во внимание индивидуальные особенности речи актеров, их интерпретации текста.

Теоретическое значение работы заключается в том, что мы постарались объединить социолингвистическую трактовку изучаемого материала и просодический анализ звучащей речи.

В течение последних тридцати лет социолингвистика заняла важное место в современном языкознании. Однако очень мало было сделано в области социолингвистического анализа *просодии*.

Новизна данного исследования состоит в том, что при анализе *просодической организации* звучащей речи особое внимание было уделено отражению в ней именно *социальных характеристик* говорящего, таких как место жительства, социальное происхождение и положение, образование, род деятельности, профессия и т. д.

В процессе анализа использовался метод, разработанный в научных трудах Е. А. Брызгуновой (коммуникативный анализ звучащей речи), а также в работах американских лингвистов Романа Якобсона и Делла Хаймса (этнография речи). Основное содержание данного метода составляет объяснение разнообразного взаимодействия нескольких факторов, влияющих на явление речи. Каждый из этих факторов может быть рассмотрен и изучен в отдельности, но вместе они формируют структуру языкового явления.

Применяя данный метод в области социолингвистики, при анализе материала мы учитываем следующие параметры (т.е. социальные факторы, вместе образующие единую структуру):

- 1) *Географический фактор* (то есть вопрос о вариативности звучания речи как о результате географического положения);
- 2) *социальный фактор* (ряд вариантов, которые обусловлены различиями в социальном положении носителей языка);
- 3) *фактор половой принадлежности* (а именно, различия в языковых и речевых характеристиках носителей языка, принадлежащих к разному полу, т.е., как сейчас стало модно говорить, 'гендерные' различия в речи);
- 4) *фактор индивидуального стиля* (то есть, индивидуальные различия в стиле речи, которые можно наблюдать у носителей языка, происходящих из одной и той же местности, социальной прослойки, имеющих одно и то же образование и пр.).

Перечисленные выше факторы учитывались при просодическом анализе речи героев фильма «Моя прекрасная леди». Таким образом, вариативность интонационных структур была рассмотрена и объяснена с точки зрения влияния социокультурных аспектов.

На основе анализа было установлено, что просодические параметры в той или иной степени отражают все упомянутые выше социальные аспекты. Однако в выбранном нами материале особенно ярко нашли отражение *фактор социального положения говорящего* и *фактор индивидуального стиля речи*.

При анализе просодической реализации *фактора социального положения* была выявлена следующая закономерность: высокий уровень культуры, образования и т. д. всегда подразумевает наличие определен-

ных ограничений в поведении (а именно, большей сдержанности), в том числе (и это является особенно важным показателем социальной принадлежности человека) ограничений в речевых характеристиках носителя языка.

Конечно, эти ограничения касаются и просодии. Причем необходимо отметить, что в случае просодической организации речи, такие ограничения являются наиболее жесткими и регламентированными.

Совершенно очевидно, что в культурном обществе существуют общепринятые правила, касающиеся использования в процессе общения того или иного просодического параметра. Так, например, четко установлены рамки допустимого использования *громкости* и *темпа* речи, и это является уже вопросом этикета. Что касается *высоты тона*, ограничения в использовании данного параметра не так сильны, однако в сознании культурных носителей языка все равно существует четкое представление о 'правильном' использовании интонации. Точно также в языке существуют определенные каноны расстановки *пауз* в речи. Более того, мы можем говорить о таком явлении, как 'культурный' *тембр* голоса (хотя описать подобное явление непросто).

К сожалению, материала оказалось недостаточно для того, чтобы тщательно исследовать все просодические параметры. Поэтому подробно были изучены лишь три из них: ***громкость, темп и высота тона.***

В процессе анализа мы пришли к выводу, что актеры, исполняющие роли культурных, образованных, хорошо воспитанных персонажей, представителей высших классов и аристократии (полковник Пикеринг, миссис Хиггинс, Фрэдди Эйнсфорд-Хилл, миссис Пирс, Элиза Дулитл после занятий с профессором Хиггинсом и.т.д), как правило, используют в речи:

- среднюю громкость;
- медленный (*lento/ lentissimo*) или средний (*moderato*) темп; а также
- стандартное употребление интонационных контуров ('нисходящая шкала' и.т.д.)

soft loudness
┌──────────────────┐
Pickering: "Higgins, I'm \ interested. What about your
└──────────────────┘
lento

boast that you could pass her off as a duchess at the Embassy

soft loudness
Ball? I'll say you're the greatest teacher alive if you can make

that good. I'll bet you all the expences of the experiment you
lento
soft loudness
can't do it. And I'll even pay for the lessons."

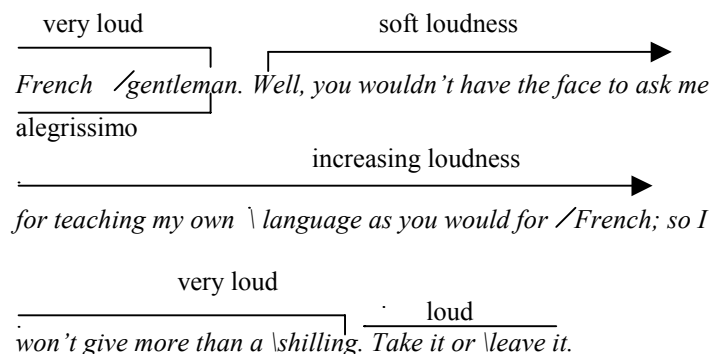
В данном случае для речи полковника Пиккеринга характерна средняя громкость, медленный темп, стандартное употребление высоты тона (нисходящая шкала в утвердительных предложениях, восходящий тон в вопросительном предложении).

Таким образом, в их речи не наблюдается резких перепадов, ярко выраженных контрастов в употреблении просодических параметров.

Напротив, актеры, исполняющие роли необразованных, 'некультурных' героев, принадлежащих к низшим классам английского общества и не получивших должного воспитания, то есть так называемые "кокни" (необразованная Элиза Дулитл, мистер Дулитл, миссис Хопкинс и т.д.), используют в речи гораздо более широкий диапазон просодических характеристик: от едва слышных до очень громких высказываний, от очень медленного до очень быстрого темпа речи, а также нестандартное употребление интонационных контуров.

Eliza Doolittle: "Oh, I know what's right. A lady friend of

allegro
increasing loudness
mine gets French lessons for eighteen pence an hour from a real
increasing tempo

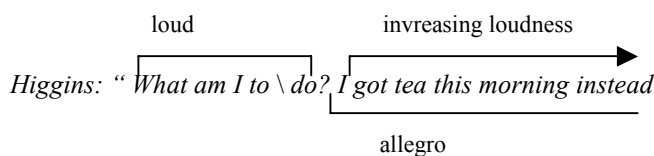

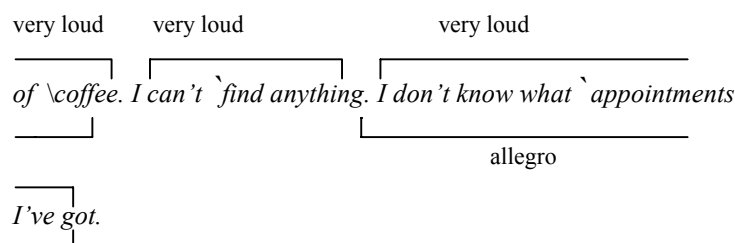
Как видно из примера, громкость и темп речи Элизы Дулитл варьируются в пределах одного высказывания: она то сильно убыстряет, то вдруг замедляет темп, усиливает, а потом вдруг уменьшает громкость речи. Кроме того, в конце утвердительных предложений героиня употребляет восходящий тон.

Однако в отдельных случаях и в речи культурных, образованных персонажей (например, профессор Хиггинс) может наблюдаться широкий диапазон использования просодических параметров (хотя это происходит иначе, чем у 'кокни'), и это является отражением *фактора индивидуального стиля*. В данном случае просодические характеристики отражают чаще всего степень эмоциональности говорящего.

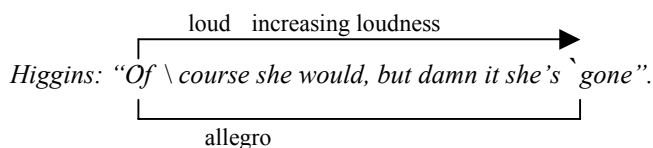
Анализ материала показал, что основными просодическими параметрами, посредством которых говорящий выражает свои эмоции, являются громкость и темп речи. Индивидуальное использование громкости и темпа актерами определяется прежде всего степенью эмоциональности того или иного персонажа, и лишь во вторую очередь — его социальным положением.

Так, например, профессор Хиггинс принадлежит к высшим слоям Лондона. Однако являясь темпераментным человеком, в напряженные моменты фильма он, подобно 'кокни' выражает свои эмоции при помощи усиления громкости и убыстрения темпа речи:

Mrs. Pearce: “E \`liza would \`know”.

Эти реплики Хиггинс произносит в состоянии сильного волнения и гнева, что сказывается на “нестандартном” использовании просодических параметров: очень быстрый темп, очень сильная громкость, использование восходящего тона в утвердительных предложениях.

Следует, однако, отметить, что и убыстрение темпа, и усиление громкости у Хиггинса происходит все-таки иначе, чем у носителей кокни. Например, на протяжении всего фильма нам вряд ли удастся отметить в речи эмоционального профессора резкие переходы от очень быстрой речи — к очень медленной, от очень громкой — к очень тихой, какие мы часто встречаем в речи отца Элизы, Альфреда Дулитла, его друзей-бродяг, и других «кокни».

Таким образом, мы приходим к выводу, что:

- употребление данных просодических параметров может служить средством социальной характеристики персонажа;
- изучающим английский язык следует обращать особое внимание на нюансы произношения и просодического оформления речи, так как они передают важную социокультурную информацию.

Л и т е р а т у р а

1. Брызгунова Е. А. Коммуникативный анализ русской звучащей речи. М., 1982.
2. Dell Hymes. Foundations in Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. University of Pennsylvania Press, 1974.

3. *Joshua A. Fishman*. Sociolinguistics: A Brief Introduction. Newbury House Publishres, 1970.

Семантика глаголов однонаправленного движения с префиксом ПО- в свете теории Л. В. Щербы об эксперименте в языкознании

© кандидат филологических наук А. А. Караванов, 2000

Как известно, глаголы движения с префиксом **ПО-** образуют видовые пары по особому правилу. Если общее для всех других префиксов правило состоит в том, что префикс в соединении с "однонаправленной" основой образует глагол совершенного вида (СВ), а в соединении с "разнонаправленной" основой — парный ему глагол несовершенного вида (НСВ) (например: *войти : входить, подвезти : подвозить, улететь : улетать* и т. д.¹), то в случае с префиксом **ПО-** это правило не действует: глаголы *пойти : походить (повезти : повозить, полететь : полетать* и т. д.) видовыми парами не являются. В данном случае, видовые пары выглядят следующим образом: *идти : пойти, везти : повезти, лететь : полететь* и т. д.² Все это можно представить в таком виде:

войти : входить ≠ *пойти : походить*;

но *войти : входить* = *пойти : идти*.

Таким образом, из всех глаголов СВ, образованных присоединением префикса к "однонаправленной" основе, только глаголы с префиксом **ПО-** образуют видовую пару с исходным бесприставочным глаголом. Отчего это происходит? Ответ, кажется, очевиден: все другие приставки, кроме того, что они перфективируют глагол (т. е. переводят его в СВ), сообщают ему также и некоторое дополнительное лексическое значение, которого не было в исходной основе (например, приставка **В-** сообщает исходной основе значение достижения пространственного предела, вследствие чего глагол *войти* уже не может являться видовой парой исходного *идти*; *войти* образует видовую пару с глаголом *входить*). Что же касается префикса **ПО-**, то он только перфективирует

¹ Хотя, конечно, следует иметь в виду, что в некоторых видовых парах основа исходного "разнонаправленного" глагола при соединении с префиксом несколько видоизменяется: ср. видовую пару *приехать : приезжать* при исходной паре *ехать : ездить* или видовую пару *уплыть : уплыwać* при исходной паре *плыть : плавать*.

² Мы придерживаемся критерия видовой парности, предложенного Ю. С. Масловым: если при переводе повествования в плоскость исторического настоящего предложение сохраняет корректность, значит, мы имеем дело с видовой парой [1]. Глаголы *идти : пойти, везти : повезти* и т. д. вполне соответствуют этому критерию. Так, совершенно корректной выглядит следующая трансформация: Он узнал этого человека и *пошел* за ним → Он узнает этого человека и *идет* за ним; следовательно, *идти : пойти* — это видовая пара.

исходную основу, не сообщая ей никакого дополнительного лексического значения, вследствие чего глагол *пойти* образует с исходным *идти* видовую пару. Однако в связи с этим встает другой вопрос: означает ли это, что в видовых парах типа *пойти : идти, повезти : везти* и т. д. префикс **ПО-** является чистовидовым — таким же, как, например, в видовых парах *строить : построить, красить : покрасить* и т. д.? Если да, то это кажется парадоксом, поскольку во всех других случаях префикс, соединяющийся с "однонаправленной" основой, имеет отчетливое пространственное значение, что неудивительно, так как все пространственные префиксы возникли из пространственных предлогов. Во многих случаях эта связь с конкретным предлогом и в современном языке остается достаточно "прозрачной", о чем свидетельствуют такие, в частности, примеры, в которых пространственный предлог семантически согласуется с одноименной пространственной приставкой: *войти в комнату, зайти за угол, съехать с горы, доплыть до берега, наехать на бордюрный камень* и т. д. Если же считать, что префикс **ПО-** все-таки является не чистовидовым, а пространственно-видовым (как и все остальные префиксы, соединяющиеся с "однонаправленными" основами), то в чем тогда состоит его пространственное значение?

Полагаем, что префикс **ПО-** в глаголах движения типа *пойти* (т. е. производных от моторно-некратных основ), а также в глаголах типа *помчаться* (производных от основ, не знающих противопоставления по признаку "одно-/разнонаправленности") выражает значение однонаправленного движения. Префикс **ПО-**, возникший, как нам кажется, из одноименного пространственного предлога (подробнее см. [2]), сохраняет свою соотнесенность с этим предлогом и в современном русском языке (например: *поехать по шоссе, поплыть по течению, помчаться по дороге* и т. д.). Однако следует иметь в виду, что факт соотнесенности префикса **ПО-** с одноименным предлогом еще не позволяет утверждать, что значение однонаправленного движения входит в семантику самого префикса (если бы мы утверждали это, мы фактически перенесли бы на префикс значение исходной основы и контекста в целом). Точным доказательством в данном случае может являться только лингвистический эксперимент — метод, выдвинутый и обоснованный Л. В. Щербой [3].

Мысль о наличии значения "однонаправленности" в семантике префикса **ПО-** указанных глаголов впервые была высказана Е. А. Земской [4], а затем развита Л. П. Демиденко [5] и И. И. Щеболевой [6].

На первый взгляд, вопрос об "однонаправленной" семантике префикса **ПО-** глаголов движения является искусственным, поскольку сама исходная основа заведомо выражает здесь семантику "однонаправленности". Однако сказанное верно лишь в отношении моторно-некратных

глаголов (так, в этом смысле некорректность фразы **он пошел из угла в угол* на фоне корректности фразы *Он заходил из угла в угол* ничего не доказывает, поскольку в глаголе *пойти* сама исходная основа несовместима со значением "разнонаправленности", а этого уже достаточно для обоснования причины некорректности первой из двух приведенных фраз). Что же касается глаголов движения с приставкой **ПО-**, исходная основа которых не охвачена противопоставлением по признаку "одно-/разнонаправленности", то здесь лингвистический эксперимент позволяет установить, что в семантике префикса **ПО-** действительно присутствует значение "однонаправленности".

Для подтверждения сказанного обратимся к глаголам *потопать* и *пошагать*. Глаголы, от которых они произведены — *топать* и *шагать* — сами по себе не являются "однонаправленными", ср.: *"Солдат шагал на месте"*; *"Он топал, отрабатывая шаг на месте"*. Присоединение к этим глаголам **чисто** начинательного префикса **ЗА-** не приводит к возникновению значения "однонаправленности", ср.: *"Солдат зашагал на месте"*; *"Он затопал, отрабатывая шаг на месте"*; присоединение же к ним префикса **ПО-** приводит к возникновению "однонаправленной" семантики, вследствие чего в приведенных выше фразах начинательные глаголы с приставкой **ЗА-** не могут быть заменены на начинательные же глаголы с приставкой **ПО-**; ср. некорректность: *"*Солдат пошагал на месте"*; *"*Он потопал, отрабатывая шаг на месте"* (эти фразы корректны при ограничительном значении глагола, которое мы здесь не рассматриваем).

Серию убедительных примеров, подтверждающих факт наличия семантики "однонаправленности" в значении приставки **ПО-** глаголов движения, приводит И. И. Щеболева. Так, она отмечает корректность сочетаний *зашагать (заковылять, засеменить) из угла в угол, туда и сюда, взад и вперед, вниз и вверх* и т. д. — при некорректности **пошагать (поковылять, посеменить) из угла в угол, туда и сюда, взад и вперед, вниз и вверх* и т. д. Однако, с другой стороны, И. И. Щеболева говорит о некорректности таких сочетаний, представляющихся нам вполне корректными: *пошагать по полю, поковылять по полю, посеменить по полю* [7]. Вероятно, утверждение И. И. Щеболовой о некорректности сочетаний типа *пошагать по полю* и под. вытекает из ее теоретической посылки: приставка **ПО-**, по И. И. Щеболовой, "указывает на направленность начала времени к конечному пределу" [8], что, очевидно, не тождественно "однонаправленности". В то же время сопоставления И. И. Щеболовой, приводившиеся выше (корректность *зашагать из угла в угол* при некорректности **пошагать из угла в угол* и под.) можно рассматривать именно как

аргумент в пользу тезиса о наличии у префикса ПО- семантики "однонаправленности".

Полагаем, что еще одним аргументом в подтверждение "однонаправленной" семантики префикса ПО- может служить факт его исключительной продуктивности при соединении с основами глаголов движения, в результате чего образуется глагол с "однонаправленной" семантикой. Группа русских "однонаправленных" глаголов (*пойти, помчаться* и под.) постоянно пополняется новыми разговорными образованиями. Так, в словаре С. И. Ожегова [9] не фиксируются следующие глаголы, отмечаемые в то же время в МАС [10] и БАС [11]: *покарабкаться, поковылять, посеменить, потрусить*. Кроме того, в разговорной речи встречаются и такие образования, не отмеченные даже в МАС и БАС: *попилить, попылить, почапать, почесать, пошпарить* (например: "Они попилили на работу"). Разговорный характер этих образований, неполная представленность их в словарях указывают на то, что часто они возникают в речи как результат спонтанного языкового творчества говорящих, что свидетельствует о продуктивности данной словообразовательной модели.

Кстати, признание продуктивности этой модели затрудняет "фразеологическую" версию сочетаемости префикса ПО- с "однонаправленными" основами (которая могла бы быть альтернативой версии об "однонаправленной" семантике префикса), так как фразеологизация и продуктивность представляют собой диаметрально противоположные явления. Ю. Д. Апресян говорит: "... фразеологизация, в особенности возникновение идиом, есть частный и крайний случай утраты семантического образцом его былой продуктивности" [12]. Эта мысль высказана Ю. Д. Апресяном по поводу сочетаемости слов, однако она, как нам кажется, может быть использована и для характеристики сочетаемости морфем в слове. Дело в том, что закон семантического согласования распространяется как на согласование слов в словосочетании и предложении, так и на согласование морфем в слове [13]. В связи с этим, кстати, факт наличия у основы "однонаправленной" семантики не опровергает, а подтверждает факт наличия такой же семантики у префикса ПО-.

Есть, однако, контекст, в котором семантика "однонаправленности" префикса ПО- "зачеркивается". Его можно определить как контекст, выражающий значение обретения субъектом способности к определенному виду движения. Например: *Больной пошел* → *Больной начал ходить* (а не "начал идти"); *Наш ребенок, наконец, поплыл* → *Наш ребенок, наконец, начал плавать* (а не "начал плыть"); *Его дельтоплан наконец-то полетел* → *Его дельтоплан наконец-то начал летать* (а не "начал лететь"); *А мой ребенок уже пополз* → *А мой ребенок уже начал ползать* (а не "начал ползти"); *После такого курса лечения он не толь-*

ко **пошел** — **побежал!** → После такого курса лечения он не только **начал ходить** — **начал бегать!** (а не "начал идти" и "начал бежать") и т. д. Ср. также следующий пример из устной речи: *"Зимой машины стояли на приколе, но наступила весна, и они опять поехали"* → *Зимой машины стояли на приколе, но наступила весна, и они опять начали ездить* (а не "начали ехать").

Отметим, что с глаголами движения, не охваченными противопоставлением по признаку "одно-/разнонаправленности", в этом случае может быть употреблен только префикс **ЗА-** (а не **ПО-**), например: *"Весной в лесу опять запрыгали лягушки"* (при невозможности **Весной в лесу опять попрыгали лягушки*).

Кроме уже отмеченного значения "однаправленности", префикс **ПО-** при соединении с моторно-некратными основами может в определенном контексте выражать также и ограничительное значение. На первый взгляд такое утверждение кажется странным, поскольку принято считать, что ограничительное значение свойственно префиксу **ПО-** при соединении с "разнонаправленными" основами и не свойственно — при соединении с основами "однаправленными" (например, глагол **походить** значит "ходить некоторое время, недолго", тогда как глагол **пойти** не может выражать значение "идти некоторое, время, недолго"). Однако в рамках довольно обширной группы ограничительных глаголов с префиксом **ПО-** существует компактная группа глаголов движения, совмещающих ограничительное значение со значением "однаправленности". Речь идет об "однаправленных" **переходных** глаголах: **понести, повести, повезти, покатить**. Вот примеры их употребления в ограничительном значении: *Дай немного понести чемодан; Дай немного повести машину; Можно минутку повезти коляску?; Можно немного покатить твою тележку?* и под.

Эта глагольная группа интересна в том отношении, что по своему типу является как бы "переходной" между славянскими и балтийскими языками. Так, если мы обратимся к балтийским "однаправленным" **непереходным** глаголам с приставкой **РА-** (аналогичной русской **ПО-**), то обнаружим, при формальном сходстве, значительное расхождение в семантике. Например, латышское *raiet* (<ра- + iet) ("идти"), по своей структуре очень похожее на русское **пойти** (<по- + **йти**) или польское *pojść* (<po- + *iść*), по семантике не совпадает с ними. Латышское *raiet* переводится на русский язык не начинательным **пойти**, а ограничительным **пройти (немного)** [14]. Литовское *rabėgė*□*tī* внешне напоминает русское **побежать** или польское *robieć*, однако по семантике существенно с ними расходится: *rabėgė*□*tī* означает "побежать (бежать) (недалеко); сбегать" [15]; русскому же начинательному глаголу **побе-**

жати соответствует в литовском языке сочетание с фазисным глаголом (*imti bėgti*, букв.: "начать бежать").

С другой стороны, если обратиться к балтийским *переходным* "однонаправленным" глаголам, то можно заметить, что их семантика отчасти совпадает с семантикой их славянских (и, в частности, русских) аналогов. Это совпадение можно продемонстрировать на примере следующих семантических соответствий:

русск. *понести* : *поносить* = латышск. *panest* : *panēsāt* = литовск. *panėšėti* : *panėšioti* = "понести немного, некоторое время" : "поносить";

русск. *повести* : *поводить* = латышск. *pavest* : *pavadāt* = литовск. *pavėsti* : *pavėžioti* = "повести немного" : "поводить";

русск. *повезти* : *повозить* = литовск. *pavėžėti* : *pavėžiyti* = "повезти немного" : "повозить".

Что касается высказанной выше оговорки о *частичном* характере такого совпадения, то она означает, что русский *переходный* "однонаправленный" глагол имеет, наряду с ограничительным (напр., *понести* = "нести немного"), также и начинательное значение (напр., *понести* = "начать нести"), которого соответствующие балтийские глаголы не имеют. В этом как раз и состоит "переходный" характер данной группы глаголов: она как бы служит "мостиком" между таким чисто славянским, отличным от балтийского, явлением, как начинательная семантика префикса **ПО-** "однонаправленных" глаголов, и таким балтийским явлением, как ограничительная семантика префикса **РА-** (в славянских языках — **ПО-**) "однонаправленных" глаголов — явлением, которое славянским языкам свойственно лишь отчасти (ср. невозможность для русского *пойти* выражать семантику "пойти немного").

Заметим, что факту наличия в семантике глаголов типа *понести* ограничительного значения до сих пор уделялось недостаточно внимания. Е. А. Земская даже считает, что ограничительное значение "не свойственно ...определенно-моторным глаголам (им приставка *по-* сообщает начинательное значение)" [16]. Тем не менее словари иногда отмечают у указанных глаголов ограничительную семантику. Например, МАС так определяет значение глагола *понести*: "Провести некоторое время, неся кого-, что-л.". Такое же определение семантике глагола *понести* дает и БАС: "Нести некоторое время. [Мальчишки] *побежали к хромоту человеку. Еще на бегу они кричали* : — *Дядя, где вы их [камбал] поймали?.. Ой, дядя, дайте нам их понести*".

Заключая рассмотрение ограничительных глаголов с префиксом **ПО-**, произведенных от "однонаправленных" основ, приведем пример, который с теоретической точки зрения представляется парадоксальным:

"Если держать ногу на педали сцепления, автомобиль еще *немного поедет и остановится*" (устная речь).

Парадоксальность этого примера состоит в том, что здесь в ограниченном значении употреблен глагол с префиксом **ПО-**, произведенный от "однонаправленного" *непереходного* глагола, что русскому языку несвойственно (в отличие от балтийских: ср. латышск. *raiet* — "пойти немного"). Тем не менее (и это удивительно!) информанты, которым было предложено подтвердить или опровергнуть правильность этого примера, признали его абсолютно правильным.

Тот факт, что информанты единодушно признали правильным пример, невозможный с "теоретической" точки зрения, на самом деле вполне закономерен. Л. В. Щерба, выдвинувший и обосновавший идею о необходимости эксперимента в языкознании, говорит о "бессознательных" правилах, действующих в сфере живого языка [17]. Понятно, что таким правилам во многих случаях невозможно придать какую-то рациональную форму: они не формулируемы, они интуитивны. Вероятно, одна из самых замечательных особенностей живого языка состоит в его *несводимости* к простым и элементарным правилам, в его *невытекаемости* из таких правил. Твердые правила в живом языке можно уподобить "островам в океане": они представляют собой как бы крохотные участки суши, со всех сторон окруженные бескрайним водным пространством. Если, обучая иностранцев русскому языку, мы попытаемся опираться только на твердые правила, мы обречем, конечно, некую твердую почву под ногами, однако при этом вся "подводная жизнь" языка во всем ее красочном многообразии неизбежно окажется вне нашего поля зрения.

Полагаем, метод лингвистического эксперимента, предложенный Л. В. Щербой, является особенно эффективным в преподавании русского языка как иностранного. Это связано с тем, что РКИ всегда было ориентировано в первую очередь на *преподавание русского языка его носителями*. Только при таком преподавании, создающем практически неограниченные возможности для лингвистического экспериментирования, учащийся оказывается погружен в живую языковую стихию; только при таком преподавании он получает возможность изучать *сам язык*, а не *экстракт языка* в виде отдельных текстов и правил (как это происходит при преподавании мертвого языка, а также живого языка, если преподаватель не является его носителем). Такое преподавание является уникальным в том смысле, что для обучаемого здесь фактически стирается грань между обучением и творчеством, поскольку лингвистический эксперимент является одновременно и средством обучения языку, и методом научного исследования языка. При этом результаты экспериментов обучаемого могут оказаться очень ценными не только для него самого, но и для преподавателя, который может извлечь из этих экспериментов важные теоретические выводы. Известно немало

случаев, когда преподавателям-русистам удавалось сделать интересные наблюдения над языком именно благодаря экспериментированию иностранцев. Несомненным достоинством метода лингвистического эксперимента является то, что он формирует у учащегося "активную позицию" по отношению к языку, которая состоит в том, что нельзя безоговорочно верить словарям и грамматикам: все следует проверять *на собственном языковом опыте*. Лишь *собственный языковой опыт* является самым достоверным источником знания о языке, а приобрести такой опыт можно, лишь общаясь с носителями языка. Кстати, категория вида глагола была открыта в русском языке немцами — Й. Фатером [18] и А. Таппе [19]. Очевидно, что если бы они верили словарям и грамматикам больше, чем собственному языковому опыту, сделать это важное открытие было бы невозможно. Если даже в случае с грамматическими категориями (каковой является вид) данные языкового опыта могут столь значительно "отклоняться" от данных словарей и грамматик, то можно себе представить, насколько большим должно быть такое "отклонение" в случаях, когда речь идет о явлениях более частных, чем грамматические категории.

Л и т е р а т у р а

1. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. — Л.: Ленингр. ун-т, 1984. — С. 53.
2. Караванов А. А. Семный состав ингрессивных глаголов и проблема генезиса ингрессивной приставки *по-* // Вестник Московского университета. — Сер. 9: Филология. — 1991. — № 3. — С. 11-18.
3. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. — М.: Просвещение, 1965. — Ч. II. — Издание третье, доп. — С. 361-373.
4. Земская Е. А. Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке // Исследования по грамматике русского литературного языка. — М.: АН СССР, 1955. — С. 5-41.
5. Демиденко Л. П. Способы выражения начала глагольного действия в русском языке // Учен. зап. ин-та / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. — 1963. — Т. 248. — С. 85-103.
6. Щеболева И. И. Принципы словообразовательного синтеза. — Ростов н/Д.: Рост. ун-т, 1980.
7. Щеболева И. И. Указ. соч. — С. 161-162.
8. Щеболева И. И. Указ. соч. — С. 45.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — 23-е изд., испр. — М.: Русский язык, 1990.
10. Словарь русского языка: В 4-х тт. — М.: Русский язык, 1985. — Т. 3: П-Р. — 1987.
11. Словарь современного русского литературного языка: В 17-и тт. — М.; Л.: АН СССР, 1948. — Т. 10: По – Поясочек. — 1960.
12. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. — М.: Наука, 1967. — С. 88.
13. Юлдашева Г. Ф. Соотношение морфемной и семантической структур русских слов с приставкой *по-*: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. — М., 1982. — С. 21.
14. Латышско-русский словарь. — Рига: Латгосиздат, 1963. — С. 486.
15. Литовско-русский словарь. — Вильнюс: Гос. изд-во полит. и научн. лит-ры, 1956. —

С. 209.

16. *Земская Е. А.* Указ. соч. — С. 26.
17. *Щерба Л. В.* Указ. соч. — С. 368.
18. *Vater J. S.* Praktische Grammatik der russischen Sprache in Tabellen und Regeln, nebst Uebungsstücken zur grammatischen Analyse. — Leipzig: Crusius, 1808.
19. *Neue theoretisch-praktische russische Sprachlehre* für Deutsche mit Beispielen, als Aufgaben zum Uebersetzen aus dem Deutschen in das Russische nach den Hauptlehre der Grammatik nebst einem Abrisse der Geschichte Russlands. — S.-Petersburg und Riga, 1810.

Заимствование как один из путей образования терминов (на примере русской и китайской военной лексики)

© М. М. Москалева, Хуа Фун (Китай), 2000

В современных терминоведческих работах заимствование рассматривается широко, и как процесс терминологизации слов общелитературного языка, и как использование терминов иных профессиональных полей. Такие заимствования (не только из “своего” языка, но из других лексических пластов), по классификации Г. Рондо, именуются внутренними, или внутриязычными заимствованиями. Гораздо чаще (традиционно) под заимствованиями понимаются “внешние”, т.е. заимствования из других языков. В целом, по мнению С.В. Гринева, процесс заимствования терминов не отличается от аналогичного в общелитературном языке, но обнаруживает ряд особенностей, которые можно свести к следующим:

1) письменный путь проникновения заимствований, поскольку обмен научно-технической информацией осуществляется посредством публикаций;

2) сознательное воздействие на процессы заимствования, что связано с возможностью планомерного формирования терминосистем.

В качестве лингвистических факторов широкого распространения терминологического заимствования выделяются:

3) возможность декодирования интернациональных элементов, ведущая к облегчению понимания содержания терминов;

4) соответствие интернационализмов требованию краткости и однозначности;

5) высокая словообразовательная валентность, возможность сочетаться с частью слова родного языка, а также со словами в составе словосочетаний.

Одни языки, более приспособленные для терминологического словообразования, вносят существенный вклад в формирование отдельных терминосистем по сравнению с другими языками. Внутри европейского культурного ареала первыми творцами специальной лексики были греки, стихийно оказавшись создателями номенклатур научных школ, направлений, отраслей, знаний. Можно предположить, что строй греческого языка был одним из стимулов развития научного мышления и базой для создания терминов разных наук.

Латынь, являясь на протяжении многих веков языком ученых Европы, была прежде всего проводником греческих терминологических элементов и моделей. В ряде стран Восточной Европы языками были церковнославянский и греческий. В России в Петровскую эпоху на этот фон начинают накладываться новые заимствования из западных языков (как из разговорного — иностранных специалистов, так и книжного — из языка ученых трактатов, руководств). В результате язык науки первой половины XVIII в. представлял собой нагромождение разноязычной лексики.

Комплексное влияние языков Западной Европы привело к тому, что в XVIII в. все труды Российской академии печатались, как это требовало европейская традиция, на латинском языке, а в XIX в. — на французском. Во второй половине XIX в. вновь возрастает влияние латинского и греческого языков, благодаря искусственному конструированию новых терминов из основ этих языков. К середине XX в. русский язык пополнился значительным числом заимствований из английского языка.

Таким образом, сложилось определенное тематическое распределение заимствований из отдельных языков и в авиационной терминологии:

Из греч.яз. — **дельтапланеризм, гиросtabilизация, катапульта (авиационная), барограмма**

и блоки — *аэро* (от гр. *аεr* — воздух) — **аэростат, аэросани, аэродром;**

из лат. яз. — **абляция, авторотация, биплан, аэронавигация;**

вибра (от лат. *vibrato* — колебание) — **вибрация (двигателя), виброперегрузка, виброграф;**

из англ.яз. — **бафтинг, блистер, керосин, лайнер;**

из фр.яз. — **нервюра, авиетка, маневренность ЛА, элсексот, диффузор, крен, кессон;**

из нем.яз. — **демпфер, визир, арретир;**

из гол. яз. — **киль, шайба, стратонавт, люк ЛА, мачта (аэростата);**

из итал. яз. — **аварийный (барьер), гондола ЛА.**

Вопрос о иноязычных заимствованиях в китайском языке вообще и о заимствованиях в его военной лексике в частности представляет значительный интерес.

Заимствование иностранной лексики идет по двум каналам: звуковое заимствование и калькирование. В первом случае заимствуется внешняя, звуковая оболочка иноязычного слова, во втором — его слово-

образовательная структура, т.е. признак понятия, положенный в основу его названия.

Таким образом, к иноязычным заимствованиям относятся все лексические единицы, появление которых в одном языке связано с копированием внешней или внутренней структуры соответствующих прототипов в других языках.

В военной лексике современного китайского языка наблюдается крайне незначительное количество звуковых заимствований.

Рассматривая вопрос иноязычных заимствований в китайском языке, следует особо поговорить о терминах, импортированных из Японии (японизмы), которые прижились в китайском языке.

Наибольшее количество звуковых заимствований падает на английский язык.

В китайскую военную лексику из английского языка проникли следующие звуковые заимствования:

(tank) – 坦克 танк;
(rifle) – 来复枪 винтовка;
(engine) – 引擎 двигатель;
(radar) – 雷达 радар;

и др.

Из других языков при помощи транскрибирования заимствованы такие термины, как

(фр. caponniere) – 掩体 капонир,
kagiusha (русск. «катюша») – 喀秋莎 гвардейские минометы,
(фр. barricade) – 街垒 баррикада.

Долгий путь проделало итальянское слово саппоне – орудие, прежде чем оно в виде термина 加农炮 попало в китайский язык из Японии.

Для китайского языка с его иероглифической письменностью заимствование иностранных слов с помощью калькирования имеет большее значение, чем звуковое. Кальки, как и звуковые заимствования, могут быть прямыми или косвенными.

К прямым калькам из английского языка относятся:

«строй углом вперед» - 前三角队形
«патронная лента» - 弹带
«ленивец» - 介轮

направляющее звено гусеничного движителя;

«космический корабль» - 宇宙飞船
«баллистическая ракета» - 弹道导弹

Значительное место занимают кальки с соответственных терминов:

«отряд обеспечения движения» - 运动保障队
«штурмовая группа» - 强击机群
«узел связи» - 通信枢纽
«авианосец» - 航空母舰
«тактическая авиация» - 战术空军

Термины-кальки из других европейских языков – сравнительно редкое явление в области китайской военной терминологии.

К косвенным калькам относят английские слова, проникшие в китайский язык через японский:

«канонерская лодка» - 炮舰
«пулемет» - 机枪
«главная полоса сопротивления» - 主要抵抗地带

При калькировании иностранное слово или словосочетание подвергается разложению на значимые части, которые затем более или менее точно переводятся на китайский язык, сохраняя при этом исходную словообразовательную структуру.

Л и т е р а т у р а :

1. Труды Военной академии иностранных языков. Т. 8. 1955.
2. Китайско-русский военный и технический словарь / Под ред. И.Д. Кленина. 1970.
3. «俄汉科技大词典», 商务印书馆, 北京, 1990年

О некоторых особенностях испанского языка в США

© Д. В. Мунгалов, 2000

В каждом обществе в различных этносоциологических ситуациях некоторых регионов и стран нередко возникает проблема контакта и столкновения представителей различных этнических групп, принадлежащих к разным языковым и культурным ареалам. Следствием этого контакта может стать взаимодействие двух (и более) языковых систем, т.е. “смешение языков”. Это явление имеет самое прямое отношение к испанскому языку, на котором в современном мире говорит около 400 миллионов человек. Испанский язык на протяжении всей своей истории входил в контакт с многочисленными языками и культурами (“*el español fronterizo*”), (“пограничный испанский”), что отразилось на современной социолингвистической ситуации во многих странах. Так, в Испании, будучи национальным и официальным языком, он сосуществует с каталанским, галисийским и баскским. В Латинской Америке вследствие его контакта с различными индейскими языками (гуарани в Парагвае, кечуа в Перу, Эквадоре и Боливии, ацтекские языки в Мексике и т. д.) возникают региональные разновидности (варианты) испанского языка. На Карибских островах и Филиппинах испанский язык стал основой образования креольских языков. Особая социолингвистическая ситуация сложилась в США в результате контакта испанского и английского языков.

Важнейшим компонентом языковой ситуации в США является двуязычие испаноговорящего населения этой страны, естественно возникающее на перекрестке двух культур как средство межкультурной языковой коммуникации испано- и англоговорящих американцев. В результате рождается лингвистический феномен, получивший название *spanglish*. Уже в самом этом термине удачно отражена его двуязычная сущность: это словоупотребление испаноязычного населения США — полиэтнической страны, в которой исторически сложилась особая этносоциолингвистическая ситуация. Сразу оговоримся, что термин *spanglish* неоднороден. Он используется в широком смысле для обозначения узуса всего испаноговорящего населения США (Amastae, Olivares, 1982). Во-вторых, этот термин употребляется в узком смысле для характеристики словоупотребления выходцев из Пуэрто-Рико (Ramirez, 1992). Мы используем этот термин в первом, то есть более широком, смысле.

Неоднороден не только сам термин *spanglish*, диаметрально противоположно и отношение к этому языковому явлению ученых. Одни

рассматривают его как испорченный, деградировавший испанский язык, другие настаивают на том, что spanglish — это исторически закономерное и социально неизбежное явление, значимое в культурном и языковом плане.

Доказательством первой точки зрения служит статья “Durmiendo con nuestro enemigo”, опубликованной в “El País” (13-6-95). Ее автор Лаура Фрейхес, негодуя против засилья англицизмов, видит в них навязывание испанцам американского образа жизни и способа мышления. Особенно автора раздражают кальки с английского, которые в приведенных ею примерах, на самом деле, употребляются в эвфемистической функции, чтобы “прикрыть” неприглядность некоторых сторон жизни, типа “cuervo” вместо “cadaver”, “hijo de perra”, “bastardo” вместо “hijo de puta”, “dormir con” вместо “acostarse con”. Автор заканчивает свою эмоциональную статью гневным осуждением того, что она называет “spanglish vergonzante”, и призывает вернуться к “языку Империи”.

В те же самые дни газета “ABC” (9-6-95), публикуя отчет о поездке наследного принца Испании Фелипе в США и его выступлении в университете Калифорнии, приводит его высказывание: “Nunca como hoy nuestro idioma ha estado tan ligado a la vida de los EE.UU.”. Приветствуя разнообразие культур и языков, автор газетной публикации пишет: “El Principe de Asturias era el mas ilustre de los viajeros de aquella reunion que congregaba en la Universidad del Sur de California, en Los Angeles, a una muchedumbre de jovenes ciudadanos norteamericanos reunidos en el territorio comun de un idioma compartido: *el español*. El Principe manifesto que *el bilinguismo es uno de los bienes mas enriquecedores de nuestro idioma con los que puede contar una persona y una sociedad* (курсив мой — Д.М.).

В этих высказываниях приведены две оценки одного и того же феномена spanglish. Первая — позиция пуриста, которого раздражает деформация того, что он называет “lengua del imperio”. Вторая позиция — уравновешенный взгляд политика, который ориентирован на сохранение и дальнейшее аккумулятивное многообразие культурных и языковых ценностей и форм деятельности, сосуществующих в США, для создания “общекультурного пространства” в среде контакта разных этносов. Подчеркивая гибридные особенности этого смешанного языка и характеристики его пользователей, один из крупнейших современных американских социолингвистов К. Сильва Корвалан (университет Калифорнии) отмечает, что это отчасти испанский, на который повлиял английский, отчасти английский с сильно выраженным испанским влиянием. Выражения “Ir a supermarket”, “Hasta la bye-bye”, “Parquear el carro” стали настолько привычными в словоупотреблении жителей Лос-Анджелеса, что это дало исследовательнице повод отметить: “muchacha

gente pasa del inglés al español sin darse cuenta y en el proceso se va creando el spanglish” (“многие люди переходят с английского на испанский, не отдавая себе в этом отчета, в результате рождается spanglish”). Автор отмечает, что это функциональная разновидность речи людей, владеющих испанским, но живущих в рамках американской среды и культуры. В общении между англо- и испаноязычным населением, недостаточно хорошо владеющим английским языком, — это упрощенный язык-посредник, который способствует достижению определенного взаимопонимания (Silva Corvalan, 1982)

Для более полного понимания феномена spanglish представляется целесообразным рассмотреть ту социальную среду, в которой он зародился и развивается. Согласно переписи населения, проведенной в 1990 году, в США с общей численностью населения 246,3 миллиона человек, число испаноговорящих составляло 24,2 миллиона, т.е. приблизительно 10 %. Выходцы из испаноязычных стран — это второе по численности национальное меньшинство в США после афроамериканцев. Показательна динамика роста численности населения из испаноязычных стран: в 1940 году в Соединенных Штатах было 2 миллиона жителей, говорящих на испанском; в 1976 — 10 с половиной миллионов; в 1980 — более 13 миллионов; в 1984 — 17 с половиной миллионов; и, наконец, в 1990 — около 20 миллионов человек. Как указывают некоторые источники, вполне возможно, что к 2020 году количество испаноязычных граждан США составит 15 % от общей численности населения.

Важно отметить неоднородность испанского языка в США. Согласно переписи 1990 года, более 60 % (13,6 миллионов человек) испаноговорящего населения — это выходцы из Мексики, 14 % (2,7 миллиона) — из Пуэрто-Рико, 6 % (1,07) — кубинцы. Остальные 20 % испаноговорящих приходятся на представителей Южной и Центральной Америки (2,9 миллиона человек) и выходцев из других испаноязычных стран (1,9 миллиона). Все они привезли на новую родину свой вариант испанского языка.

Расселение выходцев из латиноамериканских стран на территории США, как правило, связано со страной их происхождения. Так, по переписи населения 1980 года, 73 % из 8,7 американцев мексиканского происхождения проживали в Калифорнии и Техасе, еще 10 % — в Аризоне, Колорадо и Нью-Мексико. 61 % из 2 миллионов пуэрториканцев обосновался в Нью-Йорке и Нью-Джерси, еще 6 % — в Иллинойсе. 59 % выходцев с Кубы проживает во Флориде. Выходцы из других латиноамериканских стран, в основном Сальвадора, Гватемалы и Никарагуа, предпочитали селиться в Калифорнии. В Нью-Йорке, высок процент доминиканцев, колумбийцев и эквадорцев. Кроме того, выходцы из

стран Центральной Америки проживают в Нью-Йорке, Нью-Джерси и Иллинойсе.

Важным показателем расширения сферы действия испанского языка в США является рост периодических изданий на этом языке, в особенности, в штатах Калифорния, Техас, Нью-Мексико, Аризона и Колорадо, где проживает более 20 % испаноязычного населения США. В целом существует 205 издательств, которые публикуют литературу на испанском языке. Крупнейшие из них: Amadeo Concha Press (фольклорная тематика), Biblioteca Siglo de Oro (испанские литературные тексты 16-18 вв.), Ediciones del Gato Tuerto (испанская и латиноамериканская поэзия), Nieves Press (книги о мексиканской культуре), Hanover Press (латиноамериканская литература).

В Соединенных Штатах издается более 500 названий газет и 152 журнала на испанском языке. Ниже приведены самые популярные издания:

Название	Место издания	Периодичность	Количество подписчиков
El Diario La Prensa	Нью-Йорк	ежедневно	75.000
Diario Las Americas	Майами	ежедневно	71.000
La Voz Hispana	Нью-Йорк	ежедневно	65.000
Miami Herald	Майами	ежедневно	60.000
Impacto	Нью-Йорк	ежедневно	58.000
La Prensa de Los Angeles	Лос-Анджелес	ежедневно	45.000
Tiempo Latino	Сан-Франциско	ежедневно	35.000
El Mensajero	Сан-Франциско	ежедневно	35.000
Noticias del Mundo	Лос-Анджелес	ежедневно	30.000
La Subasta	Техас	Среда, четверг, пятница	117.000
Vanidades	Майами	2 раза в месяц	65.000
Pimienta	Майами	ежемесячно	130.000
Aquí	Нью-Джерси	ежемесячно	100.000
Progreso	Нью-Йорк	ежемесячно	30.000

Интересен социологический анализ тематики ряда других изданий. Это литературные журналы La Nuez, Chasqui, Hispanoamerica; экономические издания Progreso, Unidos Magazine, специальные издания по разным отраслям знания (Control Ambiente Magazine, Auto Revista, Alimentos Procesados, Auto Mecanica Hispano, Textiles Panamericanos,

Petroleo Intenacional); медицинские журналы (Prevencion, Medix, Buena Salud); юмористические журналы “Pimienta” и “Aqui”, пользующиеся большой популярностью. Следует также упомянуть переводы на испанский язык американских изданий “Buenhogar”, “Joleas”, “Geomundo”, “Mecanica Popular”, “Cristina”, “Cosmopolitan” и др.

Журналы издаются тиражом от 16 тысяч до 55 тысяч экземпляров каждый. Это свидетельствует о том, что покупательная способность испаноязычных американцев достаточно высока и постоянно растет. По данным анализа, проведенного в начале 80-х гг. в Майами, среднегодовой доход семьи американцев мексиканского происхождения составлял 13.439 долларов, пуэрториканцев — 8.887 долларов, кубинцев и выходцев из других латиноамериканских стран — 19.116 долларов. Исследование, проведенное через 10 лет, в 1995 году, дало следующие результаты: среднегодовой доход испаноязычных американцев составил 25.000 долларов, в то время как в семье англосаксонского происхождения он был равен 35.000 долларов. Это более чем красноречивые цифры. Они дают основание заявлять, что доходы испаноязычных граждан США сравнительно высоки (Cuadernos Cervantes, 1995, № 5)

Тематика издаваемых журналов косвенно свидетельствует и о том, каков социальный состав испаноязычных американцев. Так, в Майами и Калифорнии это в основном средний класс, занятый в сфере торговли, бизнеса, социальной индустрии и обслуживания.

Вместе с тем, не следует забывать, что в США постоянно нелегально эмигрирует большое число пуэрториканцев и выходцев из Мексики. Согласно данным газеты “El Pais” (12-2-97), их число достигает 13 миллионов человек. Они пополняют ряды неквалифицированных рабочих и маргинальных деклассированных элементов, нередко становясь источником криминализации американского общества.

Каков же социальный статус испанского языка в США? Своеобразие лингвистической ситуации в США, как уже неоднократно отмечалось, состоит в том, что в нее сведены неоднородные языки — английский и испанский, функциональный статус которых неравноправен, что имеет и чисто лингвистические последствия. Поскольку основная сфера использования испанского — это преимущественно бытовое или неформальное профессиональное общение, ему в значительной степени свойственна монофункциональность, которая приводит к легкости внешнего влияния на него. Хотя официальная позиция, занятая властями США, декларирует равноправие культур, обычаев, традиций, языков национальных меньшинств, на практике наблюдается ориентация на явное доминирование идеи их ассимиляции для преодоления существенных качественных различий в культуре, религии, расовой принадлежности.

Достаточно обратиться к материалам прессы, чтобы убедиться, что в социальном и культурном аспектах позиция англоговорящего большинства в отношении испаноговорящего меньшинства часто оказывается враждебной. Хуан Висенте Боа, автор статьи “Vientos de fronda contra el español en los Estados Unidos” (El Pais, 12-08-95) прямо замечает по этому поводу: “español, un idioma que molesta a la mayoría de la población anglofona y que, en tiempos de aperturas económicas, se convierte, junto con los inmigrantes que lo hablan, en chivo expiatorio” (“испанский язык мешает большинству англоговорящих американцев. В эпоху, когда открываются экономические границы между странами, испанский язык, вместе с говорящими на нем иммигрантами, превращается в «козла отпущения»”).

Другие факты также свидетельствуют о непрестижности испанского языка в глазах англоязычных обитателей США. Так, в Техасе состоялся судебный бракоразводный процесс, на котором судья согласился отдать девочку матери при одном условии: мать не должна общаться с дочерью на испанском языке. Судья так аргументировал свое решение: “Si le sigue hablando en español a su hija la condenara a ser una criada” (“Если вы и дальше будете разговаривать с дочерью на испанском языке, то тем самым обречете ее стать служанкой”). И хотя адвокаты женщины опротестовали это решение и ее иск был удовлетворен, сам факт возможности вынесения подобного решения говорит о социальном неравенстве английского и испанского языков (статья “El Juez de Texas que prohibió a una mujer hablar con su hija en español anula la sentencia”. ABC, 3-10-95).

Возможна и другая позиция. В статье “Aguilas en Spanglish, perdidos fuera del gueto” автор-преподаватель испанского языка университета Джорджтауна Барбара Мухика сетует на то, что в местах плотного расселения испаноязычных граждан США (Майами, Калифорнии и т.д.), где преподавание в школе ведется на испанском, а в бытовой сфере учащиеся пользуются spanglish, школьники не знают английского. Поэтому они практически лишены возможности поступить в высшие учебные заведения. По статистическим данным, пишет автор статьи, только 60 % испаноязычных абитуриентов из-за недостаточного знания английского языка могут продолжать образование в High School. Тем самым, заключает Мухика, “они обречены жить в языковом гетто” (International Herald Tribune, 5-1-95).

Таким образом, три последние публикации как бы отражают две стороны одной медали: быть носителем Spanglish социально непрестижно, кроме того, это означает лингвистическую ущемленность индивида.

В некоторых сферах деятельности использование испанского языка официально запрещено законодательством на уровне штатов. Например в Аризоне в 1988 году в результате референдума был принят законопроект, запрещающий государственным служащим пользоваться испанским языком при выполнении служебных обязанностей (ABC, 9-12-94).

Не случайно во время президентской избирательной кампании 1995-96 гг. вопрос о статусе испанского языка в США стал козырной картой в политической интриге республиканца Боба Долла и демократа Билла Клинтона. Чутко улавливая настроение своих избирателей, каждый из них в своей предвыборной программе выдвинул вопрос о языковой политике, связав его с проблемами образования. Именно тогда возникла знаменитая контрверза English Only/Spanish Also (Spanish Plus). Неоднократные обсуждения этого вопроса в Конгрессе США выявили его сложность и противоречивость мнений по этому поводу. Основой для этой полемики послужило предложение Долла урезать государственное финансирование программ для обучения билингвов, которые под названием "doble via" успешно функционировали во многих городах Соединенных Штатов, в частности, в Чикаго и Вашингтоне. Суть этих программ заключается в том, что часть учебных дисциплин преподавалась по-английски, другие же предметы велись на испанском языке. Результаты, которых достигли обучающиеся по этой методике, оказались значительно лучше, чем при монолингвистическом обучении. Тем не менее, Долл и поддержавшие его сенаторы для сокращения расходных статей бюджета предложили упразднить Oficina de Educacion Bilingua-центр, созданный в 1969 году для координации и расширения обучения по методу "doble via". Было предложено придать английскому языку статус единственного официального языка в США, который должен обслуживать все сферы общения (English Only). В 1995 году это решение было принято 20-ю штатами страны, 12 штатов находились в стадии обсуждения этого законопроекта.

В этой связи в США рассказывают любопытную историю о том, что доктрина English Only возникла как реакция на особое функционирование испанского языка в Майами. Известно, что испаноязычная диаспора в этом городе, основу которой составляют богатые выходцы с Кубы, эмигрировавшие с острова после революции, использует испанский язык во всех сферах общения. Утверждается, что когда одна влиятельная дама так и не смогла добиться, чтобы в банковском учреждении Майами ее обслужили по-английски, она выступила с призывом к правительству защитить статус английского языка, провозгласив как принцип English Only (Cuadernos Cervantes, 1995, № 2)

Обеспокоенные судьбами своего языка, культуры и, в конечном итоге, самого испаноязычного меньшинства, испаноязычные сенаторы выступили с инициативой поддержать их законопроект в защиту билингвизма и обратились к Белому дому с просьбой к правительству США соблюдать американскую конституцию, которая “распространяется в равной степени на тех, кто родился с английским языком и тех, кто говорит на других языках”. В противовес политике English Only они выдвинули программу Spanish Plus, которая подчеркивает культурную и экономическую важность владения не только испанским, но и другими языками в таком многонациональном сообществе, каким являются Соединенные Штаты. По словам конгрессмена Луиса Серрано, “en estos momentos en los que las economías del mundo son más interdependientes que nunca, para obtener el éxito en el mercado internacional es necesario hablar y leer varias lenguas, así como para poder entender a personas de diferentes culturas” “в наши дни, когда экономики стран зависят друг от друга, как никогда раньше, для успеха на международном рынке необходимо говорить и читать на нескольких языках, равно как уметь понимать людей, принадлежащих к другой культуре” (ABC, 7-4-95).

Итак, преподавание испанского языка в США, система двуязычного обучения (по необходимости, с элементами spanglish) — это требование жизни и отражение проблем, существующих в разных сферах общественной жизни США, от которых невозможно уйти, учитывая пеструю этническую картину страны.

Испанский язык настолько вошел в американский мир, что еще в 1982 году Джон Майсбит (John Maisbitt) в своем аналитическом эссе под названием “Megatrends”, говоря о настоящем и будущем США, заметил: “To be really successful, you will have to be trilingual: fluent in English, Spanish and computer” (“Чтобы добиться подлинного успеха, нужно быть триязычным: свободно владеть английским, испанским и компьютером”).

Л и т е р а т у р а

- Amastae, J., Elias Olivares, L. Spanish in United States: Sociolinguistic Aspects, Cambridge, 1982.
Cuadernos Cervantes. 1995, № 2, № 5
Ramirez, A. El español de los Estados Unidos: el lenguaje de los hispanos. Madrid, 1992
Silva Corvalan, C. El español actual de los Estados Unidos // Historia y presente del español en America, Valladolid, 1982.

ЛИНГВОПОЭТИКА

Языковые средства создания комического в рассказах М. Зощенко

© кандидат филологических наук Чжон Тэ Он (Республика Корея), 2000

Языковые средства представляют собой материал для создания комического. К ним относятся алогизм, каламбур, парадокс и пр.

Речь героя-рассказчика в произведениях Зощенко распадается на отдельные лексические единицы, принадлежащие к различным стилям. Столкновение разных стилей в одном и том же тексте говорит об определенном человеке, как правило, малограмотном, нагловатом и смешном. При этом интересно, что Зощенко удалось создать рассказы и повести, в которых почти несовместимые, даже взаимоисключающие лексические ряды могут существовать совсем близко друг от друга, они могут соседствовать буквально в одной фразе или реплике персонажа. Это позволяет автору свободно маневрировать текстом, предоставляет возможность резко, неожиданно повернуть повествование в другую сторону. В то же время это дает право говорить о том, что образ комического зощенковского героя-рассказчика сложный и многогранный.

Основная особенность техники создания словесного комизма у Зощенко – это алогизм. В основе алогизма как стилистического приема и средства создания комического лежит отсутствие логической целесообразности в использовании различных элементов речи, начиная с лексики и кончая грамматическими конструкциями. Словесный комический алогизм возникает в результате несовпадения логики рассказчика и логики читателя.

Зощенковский герой-рассказчик комичен потому, что он просто необразованный человек, невежа. Вероятнее всего, зощенковский герой-рассказчик – это малограмотная личность, поверхностно усвоившая разные языковые клише и употребляющая их как "к месту", так и "не к месту". Именно "употребление не к месту" характеризует алогизм мышления рассказчика и инициирует комический эффект.

В "Административном восторге" (1927) разлад создают антонимы, например:

"Но факт, что забрела [свинья] и явно нарушает общественный беспорядок" [I, 506].

Беспорядок и порядок – слова с противоположным значением. Кроме подмены слова, здесь нарушена сочетаемость глагола **нарушать** с существительными. По нормам русского литературного языка 'нарушать' можно правилами, порядок или иные нормы.

"Сейчас составим акт и двинем дело под гору" [II, 219].

Очевидно, в рассказе "Сторож" (1930) имеется в виду не **под гору**, (т. е. 'вниз'), а **в гору** ('вперед, улучшить положение дел'). Антонимическая подмена **в – под** создает комический эффект.

Разлад и разнобой возникает также за счет употребления нелитературных форм слова. Например, в рассказе "Жених" (1923):

"А тут, братцы мои, помирает моя баба. Сегодня она, скажем, свалилась, а завтра ей хуже. Мечется и бредит, и с печки падает" [I, 176].

Бредит – нелитературная форма от глагола 'бредить'. Вообще, следует отметить, что нелитературных форм в рассказах Зощенко множество: **бредит** вместо 'бредит' ("Жених" 1923), **голодуют** вместо 'голодают' ("Чертовинка" /1922/), **лягем** вместо 'ляжем' ("Гиблое место /1921/), **хитровой** вместо 'хитрый' ("Гиблое место"), **промежду прочим** вместо 'между прочим' ("Материнство и младенство" /1929/) и т.д.

Нелитературные слова создают комические эффекты, а герои воспринимаются читателями как необразованные обыватели. Именно язык дает картину социального статуса зощенковского героя. Такая подмена литературной, нормированной словоформы нелитературной, диалектной используется Зощенко для того, чтобы показать, что рассказчик, критикующий других за невежество, невежествен сам.

В словесной комической системе Зощенко язык рассказчика или героя накладывается на систему чужого языка. Стремление героя стать рядом с эпохой – ввести в свою речь новые, часто непонятные и даже иностранные слова, которые неправильно и не к месту употребляются, как бы вносит в рассказ неведомую рассказчику жизнь.

Частое сравнение советского с иностранным приводит к включению иностранных слов и даже целых предложений на иностранных языках. Особенно эффектны в этом плане чередования русских и иностранных слов и фраз, например:

"Нечик головой лягнул, дескать, битте-дритте, пожалуйста, заберите, об чем разговор, жалко, что ли" ("Качество продукции" /1927/), [I, 365].

Употребление слов в непривычном значении вызывает у читателя смех, служит средством создания комического эффекта. Так, например, Зощенко, нарушив нормативный литературный язык, создает синонимические ряды, типа **печатный орган – газета** ("Людоед" /1938/), **фотографическая карточка – лицо – морда – физиономия** ("Гости" /1926/).

"Вы бы вместо того, чтобы рвать печатный орган, взяли бы и заявили в редакцию" [II, 328].

"Впоследствии обнаружилось, что ему надуло фотографическую карточку, и три недели он ходил с флюсом" [I, 364].

Среди речевых средств Зощенко-стилиста – каламбур, игра слов, основанная на многозначности, омонимии и т. д.

При каламбуре смех возникает в том случае, если в нашем сознании более общее значение слова заменяется его буквальным значением. В создании каламбура главную роль играет умение найти и применить конкретный буквальный смысл слова и заменить им то более общее и широкое значение, которое имеет в виду собеседник. Это умение требует известного таланта. В целях создания каламбуров Зощенко пользуется сближением и столкновением прямого и переносного значений чаще, чем сближением и столкновением нескольких значений слова.

"Вот вы меня, граждане, спрашиваете, был ли я актером? Ну, был. В театрах играл. Прикасался к этому искусству" [I, 269].

В вышеприведенном примере, выписанном из рассказа "Актер" (1925), рассказчик, употребляя слово **прикасался**, использует его в переносном, метафорическом значении 'был сопричастен с миром искусства'. Одновременно **прикасался** имеет и значение неполноты действия.

Часто в каламбурах Зощенко проявляется двойственность в понимании смысла.

"Я с этой семьей находился прямо на одной точке. И был им как член фамилии" ("Великосветская история" /1922/), [I, 36].

"Я хоть человек не освещенный" ("Великосветская история" /1922/), [I, 32].

В речи героев Зощенко многочисленны случаи замены ожидаемого слова другим, созвучным и далеким по значению.

Так, вместо ожидаемого 'член семьи' рассказчик говорит **член фамилии**, 'человек непросвещенный' – **человек не освещенный**, и т. д.

Речь героя-рассказчика в комическом сказе Зощенко содержит много лишнего, она грешит тавтологией.

О тавтологичности языка героев Зощенко можно судить по следующим примерам:

"Одним словом, это была поэтическая особа, способная целый день нюхать *цветки и настуриши*..." ("Дама с цветами" /1930/).

На стилистическом уровне в рассказах Зощенко наблюдается столкновение газетного стиля с просторечием, использование в разговорной речи канцеляризм, столкновение архаической лексики с разговорным стилем речи.

Так, например:

"В театре-то все и вышло. В театре она и развернула свою идеологию во всем объеме" ("Аристократка" /1923/), [I, 170]; "Ты, зараза, не ори на меня. Не подрывай авторитета в глазах буржуазии" ("Мелкий случай" /1927/, [I, 372]).

В создании словесного комизма Зощенко изобретателен. Многие зощенковские выражения стали крылатыми – **старушка божий одуванчик, утомленная высшим образованием** или **собачонка системы пудель**.

Резюмируя изложенное, отметим, что словесные средства создания комического, а именно алогизм, стилистические подмены и смещения, столкновение нескольких стилей, причем часто даже в одном предложении, являются довольно продуктивным комическим средством. Они основаны на принципе эмоционально-стилевой контрастности.

Тем не менее, герой-рассказчик претендует на образованность и интеллигентность, но его речь полна вульгарной, просторечной лексики, иностранных слов, диалектизмов и деформаций грамматических и фразеологических конструкций.

Л и т е р а т у р а

Зощенко М. М. Рассказы. М.: Худож. литер., 1974.

Зощенко М. М. Собрание сочинений в трех томах. Л.: Худож. литер. 1986–1987.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

К вопросу о лингводидактических основах организации контроля при обучении русскому языку как иностранному

© доктор педагогических наук И. В. Михалкина, 2000

В методике преподавания русскому языку как иностранному проблемам контроля традиционно уделялось большое внимание¹. При этом контроль рассматривается как важнейший компонент системы обучения, коррелирующий с содержанием обучения, отражаемом в куррикулярных материалах и средствах обучения.

Последние годы ознаменовались для методики преподавания русского языка как иностранного выполнением актуального социального заказа – созданием Российской государственной системы сертификационного тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку. Данная многоуровневая система охватывает три основных направления теории и практики преподавания РКИ – обучение языку в целях общего владения, в целях получения специальности и в целях использования языка как средства делового общения.

Разработка научно-методических основ лингводидактического тестирования применительно к русскому языку, издание типовых тестов разных уровней по указанным направлениям способствовали активному внедрению в практику преподавания РКИ достаточно новой для российской методики формы контроля – тестирования.

По нашему глубокому убеждению, эффективность дальнейшего развития и внедрения системы тестирования находится в прямой и жесткой зависимости от степени учета взаимосвязанности процесса непосредственного обучения и организации контроля. Учет этой лингводидактической данности в одинаковой мере важен как для методистов-исследователей, авторов средств обучения и разработчиков тестовых материалов, так и для преподавателей-практиков.

В настоящей статье предлагается собственный взгляд ее автора на проблему взаимосвязанности системы обучения и системы контроля в ракурсе рассмотрения видов и функций контроля как важнейшего сис-

¹ См. работы Антоновой И. И., Аркадьевой О. М., Зыкиной М. И., Нахабиной М. М., Носенко Э. Л., Степановой Е. М., Шипица Л. В. и др.

темообразующего компонента целостной системы обучения, как неотъемлемого этапа педагогического взаимодействия.

В научно-методической литературе и непосредственно в практике преподавания РКИ различают следующие виды контроля: стартовый, текущий, промежуточный, итоговый и завершающий (конечный).

Цель **стартового контроля** — установление уровня обученности учащихся, которые прошли определенную подготовку вне образовательного учреждения/организации, где они собираются продолжить обучение. Он является отправной точкой коррекции учебных материалов, гипотетически адресованных потенциальным учащимся. Традиционно стартовый контроль проводился в группах студентов 1-го курса, прошедших начальную подготовку у себя на родине или на подготовительных факультетах вне выбранного для учебы вуза, при переводах из одного вуза в другой (с факультета на факультет), при курсорном обучении. Но если раньше система подготовки иностранных учащихся по русскому языку, прежде всего на начальном этапе, отличалась определенной гомогенностью, стандартизованностью в плане содержания обучения и использования единых средств обучения (издаваемых издательством «Русский язык» и издательствами ведущих вузов СССР), а также координацией в организации учебного процесса на подготовительных факультетах и на основных факультетах вузов, в зарубежных вузах стран социалистического сообщества и в вузах СССР, то сегодня ситуация в целом кардинально изменилась.

В настоящее время начальную языковую подготовку иностранных граждан может получить не только в вузе у себя на родине или в России, но и в многочисленных образовательных центрах, на частных курсах русского языка, с преподавателем-репетитором. Это положение распространяется и на учащихся, чьи интересы связаны с изучением русского языка как средства делового общения². Причем для данного контингента учащихся нередко характерен значительный перерыв между временем получения начальной языковой подготовки по русскому языку и продолжением изучения русского языка как средства делового общения, поэтому организация стартового контроля при обучении русскому языку как средству делового общения связана с решением ряда специфических учебно-методических и организационных проблем.

Определенную трудность представляет собой составление входного теста для учащихся, ранее получивших начальную языковую подготовку. Отправной точкой при создании батареи входных контролируемых заданий является информация, содержащаяся в заполняемой потенциальным

² Поскольку научно-методические интересы автора связаны с обучением русскому языку как средству делового общения, основной иллюстративный материал настоящей статьи коррелирует с данным аспектом преподавания РКИ.

учащимся анкете, где указывается количество часов и место обучения. Однако результаты стартового контроля в форме тестирования, проводимого в рамках учебных курсов Международной научно-практической программы филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова “Русский язык в деловом общении”, констатируют большую гетерогенность объема и структуры знаний и умений представителей названного контингента учащихся. Обычно учащиеся, прошедшие обучение в разных учебных заведениях у себя на родине, обнаруживают различный объем и разную структуру знаний, навыков и умений, которые трудно соотносимы с достижениями учащихся, получивших начальную языковую подготовку по русскому языку на подготовительных факультетах российских вузов за такое же количество часов. Так, были случаи, когда учащиеся, прошедшие начальный курс по русскому языку вне российских образовательных структур, вообще не владели, например, даже техникой письма, не говоря уже о навыках и умениях письменной формы речи. Именно поэтому организация стартового контроля является важнейшей проблемой методики обучения русскому языку как иностранному в целом и как средству делового общения в частности.

К традиционным видам контроля относится и **текущий контроль**, который проводится на каждом занятии и является обязательной, неотъемлемой частью процесса обучения русскому языку как иностранному на любом его этапе, при любых формах его организации.

Цель текущего контроля — проверка сформированности определенных навыков и умений, степени усвоения знаний, объем и структура которых соотносены с конкретным моментом обучения, ограниченным небольшим количеством академических часов (нередко контролируется усвоение материала текущего занятия). При текущем контроле используются как письменные, так и устные задания: это тренировочные лексико-грамматические упражнения, задания в тестовой форме, ответы на вопросы, микродиалоги, построенные в соответствии с заданными ситуациями, монологические высказывания /микротексты на определенные темы и др. Обычно элементы текущего контроля включаются в корпус заданий средств обучения.

Текущий контроль имеет особое лингводидактическое значение. Являясь одним из важнейших компонентов системы обучения русскому языку как иностранному, он способствует реализации принципа индивидуализации обучения. Учет результатов этого вида контроля позволяет найти оптимальное для каждой конкретной группы (или одного учащегося) соотношение условно-речевых, речевых и коммуникативных заданий, установить методически целесообразные пропорции контролируемых заданий, выполняемых в аудитории и дома. Кроме того, контрольные задания, представленные в средствах обучения, являются

своеобразными индикаторами степени достижения целей обучения, объявленных их авторами.

Промежуточный контроль при обучении, например, русскому языку как средству делового общения соотносится с циклами занятий, охватывающих учебный материал, связанный с определенным тематико-ситуативным фрагментом (ТСФ). Помимо знаний языкового материала и умений оперировать им в типичных речевых ситуациях проверяется степень сформированности умений в актуальных для данного ТСФ видах речевой деятельности, что положительно влияет на формирование целевого уровня коммуникативной компетенции в отдельных видах речевой деятельности.

Периодичность проведения промежуточного контроля традиционно планировалась в зависимости от условий обучения. Так, например, в рамках вузовского обучения он проводился обычно в форме контрольных работ в середине семестра. При обучении русскому языку как средству делового общения время проведения промежуточного контроля зависит от индивидуально обусловленных сроков прохождения материала в рамках определенного ТСФ. При проведении промежуточного контроля используются разнообразные формы контроля: тестирование, устное собеседование, письменные работы творческого характера (например, составление бизнес-плана, рекламных материалов различных жанровых разновидностей и др.).

Итоговый контроль в системе вузовского обучения традиционно проводится в конце каждого семестра в виде зачета или экзамена. При обучении русскому языку как средству делового общения он совпадает со стандартизированным тестированием на получение сертификатов первого, второго или третьего уровней владения русским языком как средством делового общения и проводится по завершению обучения в рамках программы того или иного уровня.

Завершающий (конечный) контроль в рамках системы обучения русскому языку как средству делового общения осуществляется в форме стандартизированного тестирования на получение сертификата четвертого уровня (уровня свободного владения языком в указанных целях). Этот вид контроля проводится в конце полного курса обучения³.

Все перечисленные выше виды контроля соотносятся с определенными этапами обучения, их конкретными временными отрезками и выполняют определенные функции. В классификацию функций контроля, предлагаемую автором настоящей статьи, входят следующие функ-

³ О системе сертификационного стандартизированного тестирования по русскому языку как средству делового общения см.: *И. В. Михалкина*. Лингвометодические основы обучения иностранных граждан русскому языку как средству делового общения: Дисс. ... доктора пед. наук. М., 1998.

ции: результативно-констатирующая, диагностическая, распределительная, обучающая, мотивационная, управляюще-корректировочная, аналитическая, прогностическая, научно-исследовательская и функция индикатора прогресса в обучении.

Реализация данных функций контроля, рассмотрение их относительно различных видов контроля позволяет ученым-методистам, авторам куррикулярных материалов и средств обучения, а также преподавателям-практикам методически корректно определить степень взаимосвязанности системы обучения и системы контроля.

Одной из наиболее часто реализуемых функций контроля является **результативно-констатирующая функция**. Она присуща всем видам контроля и проявляется в том, что на основании результатов контроля в констатирующем порядке можно определить:

1) при стартовом, итоговом и завершающем контроле — уровень владения русским языком как средством делового общения, степень сформированности проверяемых навыков и умений испытуемых, выраженную в процентном отношении и коррелирующую с установленным критерием, а также идеальным результатом контроля (100%);

2) при текущем и промежуточном контроле — успешность обучения в рамках учебного материала, ограниченного аудиторным занятием или циклом занятий (в границах ТСФ).

Всем видам контроля присуща также **диагностическая функция**. Она проявляется в том, что результаты контроля позволяют определить ошибки испытуемых, выделить путем методической обработки наиболее типичные из них, демонстрирующие пробелы в знаниях и умениях испытуемых, что позволяет в свою очередь диагностировать систему обучения, в рамках которой велась языковая подготовка учащегося до момента контроля.

Диагностическая функция способствует:

1) при стартовом контроле — составлению учебных программ (планов), адекватных уровню владения учащимися русским языком;

2) при текущем контроле — оперативному устранению выявленных ошибок, восполнению пробелов в знаниях и умениях учащихся;

3) при промежуточном контроле — своевременной коррекции плана дальнейшего обучения с учетом выявленных наиболее типичных ошибок;

4) при итоговом и завершающем контроле — выявлению (на основании типичных ошибок учащихся) недостатков в организации процесса обучения.

Тесно связанная с результативно-констатирующей и диагностической функциями **распределительная функция** контроля проявляется в том, что на основании качественных и количественных характеристик

результатов стартового контроля испытуемых можно распределить по учебным группам в соответствии с выявленным уровнем владения русским языком.

При проведении текущего контроля во время аудиторных занятий и при самостоятельном выполнении домашних заданий, снабженных “ключами”, наиболее ярко проявляется **обучающая функция** контроля. Она обеспечивает учащемуся необходимую тренировку, способствующую выработке у него навыков и умений “трансфера”, т.е. использования полученных языковых знаний и умений в новых речевых ситуациях.

Стартовому, текущему и промежуточному контролю присуща **мотивационная функция**. Она усиливает мотивационную основу обучения: результаты контроля обычно стимулируют учащегося к устранению обнаруженных пробелов в объеме и структуре его знаний и умений, активизируют его внутренние резервы, стремление повысить уровень владения русским языком.

Управляюще-корректировочная функция проявляется при проведении текущего и промежуточного контролей, результаты которых позволяют преподавателю корректировать тактики и приемы обучения, а также содержание обучения с учетом индивидуальных особенностей усвоения учащимся учебного материала.

Аналитическая функция, реализующаяся при промежуточном контроле, позволяет учащимся увидеть систему координат контроля и в соответствии с ней проанализировать свою учебную деятельность в определенный период учебного процесса (в рамках ТСФ).

Прогностическая функция контроля проявляется в том, что по результатам проведения промежуточного и итогового контроля с большой долей вероятности можно прогнозировать:

- степень успешности планируемого учебного процесса;

- прагматический эффект процесса обучения (эффективность полученных знаний и сформированных умений), т.е. успешность решения учащимся конкретных профессиональных задач в ходе реального общения на русском языке.

Нельзя не отметить особую значимость **функции индикатора прогресса в обучении**, которая проявляется при последовательном сравнении результатов стартового, промежуточных и итогового контролей. Сравнение результатов стартового и промежуточного контролей (или ряда промежуточных контролей, либо промежуточного и итогового контролей) является индикатором не только прогресса в обучении, но и эффективности организации учебного процесса.

Для методистов, авторов учебников и учебных пособий, составителей тестов чрезвычайно актуальна **научно-исследовательская функ-**

ция контроля. Следует особо подчеркнуть, что контроль не есть самоцель. Он является , как уже неоднократно подчеркивалось выше, важнейшим компонентом системы обучения, своего рода индикатором ее качества. Результаты контроля показывают степень эффективности этой системы и позволяют в случае необходимости осуществлять ее корректировку. Кроме того, на основании анализа результатов контроля можно определить качество самих контрольных материалов, их адекватность поставленным методическим задачам и концепции обучения в целом.

Таким образом, для построения целостной системы обучения русскому языку как иностранному (в любых целях) и последовательной реализации ее базисной концепции необходимо уделять особое внимание взаимосвязанности системы обучения и системы контроля, методически корректно осуществлять анализ результатов контроля, учитывая корреляцию основных видов контроля с его определенными функциями.

Некоторые аспекты обучения нефилологов русскому произношению

© Н. Н. Касько, 2000

При обучении русскому произношению традиционно выделяются два аспекта:

1. Аспект корректировки произношения отдельных звуков, фонетических слов с учетом их слоговой структуры, словосочетаний и предложений с учетом их деления на возможные ритмические структуры, а также интонационного оформления каждой структуры.

2. Функциональный аспект, то есть употребление названных единиц в текстах различной сложности и различной эмоционально-стилистической окрашенности (монологические, диалогические тексты, тексты по специальности, художественные тексты).

Корректировочные курсы по фонетике и интонации русского языка получили широкое распространение в процессе обучения современному русскому языку как иностранному. Существуют как общие корректировочные курсы, рассчитанные на обучение различных категорий учащихся (филологи/нефилологи), так и целенаправленные курсы, учитывающие различную профессиональную специфику учащихся (экономисты, историки, социологи, психологи и т. д.), то есть учитывающие язык будущей специальности. В настоящее время усиливается тенденция к созданию курсов, предназначенных для конкретного в языковом отношении контингента (корейцев, японцев, немцев и т. д.). В рамках таких курсов фонетика русского языка воспринимается и изучается на фоне других языков, в сопоставлении с этими языками.

Содержание корректировочного курса русской фонетики определяется необходимостью решения следующих задач:

1. Обучение правильному восприятию звуков, слогов, слов, словосочетаний и предложений на слух.

Известно, что восприятие фонетических единиц иностранными учащимися происходит в результате сложного взаимодействия двух или нескольких языковых систем. Как писал А. А. Реформатский в своей работе “Фонологические этюды”, восприятие звуков чужого языка происходит сквозь “фонологическое сито родного языка”¹.

2. Постановка и автоматизация произношения звуков, слогов, слов, словосочетаний и предложений.

¹ Реформатский А. А. Фонологические этюды. М., 1975.

При воспроизведении той или иной звуковой единицы проявляются определенные отклонения, связанные с типологическими и специфическими особенностями как изучаемого, так и родного языков. Так, например, реализация фонемы <t> в сильной позиции в различных языках может быть представлена разными артикуляционно-акустическими характеристиками: у немцев — с придыханием и апикальным укладом языка, у русских — без придыхания и с дорсальным положением кончика языка.

Поэтому в результате взаимодействия близких по своему фонемному составу языков, например русского и польского, создаются предпосылки к возникновению устойчивых черт акцента. Кажущееся сходство может быть более опасно, чем яркое различие. Так, в произношении поляков все русские гласные сдвинуты вперед, и устранить эту произносительную черту крайне сложно в силу сходства фонемного состава русского и польского языков. Наоборот, языки, не сходные по своему фонетическому строению, имеют меньше предпосылок для возникновения устойчивых черт акцента, так как артикуляционные характеристики звуков слишком различны.

При постановке и автоматизации произношения звуков, слогов, слов, словосочетаний и предложений особая роль отводится артикуляционным схемам, осязаемым моментам артикуляции, звукам-помощникам и благоприятной фонетической позиции².

При корректировке произношения с помощью “звуков-помощников” используются, прежде всего, благоприятные позиции для звука в изучаемом языке. Так, например, при постановке твердого согласного [л] наиболее благоприятными позициями будут не только сочетания [л] с заднеязычными согласными, что обычно используется при постановке этого звука: *кла, кло, гла, гло...*, но и сочетания [л] с гласными переднего ряда, особенно с гласным [ы]. Кроме того, как показывает практика, твердый согласный [л] можно “поставить”, используя сочетания [л] с гласными разного подъема: [ла], [ло], [лу], [ал], [ол], [ул]. При постановке мягких согласных благоприятным является их сочетание с гласными переднего ряда [и], [е].

Известно, что, кроме “звуков-помощников” и благоприятных позиций при постановке произношения, учитывается и роль осязаемых моментов артикуляции. К числу их относится, например, выпячивание губ при произношении лабиализованных гласных и согласных, усиление плотности смычки при произношении губных смычных, сила воздушной струи при эксплозии.

² См. об этом: Методика преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе / Дергачева Г. И., Кузина О. С., Малашенко Н. М. и др. – М., 1986. – С. 35-36.

Следует обратить внимание на то, что не все корректировочные пособия по фонетике учитывают при постановке артикуляции звуков такие звуковые характеристики, как напор воздушной струи и плотность смычки. Между тем ослабление силы воздушной струи при образовании смычных согласных приводит к образованию имплозивных звуков, особенно в позиции конца слова. Например: *вог* – *во[m̥]*; *снег* – *сне[k̚]*. Усиление напора воздушной струи приводит к появлению придыхания, что не характерно для артикуляции русских смычных [т], [п], [к]: (*т*ак, п*акт...*).

Ослабление смычки, например, при образовании смычных губных, делает русские губно-губные близкими по звучанию к губно-зубным фрикативным согласным.

Если постановка звука происходит на отрезке звука и слога, то автоматизация произношения связана со структурой слова, словосочетания и предложения. Поэтому любая тема корректировочного курса должна включать упражнения не только на постановку звуков, но и на отработку произношения различных слов, словосочетаний, предложений, текстов.

В задачи современного корректировочного курса входят, во-первых, усвоение всех необходимых артикуляторных работ для воспроизведения звуков изучаемого языка (то есть усвоение новой артикуляторной базы), во-вторых, воспроизведение фонетических слов с учетом их слоговой структуры. Так, во многих случаях акцент создается не только различием в артикуляции отдельных звуков, но и в значительной степени различием в слоговых структурах, с чем связаны и трудности в воспроизведении звуков. Например, жесткая структура слога в корейском языке (отсутствие конечного шумного согласного) приводит к смещению словоформ *топь* – *топи*, *суть* – *сути*, *закономерность* – *закономерности* и других.

Функциональный аспект обучения произношению связан с употреблением звуковых, ритмических и интонационных единиц в структуре слова и предложения.

В этой области практической фонетики, наряду с методически достаточно разработанными проблемами, к числу которых относится, например, постановка произношения различных типов ИК, остается еще много нерешенных проблем.

Среди них следует отметить своеобразие русской слоговой структуры на фоне иноязычных систем. В этом направлении проведен целый ряд исследований, связанных с особенностями слоговой структуры русского слова. К таким исследованиям слоговой структуры следует отнести, прежде всего, следующие работы: *Пауфошима Р. Ф.* О структуре слога в некоторых русских говорах, *Златоустова Л. В.* Фонетиче-

ская структура слова в потоке речи, *Бондарко Л. В.* Слоговая структура речи и дифференциальные признаки фонем³.

Как показывает анализ экспериментальных исследований в этой области, поток русской звучащей речи членится на последовательность открытых слогов, даже если между гласными находится сочетание согласных, независимо от их качества. Исключение составляет сочетание сонорных с шумными согласными: [кни-шкь], [дру-жба], но [ар-ба], [ал-гар'].

Подавляющее большинство слов в русском языке начинается с согласного звука С (причем русское слово может начинаться с любого согласного), а оканчивается на гласный Г, то есть наиболее типичной слоговой структурой является структура СГ. Тенденция к открытому слогу в русском языке тесно связана с возникновением побочной слоговости, то есть с появлением вставных гласных в русской речи. Появление вставных гласных отмечено также и в иностранном акценте (корейский, монгольский, японский и т. д.), однако в этом случае они появляются там, где их появление нарушает или разрушает смысловое различие и создает проблемы при восприятии русской речи.

Для русской звучащей речи в рамках фонетического слова характерно появление вставных гласных, которые не имеют фонологического статуса. Носители русского языка не слышат и не воспринимают эти гласные вставки. Наличие этих вставок в русском языке создает благоприятные условия для вставных гласных в иностранном акценте, которые уже приводят к искажению или разрушению смысла (ср. *страна* – *сторона*) и затрудняют понимание речи в целом. Вставные гласные в иностранном акценте носители русского языка обычно воспринимают как слогаобразующие гласные. Это происходит потому, что качество вставных гласных в иностранном акценте (длительность, интенсивность, тембр) отличаются от вставных гласных в русском языке.

Поскольку фонетическая структура слога во многом определяет структуру фонетического слова, то эта черта акцента влияет на общую ритмическую структуру слова. Методика устранения этой особенности, известной в практике обучения русскому произношению, пока еще недостаточно разработана, хотя данная особенность имеет функциональную значимость. Ср.: *проход* – *пароход*, *здание* – *задание*, *сбор* – *собор*.

Вставки могут быть разного артикуляционно-акустического качества, что зависит от позиций, в которых они возникают. Так, например, в

³ *Пауфошима Р. Ф.* О структуре слога в некоторых русских говорах // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977; *Бондарко Л. В.* Слоговая структура речи и дифференциальные признаки фонем: Автореф. дисс... доктора филол. наук. Л., 1969; *Златоустова Л. В.* Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962.

сочетании с задненебными согласными вставки имеют *ы*-образный оттенок, а в сочетании с губными — *у*-образный оттенок.

Другой проблемой методики обучения русскому произношению является фонетическая структура русского слова как таковая. В силу того, что в русском языке этот аспект фонетики также мало изучен, представляется затруднительным создать целостную систему обучения произношению русских фонетических слов.

Главная трудность заключается в том, что в русском языке нет определения фонетического слова. В некоторых случаях это понятие объединяется с понятием такта, тактовой группы, которое основано на чередовании ударных и безударных слогов (М. В. Панов)⁴. В других случаях фонетическое слово рассматривается как ритмическая структура РС (Л. В. Златоустова)⁵, то есть как одно или несколько слов (полнозначных или служебных), объединенных одним словесным ударением. Или, наконец, фонетическое слово может пониматься как отрезок звуковой цепи, объединенный одним словесным ударением (Л. Л. Касаткин). Из всех этих определений понятия фонетического слова для методики постановки произношения оказываются важными следующие положения:

1. Знаменательное слово должно рассматриваться как единое целое с примыкающими к нему служебными словами: *за_тобный*, *на_мостк*, *скажль_ка*, *под_стольм* и т. д.

2. Обычно в составе фонетического слова ударной словоформой является словоформа знаменательного слова, однако в некоторых случаях ударение могут принимать на себя служебные слова, на что также необходимо обратить внимание студентов: *нй дом*, *пньд гору*, *пнь морю*, *нг был*.

3. Фонетическое слово является определенной ритмической единицей, основанной на чередовании ударных и безударных слогов: та, тй-та, та-тй, тй-га-та, та-тй-га, та-га-тй... Частотность единиц, имеющих различную ритмическую структуру, разнообразна.

В силу всего сказанного в ходе постановки произношения представляется целесообразным использовать следующую систему упражнений.

1. Постановка произношения слова в его лексическом значении с различным положением ударения (*выставка*, *товарищ*, *холодй*; или *холодно* — *холодй*, *выставка* — *выставлять*, *дорого* — *дорогй*).

⁴ Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

⁵ Златоустова Л. В. Фонетические единицы русской речи. М., 1981.

2. Постановка произношения фонетического слова, в котором имеем место ритмическое объединение служебных слов со знаменательным словом: *за тобой, на мосту, на дом...*

В этом случае следует обратить внимание на тот факт, что слово в сочетании с проклитиками и энклитиками представляет собой целостную РС: *под мостом* (та-та-тђ), *купил бы* (та-тђ-та).

3. Постановка произношения тактовых, ритмических групп слов: *стол и стул, скажи им.*

Если в первых двух случаях фонетическое слово, как правило, остается неизменным, то объем тактовых групп слов может быть подвижен. Характер этого объема зависит от синтагматического членения речи и ее интонационного оформления. Ср.: *Стол и стул. Стол / и стул. Скажи им. Скажи / им.*

Следующей проблемой методики обучения русскому произношению в функциональном аспекте является работа над словосочетанием.

Эта проблема объединяет несколько направлений практической фонетики, связанных с автоматизацией произношения звуковых единиц, произношением фонетических слов, интонационным оформлением словосочетаний.

Практические пособия по фонетике и интонации почти не включают материал, относящийся к работе над словосочетанием, в систему упражнений. Между тем эта работа должна предшествовать изучению интонационного оформления предложения. Методика работы над этим материалом может быть представлена следующими направлениями:

1) Ритмическая организация словосочетаний, которая определяется ритмическими моделями входящих в это словосочетание фонетических слов: *писать доклад* (та-тђ, та-тђ); *лекция интересная* (тђ-та-та, та-та-тђ-та); *прочитать статью* (та-та-тђ, та-тђ).

2) Взаимосвязь ударения и интонации в рамках словосочетания. В этом случае мелодический рисунок словосочетания определяется соотношением ударных/безударных слогов и особенностями движения тона в связи с интонационным оформлением словосочетания (*написать конспект, написать конспект, написать конспект? написать конспект?*).

Наиболее важной в коммуникативном отношении проблемой является работа над интонационным оформлением предложения и шире – текста.

Рассматривая эту проблему с опорой на работы Е. А. Брызгуновой⁶, следует подчеркнуть, что в рамках корректировочного курса по

⁶ См.: Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. – М., 1977; Русская грамматика. – М., 1982. – Т. 1.

русской фонетике для нефилологов особую важность приобретает работа с текстом по языку специальности. Такие тексты могут быть представлены двумя основными разновидностями: монологический текст (МТ) и диалогический текст (ДТ).

Характер этих текстов, с точки зрения звукового оформления, является различным. Если отличительной чертой МТ является принцип синтагматического членения и употребление нейтральных типов ИК, а также вариативность их употребления, то в ДТ важнейшей чертой является употребление, наряду с нейтральными типами, эмоциональных типов ИК, обладающих функционально-стилистической значимостью. В то же время синтагматическое членение в ДТ не столь важно, как в МТ.

Проиллюстрируем это положение следующими примерами. Отрывок из монологического текста, который приводится ниже, может быть представлен в речи несколькими вариантами, разница между которыми определяется: изменением места синтагматического членения (пример 1), употреблением различных типов ИК (пример 2) и изменением места центра ИК (пример 3).

Пример 1.

Человек / получает информацию / не только с помощью обычного языка, / но и посредством разнообразнейших событий / внешнего мира. //

Человек получает информацию / не только с помощью обычного языка, / но / и посредством разнообразнейших событий / внешнего мира. //

Пример 2.

Человек / получает информацию / не только с помощью обычного языка, / но и посредством разнообразнейших событий / внешнего мира. //

Человек / получает информацию / не только с помощью обычного языка, / но и посредством разнообразнейших событий / внешнего мира. //

Пример 3.

Человек / получает информацию / не только с помощью обычного языка, / но и посредством разнообразнейших событий / внешнего мира. //

Человек / получает информацию / не только с помощью обычного языка, / но и посредством разнообразнейших событий / внешнего мира. //

Все перечисленные интонационные средства (тип ИК, место интонационного центра, синтагматическое членение) уточняют смысл высказывания, варьируют различные оттенки значений.

В большей степени, чем в МТ, потенциальные возможности лексико-грамматической структуры текста раскрываются с помощью инто-

национальных средств в ДТ, что определяется наличием/отсутствием синтагматического членения (пример 1), изменением реализаций различных типов ИК (пример 2), изменением места центра ИК (пример 3).

Пример 1.

- Семинар³ / начинается завтра¹.
- Спасибо, я обязательно буду.
- Семинар³ начинается завтра?
- Нет, симпозиум.

Пример 2.

- Пятого числа начинается конференция.
- Какая конференция?
- По семантике.
(вопрос с вопросительным словом).
- Ты не знаешь, какая конференция будет пятого числа?
- Какая конференция? По семантике.
(повторение вопроса при ответе)
- Какая конференция!
- Да, жаль, что меня не было.
(повествовательное оценочное предложение)
- Какая-то конференция была посвящена этой теме.
- Да, но я ничего не помню. Какая конференция? Не могу вспомнить.
(вопрос-припоминание)
- Ты будешь пятого числа на конференции?
- Какая конференция! Я завтра уезжаю.
(повествовательное предложение со значением невозможности признака, действия, состояния)

Пример 3.

- Ты написала реферат³?
- Какой реферат⁷! Я еще ни одной книги не прочитала.
(повествовательное предложение со значением невозможности признака, действия, состояния)
- Ты уже прочитал реферат³?
- Конечно, прочитал, / с большим удовольствием. Какой реферат⁷!
(повествовательное оценочное предложение)

Такой метод исследования текста еще мало изучен и почти не используется в практических курсах по русскому языку. Между тем взаимодействие синтаксиса, лексики, интонации и контекста составляют коммуникативную основу любого текста.

К вопросу отбора учебного материала для обучения иностранцев профессиональному общению на русском языке

© И. В. Супрун, 2000

Обучение учащихся-нефилологов русскому языку как иностранному (далее РКИ) прагматично по своей целенаправленности. В силу этого эффективность обучающего процесса во многом определяется степенью соответствия содержания обучения, в том числе и учебного материала, социально обусловленным коммуникативным потребностям, возникающим у учащихся в той или иной сфере общения.

В последние десятилетия одной из актуальных проблем, решаемых учеными-методистами РКИ, является проблема отбора учебного материала для обучения иностранцев профессиональному общению на русском языке.

Как известно, коммуникативно-деятельностное обучение РКИ предполагает обязательный учет следующих факторов: сферы общения, темы и ситуации, типов коммуникативных задач, речевых действий, соответствующих типу ситуации. В зависимости от степени значимости этих факторов для формирования у студентов-нефилологов необходимого уровня коммуникативной компетенции (далее КК), обеспечивающей адекватную речевую деятельность в определенной сфере общения, может возникнуть насущная потребность в выделении аспекта для обучения тому или иному типу общения. В частности, иностранные учащиеся военного ВУЗа (далее ВВУЗ) на продвинутом этапе (далее ПЭ) обучения включаются в командно-деловое общение, функционирующее в рамках так называемых групповых занятий. В силу этого возникла необходимость выделения в программе дисциплины РКИ аспекта "Командно-деловая речь".

В процессе разработки учебного материала аспекта обучения профессиональному общению преподаватель-русист должен четко представить планируемый портрет речевой личности, ту вариативную его модификацию¹, которая способна осуществлять корректную и адекватную речевую деятельность в определенной сфере общения, обладая при этом достаточным уровнем КК.

¹ Клобукова Л.П. Лингвометодические основы обучения иностранных студентов-нефилологов гуманитарных факультетов речевому общению на профессиональные темы. Дисс. ... докт. пед. наук. — М., 1995. — С. 60.

Условно-механистическое деление КК, понимаемой как единая вербальная способность личности, на языковую, дискурсивную, прагматическую, стратегическую и предметную облегчает решение методической задачи планирования, организации обучения профессиональному общению учащихся-нефилологов. Приоритет внимания тому или иному компоненту КК зависит от этапа обучения.

На ПЭ обучения РКИ в ВУЗе, на наш взгляд, являются вторая, третья составляющие КК; формирование четвертой и пятой обеспечивается преимущественно знанием учебного материала по профилирующей специальности обучаемых.

Общепризнанно, что при обучении РКИ ядром учебного материала является коммуникативный минимум. В настоящее время определены два подхода к выявлению и описанию компонентов коммуникативного минимума: первый подход признает следующую последовательность – сферы общения, темы, речевые ситуации, задачи общения; второй предполагает вначале выявление типично-коммуникативных ситуаций, номинацию актуальных коммуникативных задач и как завершение формирование текстотеки. В частности, при отборе коммуникативного минимума командно-делового общения, имитируемого на групповых занятиях в ВУЗе, мы опирались на второй подход, считая, что тематическое содержание и формально-вербальный план речевых действий при профессиональном общении задается, в первую очередь, ситуацией.

В силу сказанного будет логично рассматривать как структурно-организационную единицу учебного материала для обучения профессиональному общению такую макроединицу как тематико-ситуативный фрагмент (далее ТСФ), который представляет "определенную область конкретной сферы общения, характеризующуюся типичными ситуациями и продуктами речевой деятельности, объединенными на основе общности обозначенных и раскрываемых в них тем². Так, например, анализ коммуникативного содержания командно-делового общения, имитируемого на практических занятиях в военном ВУЗе, позволил определить восемь ТСФ, ставшими опорными элементами организации учебного материала в рамках соответствующего аспекта обучения.

Вопрос определения учебного текстового материала тесно связан с проблемой соотношения при этом тем и ситуаций. Признавая тот факт, что при обучении профессиональному общению на ПЭ обучения ведущую роль в методической организации учебного процесса играет речевая ситуация, позволим утверждать, что метатемный способ отбора

² Михалкина И. В. Коммуникативное и языковое содержание обучения профессиональному общению специалистов в области внешнеэкономических связей. Дисс. ... канд. пед. наук. – М., 1994. — С. 40.

тематического ядра учебного текстового материала аспекта обучения профессиональному общению не может быть исчерпывающим. Более продуктивным можно считать путь выявления частотных логико-смысловых блоков (далее ЛСБ) – "фрагментов речевых произведений, в которых заключены определенные аспекты рассмотрения изучаемого объекта"³.

Каждый ЛСБ предполагает наличие определенного пропозиционального плана, элементы которого имеют свои формы вербальной реализации. В частности, в рамках командно-делового общения (анализировались групповые занятия по специализации "Управление частями и соединениями истребительной авиации") ЛСБ "Действие подразделений, частей и соединений" соотносится с тремя пропозициями: "Необходимость выполнения действий", "Побуждение к выполнению действия"; "Прогнозирование хода действий".

Учебный текстовый материал должен соответствовать не только регистру тематических блоков, но и каталогу речевых действий, интенций и формально-вербальному плану их выражения.

Как показал анализ коммуникативного содержания командно-делового общения иностранных учащихся ВВУЗов на групповых занятиях той же специализации, тип речевой ситуации (далее РС)¹, порождающий сообщающие речевые действия (далее РД)¹, является доминирующим; следующую ступень занимают РС², порождающие побудительные РД². Следует отметить, что РД обоих типов РС носят стандартный характер, что обусловлено социолингвистическими особенностями командно-делового общения. РД³, реализующие вопросительные действия, малочисленны и не закреплены стандартом за определенной РС (за исключением вопросов-клише, имеющих больше этикетный характер, типа "Разрешите доложить?", "У кого есть вопросы?", "Есть еще предложения?". Соотношение РС / РД сообщающего и побудительного характера в рамках каждого ТСФ, неравномерно, и этот факт следует учитывать при поурочном распределении учебного материала.

Решая проблему отбора учебного материала (коммуникативного минимума), важно определить соотношение интенционального, пропозиционального и формально-вербального планов РД. Пропозиции и варианты их структурно-вербальных реализаций отражают в первую очередь предметное содержание командно-делового общения, поэтому они органично вошли как системные элементы названных тематических опор – ЛСБ. Естественно, что формально-вербальный план частотных пропозиций, выявленных нами в рамках ЛСБ, является одновременно и строительным материалом интенций, реализуемых учащимися.

³ Михалкина И. В. то же. — С. 31-32.

Мы разделяем точку зрения И. С. Кокориной на то, что в высказывании, кроме коммуникативных намерений, "воплощены и некоторые содержательные, информативные намерения, дающие пропозитивной информации определенную проекцию, актуальную для данной речевой ситуации"⁴.

Вопрос об отборе коммуникативно значимого языкового материала связан с выявлением вариантов вербальных реализаций интенций (интенциональный регистр командно-делового общения на практических занятиях по специализации "Управление частями и соединениями истребительной авиации составил 25 речевых интенций).

Определяя формально-вербальный план интенционального регистра командно-делового общения на групповых занятиях, мы считали целесообразным включить в предъявляемый коммуникативный минимум схематические образцы аутентичных предложений, стандартных для той или иной интенции. Чтобы схематический образец был "основой для построения предложения, в него нужно включить более обширную информацию о средствах и способе выражения некоторого заданного смысла. Такой образец получил название комплексного формально-семантического образца <...>"⁵.

Не менее важно учесть и то, что варианты вербальных реализаций интенций отражают коммуникативную функцию не только субъектно-предикативного (предикативного) центра предложения, но и синтаксем (связанных, обусловленных, свободных, распространенных⁶).

В результате анализа стилевых особенностей командно-деловой речи была констатирована частотность использования простых сильно распространенных предложений нередко с развернутым рядом однородных членов. Этот факт убедил нас в том, что в комплексные образцы (далее КО) вербальных реализаций интенций должен быть включен, помимо структурно-вербального плана пропозиций, соотносящихся с ЛСБ, формально-вербальный план так называемых номинализованных пропозиций⁷, которые могут означать объектные (а), временные (б), условные (в) отношения, способ осуществления действия (г). Например: а) сосредоточить внимание на связывании боем, уничтожении противника; б) с началом боевых действий, по команде с командного пункта; в) в условиях применения помех, при совместном применении самолете-

⁴ Кокорина И. С. Об отражении в высказывании речевых интенций говорящего и некоторых задачах прикладного описания языка // Русский язык за рубежом – 1990, №4. – С. 72.

⁵ Володина Г. И. Описание семантических классов предложений в целях преподавания русского языка как неродного. – М., 1989. – С. 107.

⁶ Золотова Г. А., Онищенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998. – С.50-52.

⁷ Касаткин, Клобуков, Лекант. Краткий справочник по современному русскому языку, — М., 1995. – С. 327.

тов; г) путем связывания боем. При составлении КО аутентичных предложений, служащих для реализации интенций, важно также указать – в форме вопроса — на присутствие других распространителей предикатной основы предложения (имеются в виду синтаксемы, не имеющие пропозиционального статуса). Также в силу таких особенностей командно-деловой речи, как клишированность и минимизированность лексико-грамматических единиц, мы считаем целесообразным в образцах предложений предъявлять предикаты и номинализованные пропозиции как лексически обозначенные.

Проиллюстрируем сказанное примерами речевых интенций (далее РИ) и соответствующих им КО.

Речевые интенции	Комплексные образцы аутентичных предложений
"Изложение замысла старшего начальника"	Для достижения <i>чего кто</i> решил <i>когда</i> осуществить <i>что</i> <i>каким образом (чем)</i> ;
"Изложение задачи полка"	<i>чему</i> с началом боевых действий <i>каким образом</i> во взаимодействии с <i>чем</i> <i>каким</i> вводом в бой <i>чего где</i> из положения дежурства <i>где (на чем)</i> прикрывать <i>что от чего</i> ;
"Изложение места и роли полка"	<i>кто (что)</i> действует в <i>чем</i> <i>чего (где)</i> , предназначенного для поражения <i>кого (чего)</i> при отражении <i>какого</i> удара <i>Кому (чему)</i> отводится роль в поражении <i>кого (чего) где (в чем)</i> .

Несмотря на то что формирование языковой компетенции в рамках аспекта обучения профессиональному общению, как отмечалось, не является первостепенной задачей, формально-вербальный план выражения РИ должен быть усвоен обучаемыми на уровне продуктивной речевой деятельности.

Безусловно, формирование дискурсивной, прагматической, стратегической и предметной компетенций невозможно вне текста. Вслед за Л. П. Клобуковой мы рассматриваем текст как высшую единицу обуче-

ния речевому общению⁸ Подчеркнем также, что при отборе коммуникативного минимума аспекта обучения профессиональному общению внимание следует направлять не столько на денотативное содержание текста, выраженное языковыми средствами, сколько на закодированную в нем информацию о ситуации речевого общения, его структуре. Тема, композиция, стиль, то есть жанр текста, задаются ситуацией общения, поэтому при составлении текстотеки основным критерием стал речевой жанр (далее РЖ). Заметим, что при отработке учебного материала актуальными являются такие жанровые особенности текста, как форма речи (устная / письменная), способ предъявления текста, композиционные элементы, их модальное значение и превалирующие морфологосинтаксические пометы (применительно к командно-деловому общению нами было зафиксировано 13 РЖ).

Таким образом, коммуникативный минимум, выступающий как коммуникативное ядро учебного материала аспекта обучения профессиональному общению, может быть представлен списком ТСФ, объединяющих в себе ЛСБ (языковой материал которых представлен фрагментарно в соответствии с темой ситуации), РИ и РЖ (речевой материал которых распределен последовательно и равномерно).

В заключение подчеркнем, что отбор учебного материала для формирования профессионально ориентированной КК обучаемых должен осуществляться на научной основе с использованием объективных данных, полученных в результате статистического анализа коммуникативного содержания исследуемого типа общения. Именно такой подход к методической организации обучающего процесса даст по-настоящему эффективные результаты.

⁸ Клобукова Л. П. Лингвометодические основы обучения иностранных студентов-нефилологов гуманитарных факультетов речевому общению на профессиональные темы. Дисс. ... докт. пед. наук. — М., 1995. — С. 155.

Идиоматическая фразеология в произведениях английской художественной литературы (программа спецкурса)

© кандидат филологических наук А. А. Изотова, 2000

Спецкурс предназначен для студентов романо-германского отделения 2-го и 3-го годов обучения и рассчитан на 15 лекций.

Во вводных лекциях рассматривается дихотомия фразеологических сочетаний английского языка, а именно наличие стилистически нейтральных фразеологических единиц и «собственно идиом», называемых иначе «устойчивыми метафорами». Объясняется также происхождение различных идиом, принадлежащих к группе «устойчивых метафор». (Существование библейских, шекспировских идиом, идиом, восходящих к произведениям Эзопа, Дж. Свифта, Д. Дефо, Дж. Мильтона, а также идиом, связанных с реальными или легендарными событиями, древними верованиями или занятиями). В данных лекциях рассматриваются также пословицы и поговорки, анализируется их структура и место, занимаемое ими в области идиоматической фразеологии.

Первая часть спецкурса «Деформация идиом как лингвистическая проблема» разъясняет понятие деформации или обыгрывания фразеологических единиц как онтологического свойства всех фразеологических сочетаний английского языка. «Деформация» понимается как «фигура речи, состоящая в разрушении семантической монолитности фразеологического сращения, в оживлении составляющих идиому слов и использовании их как самостоятельных единиц».

Подчеркивается, что деформацию идиом следует отличать от варьирования, то есть равноправного использования вариантов.

Семантическая и синтаксическая стабильность фразеологической единицы и ее компонентов лежит в основе изучения и систематизации приемов деформации фразеологических единиц, возникающей вследствие необратимого нарушения этой стабильности. В данной части спецкурса анализируются такие распространенные приемы деформации, как:

1. **Замена компонентов** в составе фразеологической единицы.
2. **Вклинивание**, при котором идиома преобразуется посредством внесения экстра элемента в ее состав.
3. **Эллипсис**, при котором опускается один или несколько компонентов идиомы.

4. **Контаминация**, то есть слитное употребление двух различных фразеологических единиц с обязательным опущением одного или нескольких компонентов.

Рассматривается также один из «осложненных приемов», такой как «двойная актуализация». Термин «Двойная актуализация» используется для обозначения такого употребления фразеологической единицы, когда она преднамеренно помещается в контекст, допускающий ее двоякую интерпретацию — как собственно фразеологической единицы и как свободного сочетания слов. При этом никакого нарушения материального состава данной единицы не происходит. Анализируются различные типы «двойной актуализации».

Вторая часть спецкурса озаглавлена «Метаметафора как проблема текстологии». В данном случае термин «метаметафора» используется для описания того эффекта, который достигается говорящим или пишущим при употреблении идиомы в речи для своих особых целей. В отличие от «узальных», «устойчивых» метафор, которые представляют собой собственно идиомы, «метаметафоры» всегда являются оригинальными, индивидуальными и зависят от творческих языковых способностей говорящего. «Метаметафора» основана на вторичном метафорическом смещении значения устойчивой метафоры.

Цель данной части спецкурса — описать лингвистический механизм «метаметафоры», то, каким образом она создается в речи и составляет часть текста. При анализе различных отрывков из текстов английской художественной литературы было показано, что «метаметафора» всегда индивидуальна, однако в ее основе отчетливо выделяются 2 главных процесса, которые приводят к разрушению структурно-семантической стабильности материального состава устойчивой метафоры, в результате чего и возникают разнообразные «метаметафоры».

«Метаметафора» создается в результате отдельного воспроизведения компонентов устойчивой метафоры, то есть слов «потенциальных» как самостоятельных лексических единиц со значением, тождественным глобальному идиоматическому значению исходной единицы.

С другой стороны, может произойти оживление внутренней формы устойчивой метафоры за счет сопоставления ее с омонимичным ей свободным сочетанием слов, а также словами, тематически близкими словам, послужившим основой исходной единицы.

Примеры, приводимые в данной части спецкурса, показывают, что расширение метафорического значения идиомы нередко происходит в более протяженных отрезках речи, а не в одном предложении. Таким образом, «метаметафора» может реализовываться в ряде предложений, тесно связанных между собой и воспринимающихся как нечто неразделимое. Другими словами, «метаметафора» является проблемой тексто-

логии. Данный прием реализуется в контексте, все элементы которого приобретают метафорическое или символическое значение.

Третья часть спецкурса «Деформация устойчивых метафор как часть филологической герменевтики» показывает, что широкое распространение деформации устойчивых метафор в английской художественной литературе тесно связано с национальными культурно-историческими особенностями развития английского языка. Традиция словесной игры вообще, а также использование метафорических единиц языка для создания новых образов восходит к творчеству таких писателей, как У. Шекспир, Дж. Свифт, Л. Стерн и др.

Особенно значительную роль деформация устойчивых метафор играет в творчестве писателей XIX века, таких как Дж. Голсуорси и др. В данной части спецкурса анализируется «Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси, в которой обнаруживается огромное разнообразие случаев деформации как в составе речи автора, так и в речи персонажей. Именно на основе тщательного изучения этого произведения оказалось возможным проследить изменение отношения образованных носителей английского языка к устойчивым метафорам вообще и усиление тенденции обыгрывать узуальные метафоры, которые все более и более воспринимаются как банальные клише, употребление которых несовместимо со статусом человека, обладающего высоким уровнем речевой культуры.

Изучение английской литературы XX века подтверждает тот факт, что деформация является не просто стилистическим приемом, более или менее удачно используемым отдельным автором, но все более определенно приобретает черты онтологического свойства устойчивых метафор. Это явление все более отчетливо связывается и с определенными социолингвистическими факторами, такими как уровень образования, социальное положение и т. д., которые определяют выбор того или иного члена оппозиции «словарная форма устойчивой метафоры» :: ее деформированная форма.

Из сказанного следует, что изучение деформации в художественной речи как части филологической герменевтики требует тщательного разграничения речи автора и речи персонажей, поскольку последняя, являясь типизированным речевым портретом определенной личности, отражает ее характерные особенности как представителя той или иной возрастной группы, социальной среды, уровня образования, профессии и т. д.

Анализ произведений таких писателей, как Э. Уилсон, Дж. Уэйн, К. Эмис, А. Мердок и др., творчество которых охватывает период с 30-х годов по настоящее время, позволяет сделать вывод о том, что воспро-

изведение устойчивых метафор у этих авторов обуславливается данной культурно-исторической традицией и связано с указанными моментами.

Таким образом, оппозиция «словарная форма устойчивой метафоры» :: «ее деформация» в рамках речевого портрета персонажа в современной английской художественной литературе имеет семиотический характер и выступает как неотъемлемый атрибут культурной английской речи, свойственной представителям образованных слоев английского общества.

Изучение всей совокупности деформаций, извлеченных из различных произведений английской художественной литературы XIX и XX веков, показало, что авторы обращаются к деформации одних и тех же устойчивых метафор, круг которых достаточно широк. Таким образом, можно говорить об особом *литературном метафольклоре*, который составляет часть национальной культуры. То обстоятельство, что основу литературного метафольклора составляют одни и те же устойчивые метафоры, свидетельствует о том, что эти единицы в современной английской речи занимают особое место и характеризуются функциональным своеобразием, обусловленным культурно-исторической традицией.

Принятый в данной части спецкурса топо-хроно-телео-аксиологический подход, предполагающий рассмотрение оппозиции «словарный вариант устойчивой метафоры» :: «ее деформация» в культурно-историческом и социально-психологическом планах, позволяет не только понять и оценить каждый конкретный случай деформации, но и соотнести его с существующим в сознании современного англичанина особым восприятием той части идиоматической фразеологии, которая обозначена термином «устойчивые метафоры».